М. СВЕТЛОВ

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА. «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1975

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том третий

СТАТЬИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ВЫСТУПЛЕНИЯ. СКАЗКИ

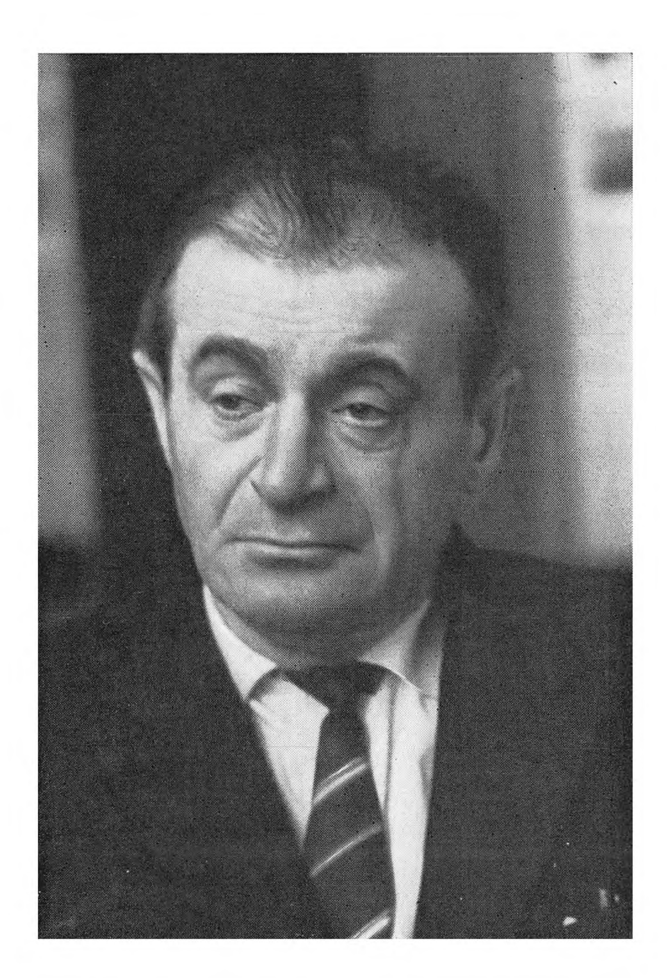
МОСКВА. «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1975

Р 2
С 24

Составление, подготовка текста
и примечания
А. А. Тарасовой

Оформление художника
Ю. Алексеевой

С $\frac{70402\text{-}344}{028\,(01)\text{-}75}$ подписное

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ, ВОСПОМИНАНИЯ И СТАТЬИ

ЗАМЕТКИ О МОЕЙ ЖИЗНИ

Моя культурная жизнь началась с того дня, когда мой отец приволок в дом огромный мешок с разрозненными томами сочинений наших классиков. Все это добро вместе с мешком стоило рубль шестьдесят копеек.

Отец вовсе не собирался создавать публичную библиотеку. Дело в том, что моя мать славилась на весь Екатеринослав производством жареных семечек. Книги предназначались на кульки. Я добился условия — книги пойдут на кульки только после того, как я их прочту. И тогда я узнал, что Пушкин и Лермонтов погибли на дуэли. И еще меня поразило слово «секундант», я был убежден, что это часовщик, в совершенстве владеющий секундными стрелками...

Тотчас же по прочтении всех книг я засел за собственный роман. Он был написан в два часа. Когда я его читал, моя сестра смотрела на меня с восхищением — приятно, когда в родной семье обнаруживается гений. Но меня постигла страшная судьба — весь роман занял две с половиной страницы, написанных крупным почерком. Я и сейчас помню название этого романа — «Ольга Мифузорина». К счастью, героиня недолго мучилась — она умерла на третьей странице.

В то время я учился в высшем начальном училище (четыре класса средней школы). Когда-нибудь, когда я еще постарею и стану более усидчивым, я подробно рас-

скажу читателю о нравах и быте старой школы, об учителях, каждому из которых мы придумали забавную кличку, о моем товарище Белоусове, убежавшем на фронт, но затем водворенном на место жительства, о Черногубовском, который за меня исполнял все чертежи, и я по этому предмету имел пятерку (вторая пятерка была по поведению, больше пятерок не было), и, наконец, о моем однокласснике Коле Коробкове. Здесь я должен ненадолго остановиться.

Будучи уже автором одного романа, я решил испытать себя в области поэзии. Стихотворение в двадцать строк заняло двадцать минут. Начиналось оно весьма свежей строкой: «Войско храбро наступает...» Дальше не помню.

Я посвятил Колю Коробкова в свои творческие успехи. Он молча выслушал.

Дело происходило вечером, на следующее утро он мне принес стихотворение размером до двухсот строк. Он, очевидно, решил, что в десять раз больше, значит, в десять раз лучше.

И тут между нами началось соревнование — кто напечатается первым? Мы шатались по редакциям, и ленточку финиша первым оборвал Коля Коробков. Его напечатали в общегородской ученической газете. Будучи совершенным невеждой в деле, которому я впоследствии посвятил всю остальную жизнь, я и тогда понимал, что стихи прескверные. Тогда я еще не мог знать, что очень нужная тема иногда тащит за собой очень плохой текст.

Через неделю мой друг нокаутировал меня во второй раз — его напечатали еще в какой-то газете. И затем имя его замелькало во всей печати. Я оставался непризнанным... Все же в 1917 году в газете «Голос солдата» было напечатано мое первое стихотворение.

Что же произошло после того, как я стал «культурным»?

Я попал в молодежный клуб «Маяк». Это была организация с меньшевистским уклоном, но где мне было разобраться в этом! Мы были совсем молодыми — мальчики и девочки, желавшие добра, но не понимавшие, как этого добра достигнуть. Надо сказать, правда, что мое пребывание в «Маяке» было очень недолгим.

Вскоре (это было в 1919 году) я вступил в комсомол, близко подружился с первыми комсомольцами моего родного города. Они были куда менее интеллигентны, чем «маяковцы», но куда более талантливы. Пятнадцатилетний Ефимчик славился по всей губернии как лучший оратор, громивший меньшевиков. Совсем молоденькая Соня Беднова прекрасно пела. У нее был слабо пробивавшийся румянец, как у Сикстинской Мадонны. Я подружился с Шпиндяком. Это был могучий парнишка, сын сапожника. Он картавил. Но он считал себя великим артистом и читал популярные в то время стихи «Их расстреляли». Мне казалось, что он нарочно выбирал стихи, в которых попадалось наибольшее количество «р». Он потом мужественно погиб в борьбе с кулаками.

Еще была девочка (забыл, как ее звали), которая обожала слово «индивидуум». Берелович был совестью нашей комсомольской организации. Не было боя, в котором он не участвовал. Под его председательством меня приняли в члены комсомола.

Была очень хорошенькая заведующая нашей библиотекой. Вся библиотека состояла из комплекта журнала «Нива» за 1910 год и нескольких большевистских брошюр.

Был Яша Цитович — секретарь нашего губкома. Сын состоятельных родителей, он с головой ушел в революцию. Он был тяжело ранен в первом же бою, и его

безжизненная правая рука всегда висела на перевязи. (Потом он научился великолепно писать левой рукой.)

В том же 1919 году я впервые в жизни вступил в должность — был назначен заведующим отделом печати Днепропетровского (тогда Екатеринославского) губкома КСМУ. Мы решили издавать комсомольский журнал «Юный пролетарий». Но журнал печатается на бумаге, а бумаги не было. С трудом достали конвертную. На ней шрифт был еле различим. Среди типографских работников в то время было много меньшевиков. Они всячески саботировали наше начинание, но все-таки несколько номеров журнала вышло,— это был первый на Украине комсомольский журнал.

И в это время ко мне — шестнадцатилетнему редактору — пришли со своими стихами два шестнадцатилетних паренька с Александровской улицы — Михаил Голодный и Александр Ясный. В нашей комсомольской организации я был единственным поэтом, теперь нас стало трое.

Мы устроили литературный вечер. Это был, наверное, первый на Украине комсомольский литературный вечер. Друзья мои еще кое-как держались, но когда я вышел на трибуну, у меня ноги подкашивались. Я начал тихо мямлить стихи, как вдруг кто-то из зала крикнул: «Давай, Мишка!» Голос мой сразу окреп, и закончил я звуками иерихонской трубы: «И ярко пеня́щийся кубок свободы мы, юноши, вам, старикам, подадим!»

Несмотря на неверное ударение в слове «пенящийся», меня проводили овациями.

И даже сейчас, когда я иногда чувствую себя неловко на трибуне, мне кажется, что до меня доносится ободряющий голос комсомольца нового поколения: «Давайте, Михаил Аркадьевич!»

В 1920 году я был командирован в Москву, на первый съезд пролетарских писателей.

«Я считаю, что мы пишем не хуже, чем наши столичные поэты. Надо ехать в Харьков»,— как-то сказал Михаил Голодный. (В то время столицей Украины был Харьков.) И уехал, и вскоре стал одним из самых популярных поэтов на Украине.

Вокруг города свирепствовали банды, и для защиты от них был создан Первый екатеринославский территориальный пехотный полк. Я вступил в этот полк и пробыл в нем несколько месяцев.

Затем я переехал в Харьков, где работал в отделе печати ЦК Комсомола Украины. Здесь в 1922 году была издана первая книга моих стихов «Рельсы». Очень смешное и трогательное впечатление она сейчас производит. Никто из нас тогда не имел точного представления о задачах своей профессии. Нам казалось, что чем замысловатей стихи, тем они художественней. Да и культура наша была слабовата.

А Михаил Голодный был неугомонен: «Ты послушай. Разве в Москве пишут лучше, чем пишем мы? Едем в Москву!» И Голодный, Ясный и я — не три сестры, а три брата по поэзии — поехали в Москву. Мы были бездомны довольно долгое время, пока нам не предоставили для общежития гостиницу сомнительного типа. Это здание и сейчас стоит на улице Чернышевского, и, проезжая мимо, я с грустью смотрю на него, как на памятник своей молодости.

Я с горестным удивлением вспоминаю тогдашнюю литературную Москву. Чего только не было! Не говоря уже об имажинистах, были еще «фуисты», «ничевоки» и какие-то еще «течения». У меня и сейчас сохранилась книжица «Родить мужчинам!». Даже болея менингитом, нельзя написать такое.

Шло время, и советская литература по-молодому металась в поисках самого близкого общения со своим мужающим читателем. Я участвовал в этих поисках. В 1926 году в Москве вышла книга моих стихов «Ночные встречи».

Как я жил эти годы? Учился сначала на рабфаке, затем на литературном факультете I Московского государственного университета, в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. В этом институте однажды произошел такой случай. Я, Голодный и Ясный прохаживались по коридору (мы не очень энергично посещали лекции). К нам подошел рослый, молодой, но уже седоватый человек и безапелляционно заявил: «Ребята! Сейчас я вам почитаю свои стихи». Мы не выразили особого восхищения (институт навещали полчища графоманов и буквально отравляли жизнь), но незнакомец настоял на своем. Он прочел три стихотворения, и мы сразу поняли, что он пишет лучше нас. Это был Эдуард Багрицкий. С этого дня мы крепко подружились до самой его смерти.

...Однажды, когда я сидел у поэта Бориса Ковынева, мне сказали, что меня зовет к телефону Маяковский. Я был убежден, что меня «разыгрывают», и не сразу взял трубку. Я ведь с Маяковским не был знаком. Маяковский терпеливо ждал.

— Послушайте, Светлов. Я в харьковской гостинице сидел в очереди к парикмахеру и от скуки начал перелистывать журнал «Октябрь». В нем напечатано ваше стихотворение «Пирушка». Оно мне очень понравилось. Я решил послать вам приветственную телеграмму, но потом передумал — позвоню ему лично, так будет ему приятнее. Не забудьте выбросить из стихотворения «влюбленный в звезду». Это литературщина.

— Я уже выбросил,— отвечаю.

— Тогда все прекрасно. Приходите завтра ко мне. Пойдем вместе на мой вечер в Политехнический.

На этом вечере он читал наизусть мою «Гренаду».

Я давно уже вышел из возраста приобретений и перешел в возраст потерь. Смерть разлучила меня со многими друзьями. Больше я не пожму уже руку Иосифу Уткину, Джеку Алтаузену, Артему Веселому, Борису Левину... Недавно я опять хоронил друга. Вокруг гроба стояли бесконечно дорогие мне комсомольцы 1919 года. Это были старые люди, седые и лысые. Самого себя я, естественно, не видел, но когда состарились твои сверстники, ты не можешь остаться молодым...

В 30-е годы я выпустил ряд сборников стихов: «Избранное» в Гослитиздате, «Корни» (издательство «Московский рабочий»), «Гренада» (издательство «Молодая гвардия»). В это же время я обратился к драматургии и написал пьесы «Глубокая провинция», «Сказка», «Двадцать лет спустя», которые ставились на сценах московских театров.

Так шли годы. Началась Великая Отечественная война. На войну я попал не сразу. Я был освобожден от военной службы, но мне не сиделось на месте. Писатель Лев Славин, обладатель собственной машины, направлялся корреспондентом «Красной звезды» в Ленинград. Я присоединился к нему. Прямой путь на Ленинград был немцами перерезан. Мы поехали в обход через Тихвин. Тихвин был взят немцами через два дня после нашего отъезда. Ленинград был полностью блокирован. Здесь я пережил первую бомбежку в открытом поле. Однажды, когда мы приближались к переднему краю, из-за леса вынырнуло несколько немецких бомбардировщиков. Мы выскочили из машины и, как говорится, «рассредоточились». Тогда немцы воевали беззаботно и не поленились на пять человек сбросить с десяток бомб.

После бомбежки мы поднялись в необычайно веселом настроении. Должно быть, это была реакция после пережитого страха.

В наших рядах мы недосчитались шофера. Мы обнаружили его восторженно сидящим на пеньке. Он глядел в небо и шепотом произнес только одно слово: «Солнышко!»

После того как сгорели бадаевские склады, голод овладел Ленинградом. Я приготовился к самому худшему, но в это время «Красная звезда» отозвала меня обратно в Москву. Я летел на устаревшем бомбардировщике бреющим полетом над самыми верхушками деревьев. Таким образом мы спасались от «мессершмиттов». В полусогнутом состоянии я расположился на самой бомбовой щели. Я беспокоился — вдруг летчик по рассеянности откроет эту щель, и я выпаду и взорвусь! Но этого не произошло.

В Москву продолжали прибывать товарищи с фронтов, и я чувствовал себя очень неловко — пройдет война, и мне нечего будет рассказать о ней. Мой друг, писатель Иван Иванович Чичеров, предложил мне: «Я работаю в армейской газете. Приезжай. Мы тебя зачислим».

Я поехал на Северо-Западный фронт в Первую ударную армию. Мне дали звание, но строевой выправки я так и не приобрел до самого конца войны.

В первые же дни со мной произошел забавный случай. Начальник политотдела армии терпеть не мог «штатских», считая их всех поголовно отъявленными трусами. Он решил послать меня на командный пункт полка во время боя. Меня об этом предупредил делопроизводитель политотдела. Я решил себя «доказать» и, минуя КП полка, направился на КП роты. Бой был жестоким, мы понесли много потерь, но я не очень тру-

сил — мне казалось, что на меня все время устремлен испытующий взгляд начальника политотдела.

Ему об этом, очевидно, доложили. Он встретил меня притворно сурово: «Почему вы пошли на КП роты? Я вас посылал на КП полка».— «Рота входит в состав этого полка. Таким образом, я приказа не нарушил». Он улыбнулся: «Говорят, был такой огонь, что нельзя было голову поднять».— «Можно было поднять голову,— ответил я,— но только отдельно». После такого ответа я сразу приобрел популярность.

Спустя некоторое время Первая ударная была направлена в Иран. Меня не взяли, и я очутился в резерве. Затем я поступил в распоряжение политотдела Девятого танкового корпуса на Первом Белорусском фронте. Там я прославился тем, что совершенно непонятным образом взял в плен четырех немцев.

С Девятым танковым корпусом я дошел до Берлина.

Когда-нибудь я более подробно расскажу об этом.

Война дала мне материал для пьесы «Бранденбургские ворота», я написал «Итальянец» и много других стихов.

Один эпизод из моей фронтовой жизни навсегда запомнился мне. Однажды после долгих уговоров разведчики взяли меня с собой. Когда я возвращался из разведки, начался сильный артналет.

Мы наступали слишком стремительно. Ни о каких окопах не могло быть и речи. Каждый солдат вырывал себе ямочку. Я бегал между этими ямочками и чувствовал себя, как в коммунальной квартире — жить можно, но спасаться негде. Наконец я нашел недорытую ямочку и постарался углубиться в нее. Девять десятых моего туловища было подставлено фашистской артиллерии, но она и на этот раз промахнулась.

Когда огонь утих, поле представляло собой как бы сцену кукольного театра — из ямочек выскакивали веселенькие фигурки.

Я поднялся и пошел к своим. И вдруг я слышу:

— Майор! А майор!

Субординация не мое отличительное качество. Я покорно подошел.

— Это правда, что вы написали «Каховку»?

— Правда.

— Как же вас сюда пускают?

Он был готов умереть раньше моей песни. Я был так взволнован, что ушел, не узнав его имени и фамилии. Я потом встречал этого бойца, но в образе других.

Как мало мы учитываем резонанс нашего писательского труда, значение его в воспитании благородных человеческих чувств!

За годы моей литературной работы у меня выработалось правило — пиши так, как будто ты сидишь и разговариваешь с читателем за одним столом. Но нельзя рассматривать своего читателя как единое тесто, из которого можно печь булки благополучия. Я получаю от читателей много писем, причем об одном и том же стихотворении люди бывают полярно противоположного мнения. Очень часто эти письма написаны удивительно беспомощными стихами, часто авторы их — люди самоуверенные, которым наш труд кажется необыкновенно легким. Слева большие буквы, справа — рифмочки,— вот тебе и готово стихотворение!

Зато с какой радостью читаю я письма своих хороших читателей! Им стихи могут совсем не понравиться, но какое в этих письмах уважение и внимание к моей работе! И сколько дельных замечаний в них! Не раз бывало, что, напечатав стихи в журнале, я поправлял их для книги, следуя указаниям своих добрых читателей.

Вот почему строгость и взыскательность в своей работе должны быть в каждом нашем обращении к читателю.

После войны я написал пьесу «С новым счастьем» и много новых стихов. Они выйдут отдельной книгой в издательстве «Советский писатель». Сейчас работаю над трагедией для театра им. Маяковского. Мысль о написании трагедии подал мне народный артист СССР Н. П. Охлопков. Серьезный жанр современной трагедии у нас почти отсутствует. Вот я и постараюсь заполнить этот пробел. Это будет пьеса о нашей молодежи. Молодежь, комсомольцы — любимые мои читатели и герои. Я и сейчас чувствую себя комсомольским поэтом, хотя уже много лет прошло с тех пор, как я был комсомольцем.

В молодости смотришь в будущее, как в бинокль. Все увеличено, все кажется более близким. Ты стоишь перед миром приобретений и вовсе не думаешь о потерях, которые приносит с собою старость.

Но вот приходит время, и ты, незаметно для себя, поворачиваешь бинокль в обратную сторону и видишь теперь молодость свою в большом отдалении, значительно преуменьшенной. И все, что ты видишь, теперь, пусть даже в четком, но отдаленном пространстве, называется воспоминаниями.

Мне, вспоминая, не стоит труда определить главную черту комсомольцев моего поколения. Эта главная черта — влюбленность. Влюбленность в бой, когда Родина в опасности, влюбленность в труд при созидании нового мира, влюбленность в девушку с мечтой сделать ее спутницей всей своей жизни и, наконец, влюбленность в поэзию и искусство, которые ты тоже никогда не покинешь.

Я был влюблен в поэзию с первого же дня моего вступления в комсомол. Не знаю, нашла ли во мне поэ-

зия достойного спутника жизни, но я ей до сих пор верен, как верен ей весь влюбленный в нее комсомол, ничуть не постаревший и так же устремленный в будущее.

Да разве может юность постареть?
Ей не пойти по старческому следу!
Уметь любить, уметь вперед смотреть,
Уметь дружить — три правила победы!

Декабрь 1958 г.

ЗАМЕТКИ

Пятый час ночи.

Те, кто делают советскую литературу, давно уже спят. В пятом часу ночи я один заменяю их всех — я сижу и работаю.

Стол мой завален шкурками колбасы, съеденной одним из моих голодных поклонников. На письменном столе спит моя мать. Мир тебе, старушка! Спи — я устроился на обеденном...

Жена моя спит, повернувшись лицом к стене. По стене, как по экрану, проходят ее скромные сны. Ребенок сопит в люльке. Это очень приятно, когда у тебя есть ребенок и когда он этак приятно сопит.

Ангелы сна пролетают над моей двухсаженной площадью...

Я уже, кажется, сказал, что сижу и работаю. Пишу заметки для отдела «Записки писателя». Должен написать о том, как я работаю. Это тоже работа. Для меня особенно трудная, ибо я в последний год мало чего написал. Мне было бы гораздо легче написать о том, как я не работаю.

Халтура! Это существо неодушевленное, но живучее. Ни одно живое существо так не расстраивало меня. Поэта-профессионала кормит его литературный гоно-

рар. Если «не пишется» или (что гораздо чаще) нет возможности писать,— надо халтурить.

— Миша! Напиши стихотворение. Мне нужны боты, — сказала мне жена в одну из «трудных» минут.

Она шутила. Но в глубине ее больших серых глаз я заметил хвостик нелегальной надежды: «А вдруг действительно напишет?!»

Недавно я ей купил боты...

Жена моя ни бельмеса не смыслит в поэзии. К стихотворению относится, как конторщица к уроду-хозяину: «Противный, но все-таки кормит!» Но рецензий не пишет. В ней погибает критик.

Никогда не писал прозы. Эти заметки — моя первая прозаическая вещь. Начал по Шкловскому. Рублеными фразами. Не мой жанр. Продолжаю иначе.

* * *

Сентиментальность — это не искусство. Несмотря на свой приятный розовый цвет, это жидкость ядовитая. Поэт, писатель должны быть опытными гомеопатами и отпускать на каждый печатный лист не более трех-четырех капель сентиментальности.

Сентиментальность не должна быть обнаженной — она должна просвечивать сквозь произведение, как загар сквозь тонкую рубаху.

Голая сентиментальность — это халтура, в лучшем случае — ханжество. Голые дураки те, кто принимает голую сентиментальность за задрапированную лирику. Человек страдает больше тогда, когда удерживает слезы, а не тогда, когда они катятся у него по лицу. Это, конечно, не значит, что глаза у нас созданы для того, чтобы слезоточить...

* * *

...Стихотворение «Я в жизни ни разу не был в таверне» появилось таким же образом, как и «Гренада».

Однажды вечером я шел с приятелем по Фонтанке. Шутя я сказал:

— Вот был бы номер, если бы здесь неожиданно появился тигр. Как быстро побежали бы все эти спокойно идущие люди!

Выдуманное стало как бы реальностью: медленно, вразвалку бредущий тигр и кинематографическая стремительность людей —

...Усатые тигры прошли к водопою...

Стихотворение было обречено — оно должно было быть написано.

Глубоко ошибаются те, кто думает, что сначала обдумывается тема, а затем пишется стихотворение. Строчка разбегается в тему. Инерция этого разбега создает стихотворение.

Часто поэт жалуется: «У меня есть замечательная тема для стихотворения, но я не знаю, как начать».

Ошибка в том, что он хочет именно «начать», т. е. писать подряд с первой строки. Нужна вообще строка (она случайно может быть и первой в стихотворении), но если ты приступаешь к теме и у тебя нет строки (неважно, какой по счету), от которой могло бы «разбежаться» все стихотворение,— стихотворения не получится. Получится нечто резонерское, антихудожественное, с неприлично расстегнутым социальным заданием.

Надо забыть о том, что стихотворение делается только с головы. Человеческий зародыш начинается не с

черепа, а со случайности. Это не значит, конечно, что разум в стихах отходит на задний план. Когда стихотворение «бежит», нужно натянуть поводья.

* * *

Когда кто-нибудь выступает с речью, в которой имена Безыменского и Жарова пересыпаются с именами Теофиля Готье и Поля Верлена,— нам кажется, что человек этот здорово образован.

Те-о-филь Готь-е! Это звучит эрудицией. На самом же деле эта эрудиция — миф. Человек только «образованность пущает». А многие верят. Верят потому, что им хочется, чтобы кто-нибудь да знал. Нельзя же, чтобы все ни черта не знали!

Так создается литературный фасон, очень часто меняющийся, ибо невежда обнаруживает себя. Каждый старается найти какого-нибудь забытого средневекового поэта и блеснуть им на ближайшем собрании. Это — своего рода «поиски нового человека».

Кризис в литературе огромен. Я только констатирую, но не разбираюсь в причинах. Болезнь очень серьезная, но зависит не от патологических изменений в литературном организме, — инфекция принесена снаружи, из сферы внелитературной.

Халтурщик кажется ангелом по сравнению с подхалимом, ханжой и лизоблюдом. Бороться с ними — это задача не только литературная.

Вот совершенно замечательный конец повести Кибальчича «Поросль»:

«Гребенкин после впрыскивания морфия открыл глаза, обвел мутным взглядом собравшихся и продолжал:

— Коммуна не должна погибнуть... мы вместе боролись за нее... Не забывайте великий завет великого

Ильича: «Коллективизм — первое звено к социализму»... Не вводите анархию... Если бы Пикулева... Пикулева сюда... Меня убил Антон... Штанчик... неважно... они понесут свою кару... жаль, нет Пикулева... Привет ему от меня... Я слышу великие перезвоны... это от коммун повсюду... слышен их звон... по всему миру города и села... деревни и столицы... все коммуны... все равны... все свободны... нет богатых и бедных... Про...о...щайте...

Григорий в последний раз откинул голову на подушку; глаза закрылись, веки сошлись, дыхание затихло.

Черноземного вождя не стало.

К воротам коммуны подъезжал автомобиль...»

Кибальчич вложил в уста умирающему целую «выдержанную» передовицу. Но это не для того, чтобы показать всю положительность героя — Гребенкина, а для того, чтобы читатель подумал: «Вот он какой советский — этот самый Кибальчич!»

В большинстве случаев делается так: ханжа и подхалим строго разделяют роли,— ханжа накачивает вокруг себя ореол рабочести, подхалим притворяется, что восхищен ореольчиком...

Кризис в литературе большой. Как его изжить? Мое мнение таково: нужно решительно и бесповоротно, раз навсегда, железной метлой...

Восьмой час утра. Я засыпаю....

Перо падает из моих ослабевших пальцев, и я еле успеваю (с большой неохотой) поставить свою фамилию под этими заметками.

1929

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

К 15-летию со дня смерти

1925 год. Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова. Перерыв между лекциями.

Мы, три комсомольских поэта (Михаил Голодный, Александр Ясный и я), сидим на подоконнике и, не помню уже о чем, беседуем. К нам грузно и медленно подходит не старый, но уже седоватый человек в гимнастерке и тяжелых сапогах:

— Послушайте, ребята, я вам сейчас почитаю стихи.

Это предложение было не из приятных. Стихи в то время писали и читали многие, подавляющее большинство их было плохими, каждому хотелось показать, какой он талантливый, и мы тосковали больше о простой человеческой речи, чем о стихах.

Но отказать незнакомому человеку было неудобно, тем более что сам он производил очень приятное впечатление, и мы с кислыми минами приготовились слушать.

Багрицкий начал с «Арбуза». Как только он его прочел, мы сразу поняли, что перед нами большой поэт и что не столь важно, чтобы мы его выслушали, сколь важно, чтобы он выслушал нас.

Эдуард продолжал читать. Нас было уже не четверо, а, пожалуй, человек тридцать. Подходили еще и еще. Тщетно надрывался звонок, призывая нас на очередную лекцию,— мы так и не пошли на нее. Прекрасное, своеобразное чтение Багрицкого прерывалось частым

кашлем (он страдал астмой). Мы требовали еще и еще. «В другой раз, ребята, вы видите, я больной человек, я сразу много не могу».

Он был утомлен, но счастлив. Каждый молодой поэт едет впервые в Москву с сомнением: как его примут, что скажут, трудно ли будет «пробиться»? Здесь признание было мгновенным и полным.

Спустя четверть века после этого первого дня нашего знакомства я перечитываю Багрицкого, и еще шире, еще многограннее встает передо мной образ этого замечательного поэта, чудесного спутника моей юности. Великий закон жизни: если хочешь, чтобы товарищи никогда не расставались с тобой, пиши хорошие книги, делай настоящую работу,— и разлуки никогда не будет. Я перечитываю Багрицкого, и мне кажется, что я никогда с ним не разлучался.

«Ребята! я пишу поэму. Послушайте кусок».

И он читает нам отрывок из «Думы про Опанаса». Очень нам нравилась эта поэма. Стоило нам узнать, что Эдуард написал еще хотя бы несколько строк,— и мы мгновенно мчались в Кунцево, где он тогда жил, чтобы услышать первыми.

Он очень любил поэзию и любил говорить о ней. Он больше, чем кто-либо из нас, понимал будущее советской поэзии, пути роста ее кадров, и отсюда его безграничные любовь и внимание к молодым поэтам, которые он пронес через всю свою жизнь. Это великолепно выражено в стихотворении «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым»:

Что ж! Дорогу нашу
Враз не разрубить:
Вместе есть нам кашу,
Вместе спать и пить...
Пусть другие дразнятся!

Наши дни легки...
Десять лет разницы —
Это пустяки!

Багрицкий начал писать и печататься еще тогда, когда литературно-художественные альманахи носили странные названия: «Авто в облаках», «Седьмое покрывало» и т. п. Предреволюционный декаданс захлестнул Одессу — родину поэта. Но и тогда, в своих ранних произведениях, Багрицкий уже обладал революционным темпераментом. Он облачался в поэтическую традиционную форму, как ребенок в материнскую шаль,— шаль была старой, а лицо — молодым. Вот почему Багрицкий не испытывал никакого кризиса при переходе от тем литературно-патетических к темам революционной действительности:

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы...

Это отрывок из стихотворения «Смерть пионерки». Каким огромным и горячим сердцем надо обладать, чтобы написать такое стихотворение!

Тихо подымается,
Призрачно легка,
Над больничной койкой
Детская рука...

Еще поражает в Э. Багрицком диапазон его творчества. От «Уленшпигеля» до стихов на агитпоезде «Интернационал», от «Трактира» до «Думы про Опанаса» — широкий путь прошла поэзия Багрицкого по полям гражданской войны, громким голосом говорил поэт в первые годы созидания нашей социалистической державы. Болезнь мешала ему быть более активным бойцом и строителем, и весь свой гражданский темперамент вкладывал Багрицкий в поэтическое творчество.

Когда мы вспоминаем об ушедших друзьях, мы подчас думаем об их странностях. Багрицкий, например, слыл страстным охотником. Но я убежден в том, что за всю свою жизнь он не убил ни одного зверя, ни одной птицы. Зато с каким наслаждением он надевал высокие сапоги и пропадал в болотах,— ему нужна была не самая охота, а воздух, атмосфера ее. Отсюда — голуби, рыбы и звери по-домашнему чувствуют себя в его произведениях.

Много можно написать о Багрицком. Пятнадцать лет прошло со дня его смерти, но стоит мне только развернуть книгу его стихов, как предо мной сразу предстает окруженный молодежью большой, своеобразной красоты седой человек (которому еще далеко до сорока): «Почитайте-ка, ребята, что вы там такое написали!»

Молодежь читает, Багрицкий слушает, улыбаясь. Ни разу никто не слышал от него резкого слова, и вместе с тем он ни разу не похвалил то, что ему не нравилось. Поэт, воспитатель поэтов, Багрицкий продолжает жить в нашей памяти о нем, в нашей любви к нему.

1949

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Я хочу рассказать не о герое, совершившем однажды подвиг, а о человеке повседневного благородного поведения.

Судя по тому, что мне о нем говорили, я представлял себе, что увижу пожилого мужчину, много пережившего, а поэтому хорошо понимающего чужое горе и радость. А предо мной предстал молодой человек 1921 года рождения, с тихим голосом, задумчивым взглядом, скромными манерами.

Коммунист Михаил Ильич Брызгалов пришел с фронта без трех пальцев на правой руке. Ленинградский отдел социального обеспечения направил его на работу в Ждановский райсобес.

Брызгалова назначили инспектором по трудовому и бытовому устройству пенсионеров. Он понял, какое большое и ответственное дело поручалось ему. Новая работа обязывала его быть олицетворением той огромной и мудрой заботы, того чуткого и неустанного внимания, с которыми относится советское государство к больным и престарелым гражданам, к семьям погибших воинов.

Брызгалов должен был хорошо знать все нужды, затруднения, потребности людей, о которых ему предстояло заботиться. Он должен был уметь помочь этим людям словом дружеского совета и участия, он должен

был уметь помочь им делом, представляя и защищая их интересы.

У инспектора райсобеса много обязанностей. И это нелегкие обязанности. С ними можно справиться только тогда, когда работником руководит чувство гражданского и человеческого долга. Иначе обязанность превращается в пустую формальность.

Да, инспектор должен знать, как живут «подведомственные» ему люди. Но Брызгалову было известно, что некоторые товарищи обычно узнают об этом, сидя за своим служебным столом, поджидая, когда к ним обратятся за помощью.

Брызгалов тоже мог бы аккуратно отбывать службу и тешить себя мыслью о пользе, им приносимой. К сожалению, этим довольствуются многие.

Но Михаил Ильич поступил иначе. В первый же день он начал обход своего участка и продолжал этот обход все последующие дни, пока лично не познакомился со всеми пенсионерами. Он обнаружил много несправедливости, нечуткости, равнодушия. Он увидел, что некоторые руководители учреждений забыли о том, что помощь пенсионерам не благотворительность, а выполнение государством долга перед советским гражданином, что инвалид — не выброшенный за борт человек, а полноправный член общества. Нужно было напомнить об этом, а такие напоминания иногда требуют большой затраты сил, времени, энергии.

Это также было обязанностью инспектора. Михаил Ильич знал, что многие инспекторы, не успевая выполнять эту обязанность, не находят ничего лучшего, как просто жаловаться на нехватку времени и сил.

Брызгалов относился к делу иначе и поэтому скоро пришел к простой мысли — надо создать актив. Внимательно присматривался он к людям, много и часто

беседовал с ними. Внимательно слушали его. Главное, чем были проникнуты слова этих людей,— тоска по работе.

— Я не работаю и вряд ли когда-нибудь буду работать. Значит, я бесполезный член общества,— грустно сказал безногий инвалид Анатолий Иванович Моисеев.— А между тем я опытный старый мастер.

— Что-нибудь придумаем,— ответил Брызгалов.

И на этот раз Михаил Ильич серьезно задумался. Часто получалось так, что квалифицированный человек, потерявший ногу или руку, навсегда прощался с прежней профессией, и его устраивали на «легкую» работу. Почему-то считалось, что устроить такого человека сторожем или вахтером — это и значит выполнить свою обязанность.

Брызгалов и здесь поступил так, как подсказал ему его человеческий долг.

В тот же день он пошел на металлургический завод к начальнику отдела кадров Георгию Михайловичу Горелову. Посоветовавшись, оба приняли следующее решение: надо сделать так, чтобы за станком можно было не только стоять, но и сидеть. И хотя заводская практика не знает случая, чтобы станки были снабжены «мебелью», был все же сконструирован особый стул, сидя на котором Моисеев теперь выполняет норму на 200 процентов — производит вдвое больше, чем требуется от здорового человека!

А когда Моисеев однажды заболел и пролежал в госпитале свыше двух месяцев, врач завода Раиса Александровна Лобырева, которую Брызгалов вдохновил своим энтузиазмом, добилась того, чтобы Моисеева по выздоровлении отправили в санаторий.

— Итак, нас уже трое. Актив начинает сколачиваться. Надо продолжать,— решил Брызгалов.

Он обратил внимание на пожилую пенсионерку Анну Романовну Якушеву. Разговорился с ней. И, видимо, было в его словах что-то располагающее, внушающее доверие. Якушева рассказала молодому человеку о том, что он не видел в своей жизни,— о чудовищной эксплуатации, которой подвергалась в молодости, о нужде и горе, кажущихся нашей молодежи почти невероятными.

— ...И теперь, когда я вижу какую-нибудь несправедливость, я прямо бешеной становлюсь...— закончила она, улыбаясь.— Включайте меня в свой актив. Я свою пользу принесу.

— Но ведь вам трудно ходить?

— Не беспокойтесь. Куда надо, дойду.

И она с молодой энергией погрузилась в заботу о порученных ей людях.

— Не то нынче время, не моя нынче молодость!

Она добивалась всего, в чем нуждались пенсионеры,— путевки, пособия, устройства на работу, квартиры.

— Бюрократы боятся ее, как огня,— сказал мне Брызгалов, смеясь, и добавил уже совсем военным языком: — Анна Романовна яростно вклинивается в их оборону и не успокаивается до тех пор, пока не вырвется на оперативный простор.

Вслед за ней в актив вошла молодая женщина — инвалид Отечественной войны Любовь Павловна Вересова. Забота о людях сделала ее веселой и жизнерадостной. Хоть раз в неделю она обязательно должна побывать у каждого из своих подопечных и оказать им посильную помощь.

— Я хоть и сама на пенсии и не в состоянии работать,— сказала она мне,— но у меня замечательная человеческая должность.

Брызгалов продолжал расширять актив. В него входило уже 38 человек. При многих домоуправлениях

были созданы специальные комиссии содействия обслуживанию пенсионеров, на предприятиях — комиссии по трудоустройству. Партийные и профсоюзные работники, представители администрации, врачи, инженеры, рабочие, сами пенсионеры работают в этих комиссиях.

Я не берусь рассказать о всем том прекрасном, что делают эти люди.

Нельзя рассказать обо всех, но надо упомянуть еще о пенсионере по старости — Анне Леонардовне Руновой.

— Обязательно напишите о ней. Она замечательный человек!

— А вы?

— Ну, что я...— улыбнулся Брызгалов.

Выполнение высокого гражданского долга всегда приносит прежде всего творческое удовлетворение. Брызгалов считает своим долгом и дружески поддержать утомленного недугом человека, и бороться с бюрократами, и отправить детей погибших воинов в пионерские лагери, и помочь инвалиду найти свое боевое место в рядах строителей коммунизма. Много хорошего, полезного, нужного делает человек, если он настоящий коммунист, если он настоящий советский человек!

Мы часто называем друзьями людей, которые к нам хорошо относятся. Этого мало для дружбы. Нужно еще их высокое отношение не только к тебе, но и к другим людям, к делу, к идее, которой они служат.

Вот таких людей я и встретил в Ленинграде, в Ждановском райсобесе,— не только товарищей по работе, но и больших, преданных друзей, организованных в единый коллектив Михаилом Ильичом Брызгаловым, скромным инспектором райсобеса, прекрасно исполняющим эту человеческую должность.

1950

НАРОД И ЕГО ПОЭТЫ

Многие себе представляют народ, как солдат на параде — все одинаковы. Но любой парад, как бы он ни был торжествен, всегда кончается. Солдаты расходятся по казармам, спустя некоторое время демобилизуются, и у каждого начинается своя жизнь. Значит, народ — это не миллионы одинаковых людей, это миллионы разных людей, устремленных к одной цели. Дворничиха подметает снег, ученый держит свой светильник науки, а поэт протягивает свою неизданную книгу. Надо обслуживать народ во всех его разных желаниях и необходимостях. Нужен и лубок и Третьяковская галерея, нужна и Уланова и самодеятельные танцы. Во всем этом есть своя прелесть. Нельзя все делать одинаково. Щи бывают не только суточные.

Моя любимая аудитория — это комсомольцы, студенты и солдаты. Как бы я ни захотел стать колхозным поэтом, ничего не получится. Один солдат никогда не сможет обслужить весь фронт. Он поставлен на определенный участок. И я могу стоять только на своем посту. Если я буду бегать по всему фронту, через мой пустующий участок проберется враг. Значит, когда партия говорит нам: «служи народу!» — это вовсе не значит — будь одновременно и сталеваром и пахарем. Поэт это

не связной между народом и поэзией. Поэт родился в народе и, насколько он в силах, поэзию создает в нем. Иначе он стреляет холостыми патронами. Правда, холостой патрон производит такой же шум, как и настоящий, но где, кто и когда видел мишень, пробитую холостым выстрелом?

Преамбула становится несколько длинноватой, и я перехожу к самой сути. Дело в том, что мы далеко не всегда учитываем широкий диапазон, которым обладают песня и стихотворение. Написал стишок — и ладно. А между тем твой труд широкими волнами переливается по всему народу. Если ты работаешь по-настоящему, ты становишься по-настоящему дорог своему читателю. Он готов грудью своей защитить тебя в минуту опасности. Тебя видят все твои читатели, а ты знаешь только некоторых из них. Когда пишешь, надо представить себе, что ты их всех знаешь.

В доказательство вышесказанного приведу один пример.

То, что я сейчас расскажу,— не плод моего воображения. И вместе с тем это не желание показаться очень красивым в Отечественную войну. Я пришел в наш разведывательный батальон. На мне фурункулы горели, как знамена. Но я виду не подал и улегся с разведчиками спать. Мы повесили брезент наискось от бронетранспортера. Ночью пошел дождь. Я проснулся в воде. Не было более несчастного населения на земле, чем мои фурункулы. Предстояла разведка. Я попросился. «Нельзя, товарищ майор, мы за вас отвечаем. Командир накажет». Но я их уговорил, и мы помчались. Командир нам действительно встретился, но на мне сидел такой широкий стрелок, что меня под ним невозможно было разглядеть даже под микроскопом. Я очень любил этих людей, и они меня очень любили. Они были

молодые, я им сочинял не совсем приличные сказки, и дай мне бог еще такого вдохновения.

Дорога простреливалась. Стояла наша разбитая самоходка. Мы некоторое время блуждали и наконец пересекли передний край. Ни на одном заседании мне не было так скучно, как в этой разведке. В первой деревне никого не оказалось. Во второй деревне старик и старуха, глухие еще с восемнадцатого века, ничего нам объяснить не смогли. «Были немцы?» — «Кажись, были».

Пошли дальше. Томило июльское солнце. Я попросился обратно. Разведчики обрадовались. Я был им в тягость. И я пошел. У самого переднего края я попал под артналет. Авиация по сравнению с артиллерией— добрая внучка. Самолет я вижу в небе, а куда попадет снаряд — я не знаю...

И еще я вспоминаю свою недавнюю поездку на Алтай. Я с моим другом — режиссером театра им. Ермоловой — изнемогали от жажды. В поисках воды мы зашли на МТС. И вдруг мы слышим:

Гренада, Гренада,
Гренада моя!

Во мне проснулось неожиданное честолюбие, мы вошли, и я сказал: «Я — автор!»

«Документы!» — потребовала девушка.

Я предъявил.

«Я думал, что вы куда моложе!» — разочарованно сказал юноша.

Не мог же я объяснить этим молодоженам, что не я виноват, не Советская власть, а только время.

Потом я уехал в колхоз, а когда вернулся, девушка оказалась одна, возлюбленный ее покинул. Подруги ее

утешают: «Ты еще молодая, красивая, тебя еще знаешь какой человек полюбит!»

На что она ответила:

— Вы что думаете — мне спать не с кем! Мне просыпаться не с кем.

Я хочу просыпаться вместе со своим народом, со своим читателем и засыпать только тогда, когда я очень устану, с тем, чтобы опять просыпаться и трудиться вместе с народом.

⟨1955⟩

НЕСКОЛЬКО МОИХ СЛОВ О ВАЛЕНТИНЕ КАТАЕВЕ

Это никоим образом не критическая статья. Это несколько моих слов о молодости Валентина Катаева и о моей молодости.

Я в своей долгой жизни встречался со многими талантливыми людьми. Таланты бывали разные. Таланты бывали строгие. Видно было, что этот человек может сделать то, чего не может сделать другой, но меня к этому человеку не очень тянуло. Таланты бывали беспутные, и тогда я, как и мы все, очень сокрушались: «Господи! сколько бы этот человек мог сделать!» Таланты бывали — так себе. Но их было так много, что я даже не могу разобраться в них.

Самым главным качеством в таланте для меня является его очарование. Именно поэтому я и люблю советского писателя Валентина Катаева.

Когда мы познакомились с ним, он был старше меня на семь лет. И, как это вам ни покажется странным, эта разница в годах сохранилась до сих пор.

В 1923 году (а может быть, несколько позже) к нам в общежитие комсомольских поэтов «Молодая гвардия» (Покровка, 3) пришел и познакомился с нами начинающий прозаик Валя Катаев. Он прочел нам рассказ «Ножи». Очарование нельзя заработать, так же как нель-

зя заработать сердце, руку или ногу. Очарование может быть только органичным. Это его органичное очарование нас и покорило. Зерно его очарования, как мы в этом уже давно убедились, выросло в могучий колос. Я себе даже не могу представить советского человека, не читавшего Валентина Катаева.

Добро может быть разным. Человек может быть добреньким. Таких людей я просто не выношу. Но когда добро активно, тогда создаются прогрессивные революции. Валентин Катаев — писатель активного добра. Весьма активного. Кроме того, я его давно-давно знаю. И поэтому моя любовь к нему увеличивается почти вдвое.

Я себе представляю, как он глубокой ночью продолжает своих Бачеев. Он увлекся работой. И вдруг раздается звонок. Катаев неохотно поднимается: «Кто там?»

А это я звоню. «Отвори дверь, Валя. Пришел друг».

⟨1957⟩

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

Дорогие мои юные друзья!

Я родился в 1903 году. Даже не обладая большими математическими способностями, легко высчитать, что мне уже 54 года. Это много для одного человека. А начал я печататься в 1917 году, когда мне было четырнадцать лет. Это маловато для одного человека.

Я участник двух войн — гражданской и Отечественной. Я комсомолец девятнадцатого года. Но как-то неудобно самому о себе рассказывать. Найдутся добрые люди, которые это сделают за меня.

А я хочу воспользоваться нашей встречей с вами, чтобы поговорить о своей профессии, к которой многие из вас тянутся.

Как много людей пишут стихи и как мало среди них поэтов! Почему это так получается?

Потому что на первый взгляд труд поэта кажется очень легким. Зарифмовал, скажем, «березы — морозы», построил стихотворение столбиком, стараешься убедить своего читателя в том, что ты удивительно, безумно любишь учиться или трудиться,— и стихотворение готово. На самом деле это совсем не так.

Я не могу погрузить вас в тайну поэтического творчества. Я могу только, в меру своих сил, приблизить вас к пониманию этой тайны.

В первую очередь, как это вам ни покажется странным, для того, чтобы стать поэтом, нужен талант. Затем нужна любовь, из которой рождается ненависть к противникам твоей любви. Затем нужно мастерство. Затем нужно сохранять в себе состояние всегдашней работы.

Я помню, как Маяковский во время, казалось бы, совсем обыкновенной беседы вдруг поднимался и говорил: «Простите, товарищи, одну минуточку!» — что-то записывал и продолжал беседу. Я как-то наткнулся на одну его записную книжку. В ней ничего нельзя было понять. Это понимал только он один.

Маяковский для меня — самое святое воспоминание в поэзии. Я никогда не подражал Маяковскому. Можно подражать чему угодно, только не темпераменту. Я подражал Блоку, Тютчеву, даже извините, Надсону. И только тогда, когда я понял свою главную задачу, мне кажется, я стал поэтом.

В чем же заключается эта главная задача советского поэта?

В том, что ты обязан сообщить своему читателю что-то очень ему необходимое. Без этой задачи — ты не поэт, а самый обыкновенный культурник. Я вовсе не хочу охаивать наших культмассовых работников. Они делают большое и полезное дело, и я с полным уважением отношусь к ним. Я просто хочу сказать о редкости таланта.

И еще о том (это уже побочный разговор), что плохой человек не может стать хорошим поэтом. Как ты можешь уговорить читателя стать лучшим, если сам ты ничего не стоишь? Значит, речь идет о воинственной светлой идейности.

Средний поэт всегда рядом с читателем, а талант (и особенно гений) всегда находится впереди читателя.

Ленин всегда был впереди своего времени. И человечество всегда будет ему за это благодарно. Он умел предвидеть.

Это качество необходимо также и поэту. Я понимаю необходимость этого качества, но не всегда этим качеством обладаю.

Вот вы сами убедитесь в этом, прочитав эту предлагаемую вам книжку.

Май 1957 г.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Воспоминание цепляется за воспоминание и, боюсь, эта цепная реакция помешает строгости и стройности моего рассказа.

Мне хочется рассказать о том, как я написал «Гренаду» и впервые ее напечатал.

В двадцать шестом году я проходил однажды днем по Тверской мимо кино «Арс» (там теперь помещается театр имени Станиславского). В глубине двора я увидел вывеску: «Гостиница «Гренада». И у меня появилась шальная мысль — дай-ка я напишу какую-нибудь серенаду!

Но в трамвае по дороге домой я пожалел истратить такое редкое слово на пустяки. Подходя к дому, я начал напевать: «Гренада, Гренада...» Кто может так напевать? Не испанец же? Это было бы слишком примитивно. Тогда кто же?Когда я открыл дверь, я уже знал, кто так будет петь. Да, конечно же, мой родной украинский хлопец. Стихотворение было уже фактически готово, его оставалось только написать, что я и сделал.

Я часто думаю, каким образом происходит процесс творчества? И эти думы мне очень мешают — я начинаю констатировать, вместо того, чтобы чувствовать: вот я радуюсь, вот я печалюсь, вот я люблю, и через час будет готово стихотворение. Это может привести к полной погибели твоей как поэта.

После многих лет, исследуя свое тогдашнее состояние, я понимаю, что во мне накопилось к тому времени большое чувство интернационализма. Я по-боевому общался и с русскими, и с китайцами, и с латышами, и с людьми других национальностей. Нас объединило участие в гражданской войне. Надо было только включить первую скорость, и мой интернационализм пришел в движение. Значит, главная гарантия успеха твоего будущего сочинения — это накопление чувств и, значит, твоего отношения к действительности. Если ты хочешь как поэт принести пользу людям, то ты можешь это сделать только «размозолев от брожения», как сказал Маяковский.

Чего надо бояться в нашем деле? Надо бояться таблицы умножения. То, что девятью девять — восемьдесят один, не ты сочинил. Любить родину — не твоя идея. А вот *как* ее любить, ты должен сообщить людям. Ты должен не повторять патриотизм, а продолжать его. Иначе ты будешь похож на человека, который изобрел деревянный велосипед, не зная, что уже есть металлические.

Теперь, прожив и поработав уже много лет, я понял, что нажатием маленькой кнопки можно привести в действие большой механизм. Был бы механизм, а кнопка всегда найдется. Казалось бы, пустяковая вывеска на гостинице, но она заслонила все остальное, что я сделал. И я очень советую молодым поэтам, если у тебя нет душевного накопления, не иди к людям — побудь один.

И вот мой хлопец из «Гренады» все еще жив. В прошлом году мы справляли тридцатилетие со дня его рождения.

Вот уже много лет ко мне приходит эхо «Гренады». Оно возвращается из Китая, из Франции, из Польши,

из других стран. В этом, конечно, заключается большое счастье, но есть и ощущение горечи. Неужели же я — автор только одного стихотворения? Хочется думать, что это не так. Но даже если это и так, то можно прийти и к другому отрадному для меня выводу. Если считать, что в нашем Союзе писателей находится не меньше тысячи поэтов и если бы каждый из них написал хотя бы по одному нужному людям стихотворению, то мы бы уже давно обогнали лучший в литературе девятнадцатый век.

И еще один мой совет молодому поэту — не пропускай мимо ни одного прохожего. Обязательно заговори с ним! И он обрадуется, и ты как поэт обогатишься.

И еще один совет — не старайся петь басом, если у тебя нет баса. Вот у Маяковского был бас, и я никогда не подражал ему. У меня, видимо, меццо-сопрано.

Ну, если я уж начал советовать, то меня не остановишь.

Никакого мотора в поэзии еще не выдумано. Ты можешь плыть только на парусах, и эти паруса должны быть направлены обязательно против ветра. И поэтому меня очень огорчает желание многих молодых поэтов напечататься, а не стать поэтами. Никого и ничего не бойтесь! Если твоя жизнь, твой труд — не подвиг, то как же ты можешь звать к подвигу?

Я в своей дальнейшей работе понял, что так называемый «метод физического действия» применим не только в театре, но и в поэзии. Можно добиться вдохновения, не покорно дожидаясь его. Скажем, вы набрели на слово, редко встречающееся в стихах. И вы начинаете размышлять — с каким событием в вашей жизни, с чем узнанным, пережитым сочетается это слово? Не сочетается? Выбрасывайте. Ищите еще.

Однажды я остановился на слове «ангел». Его давно в поэзии не было. Мне захотелось, чтобы мистика послужила совсем не мистическому стихотворению. Значит, мне надо придумать каких-то особых ангелов. Вот вам и готовая строка:

Ангелы, придуманные мной...

И сейчас же последовала вторая:

Снова посетили шар земной...

То же самое я могу сказать и о рифме. Рифма страшна только начинающему поэту, а зрелому она первый помощник.

Но возвращаюсь к «Гренаде».

Стихотворение, скажу прямо, мне очень понравилось. Я с пылу, с жару побежал в «Красную новь». В приемной у редактора Александра Константиновича Воронского я застал Есенина и Багрицкого. С Есениным я не был коротко знаком, по Багрицкому я тотчас же протянул стихи и жадно глядел на него, ожидая восторга. Но восторга не было.

— Ничего! — сказал он.

Воронского «Гренада» также не потрясла:

— Хорошо. Я их, может быть, напечатаю в августе.

А был май, и у меня не было ни копейки. И я, как борзая, помчался по редакциям. Везде одно и то же. И только старейший журнальный работник А. Ступникер, служивший тогда в журнале «Октябрь», взмолился:

— Миша! Стихи великолепные, но в редакции нет ни копейки. Умоляю тебя подождать!

Но где там ждать!

Я помчался к Иосифу Уткину. Он тогда заведовал «Литературной страницей» в «Комсомольской правде».

Он тоже сказал: «Ничего!», но стихи напечатал. Прошло некоторое время. И вдобавок (горе мое!) мне уплатили не по полтиннику за строку, как обычно, а по сорок копеек. И когда я пришел объясниться, мне строго сказали: «Светлов может писать лучше!»

Как-то Семен Кирсанов прочел «Гренаду». Она ему очень понравилась. Он побежал с ней к Маяковскому. Маяковский бурно не реагировал, но оставил стихи у себя.

Через несколько дней состоялся его вечер в Политехническом музее. Зал был переполнен. Я долго стоял, очень устал и отправился домой, не дождавшись конца. А вернувшийся позже сосед сказал мне:

— Чего ж ты ушел? Маяковский читал наизусть твою «Гренаду»!

А потом он читал ее во многих городах. Мы с ним тесно познакомились. Но это уже отдельная тема — разговор о бесконечно дорогом мне поэте и человеке.

Такова, насколько я помню, история моего стихотворения.

1957

ЧТО МЕНЯ ПОБУДИЛО НАПИСАТЬ «ГРЕНАДУ»

Однажды Маяковский, улыбаясь, сказал мне: «Светлов! Что бы я ни написал, все равно все возвращаются к моему «Облаку в штанах». Боюсь, что с вами и с вашей «Гренадой» произойдет то же самое».

Это были пророческие слова. Кто бы со мной ни познакомился, обязательно скажет: «А, Светлов! «Гренада»!» Становится несколько обидно: выходит, что за сорок лет своей литературной деятельности я написал только одно стихотворение.

Думаю все же, что это не так. Но доказывать как-то не хочется.

Тема международного братства в наши дни стала куда шире, чем в то время, когда я написал «Гренаду». Тема стала жизнью. Социализм из орленка вырос в орла. Глобус все больше и больше покрывается красным цветом братского знамени. И, конечно, каждому поэту хочется, чтобы на этом знамени была выткана хоть одна его — поэта — ниточка.

И когда комсомольцы смотрят на меня с уважением к моей наступающей старости, мне хочется крикнуть на всю вселенную: «Товарищи! Я еще что-нибудь напишу, кроме «Гренады»!»

Мне недавно прислали из Парижа пластинку. На ней озвучена «Гренада». Прекрасна музыка, сочинен-

ная композитором на слова моей песни, хорошо исполняет ее певец. Почему все так хорошо получилось? Сблизились народы, сблизились сердца, и, следовательно, сблизилось искусство. Если в двадцатых годах бесконечно дорогой мне парнишка ездил верхом по Украине и пел международную песню, то сколько же их сейчас — этих влюбленных в справедливость парнишек — и в Китае, и в Болгарии, и в Румынии, и в Польше, и в других странах молодого социализма!

На одном собрании меня спросили: «Что же вас все-таки побудило написать «Гренаду»? И кто-то, шутя, добавил: «Ведь у вас в Испании нет никаких родственников».

Ответ очень простой: Советская власть побудила.

У нас часто происходит так. Молодой поэт едет на целину и тут же дует поэму о целине, едет на Магнитку — и тут же перед потрясенным читателем стихи о Магнитке. Но поэмы эти и стихи никого не трогают. Почему это происходит? Потому что чувства еще не накопились. Нельзя мир ощущать только зрением, только слухом или только обонянием. Нужна мобилизация всех чувств для того, чтобы написать хотя бы только одно стихотворение.

Есть непреложный закон творчества — накопление чувств. И никогда не следует забывать об этом.

Мне далеко до полного заката!
Так много видевший, уже немолодой,
Я так хочу, чтоб чувства, как солдаты,
В моей душе не покидали строй!

1958

ЛИТВА—РЕСПУБЛИКА ПОЭТОВ

Я недавно впервые побывал в Литве. У меня такое впечатление, будто я гостил у родной сестры, живущей в Прибалтике. Все родное — и города, и села, и музеи, и люди, и, конечно, в первую очередь поэты. И те поэты, с которыми я познакомился в Москве, и те, с которыми я подружился в Вильнюсе и в Каунасе.

Очень хорошее дело затеял наш Союз писателей — недели и декады русской поэзии в братских республиках. Поэтическое стало политическим, и наоборот, политическое — поэтическим. Теперь нас водой не разольешь.

Руководитель нашей группы Василий Захарченко все время подавал меня как «старейшего» и как «ветерана». Чувствуя себя человеком еще не совсем преклонного возраста, я согласен только в одном — я старейший друг Литвы и ветеран этой дружбы. Сознание дружбы народов стало нашим инстинктом — мы уже иначе не можем. Я хочу, чтобы мои руки стали настолько обширными, чтобы я мог ими обнять всю Литву.

Литва— это республика поэзии. Стихи там издаются бо́льшими тиражами, чем в Российской Федерации. Значит, у них и Книготорг более поэтический. А ведь республика по размерам куда меньше нашей!

Вот уже самолет рулит на старте. Вот он в воздухе. Вот он приземлился в Москве. Привет, дорогая Литва, самый, самый горячий привет!

1959

КОРОТКИЕ МЫСЛИ

Отлично понимаю всю опасность такого названия статьи. Это вкуснейший хлеб для пародистов. И тем не менее я иду па риск, надеясь на то, что мои разрозненные — и потому несколько сумбурные — мысли помогут все же кому-нибудь.

В чем, на мой взгляд, заключается главная опасность для советского писателя? В том, что он может принять происшествие за событие, и, наоборот, низвести событие до уровня происшествия. Это страшно для писателя. Мы можем злость принять за гнев, сентиментальность — за любовь, демагогию — за искусство. Разве нам не приходилось встречаться с такими явлениями? От них остаются только горькие воспоминания.

Можно днями и ночами декламировать свою преданность идее: «Ах, как мы растем и какое у нас светлое будущее!» Это будет стрельба не по мишени, а по площади — куда ни пальни, все равно попадешь в будущее.

Мы знаем, к примеру, какие огромные средства тратит наше государство на обеспечение старых людей. Но чтобы рассказать об этом, мне думается, надо начинать не с миллионов, а с двух-трех знакомых тебе пенсионеров. Тогда слово обретет плоть. Первым и обязательным законом для рождения стихотворения является накопление знаний и чувств.

Часто мне приходится слышать от своих товарищей по ремеслу: «Вот какая у меня появилась чудесная строчка!» Сама по себе эта строчка, может быть, и хороша, но если она ничему не служит, если накопление чувств еще недостаточно, то она — эта строка — так и будет мерзнуть в твоем мозгу, как беспризорный в январскую ночь.

Меня несколько удивила статья Ильи Сельвинского о тактовом стихе. Я об этом никогда не думал, и, клянусь, думать не буду. Мысли об этом меня не беспокоят. Тактовый ли у меня будет стих или какой-либо другой, моя задача остается прежней — достигнуть непосредственного общения с читателем. Можно ходить хоть на голове. Если твой голос снизу лучше звучит, то ходи на голове. Не касается ли это и тактового стиха?

Меня часто упрекают в том, что я больше каламбурю, чем доказываю. Я отбрасываю это обвинение. Я считаю, что самый правильный способ излечения от недостатков — это или осмеяние, или гиперболизация их. Если мы будем бояться преувеличения недостатков, то мы должны отказаться от применения микроскопов — самые злостные микробы они увеличивают в сотни раз.

Вот я получил, как делегат Всесоюзного съезда, напечатанные в виде брошюр доклады на республиканских писательских съездах. Обидно, что все доклады,

как близнецы, похожи друг на друга — один и тот же словарь, те же придаточные предложения. Короче, если бы не фамилии на обложках, не разобрать, где Эстония, где Азербайджан. Специфика наших литератур недостаточно выявлена — здесь опять-таки стрельба по площади.

Самое главное — любой наш съезд должен быть производственным совещанием. Когда в Кремле собираются целинники, они говорят о конкретных способах повышения урожайности; когда собираются строители, они говорят о точных методах повышения производительности своего труда. А мы что — будем изощряться в «красивых» словах? Маловато это для нашей высокой профессии. Я мечтаю о таком съезде — съезде передачи опыта.

1959

ЕЩЕ КОРОТКИЕ МЫСЛИ

Я вовсе не собираюсь рассказывать анекдоты. В старости тебя сопровождает не шумящая листва, а только тени отшумевшей листвы. И воспоминание, кажущееся на первый взгляд пустяком, влечет за собой бесчисленные ассоциации. Бывает в жизни такое состояние, когда пятно заменяет картину. У меня сейчас такое состояние. Поэтому, не обладая усидчивостью, чтобы написать роман, достойный внимания всех слоев общества, я буду, как бабочка, летать с воспоминания на воспоминание. Может быть, и моя пыльца оплодотворит нашу общую ниву.

Недавно я зашел к Николаю Николаевичу Асееву. Он впервые читал Артема Веселого и был в полном восторге. Артем Веселый — это моя юность. Мы все проходили сквозь заросли новаторства, и каждый из нас, идя к коммунизму, хотел иметь собственную походку. Поэтому, читая Артема Веселого, надо пробиться сквозь джунгли дани времени и прийти к сути этого большого писателя.

Писал он удивительно. Он писал на одной стороне листа. Потом он кнопочками навешивал все эти листы

на стенку и шел пешком вдоль своего произведения, на ходу исправляя ошибки. «Ну как, Миша, ничего?» — «Ничего, ничего, вполне ничего!» — отвечал я. Так писал этот великолепный русский писатель. Это был могучий юноша, и, хотя его уже давно нет на свете, мне кажется, что вот-вот он ко мне зайдет.

Почему-то в связи с этим наступает мне на ноги другое воспоминание. Была в моем родном Екатеринославе Тихая улица. И жил на этой улице удивительно застенчивый мальчик-комсомолец. Он себе выбрал псевдоним Тихий. А я в это время был солдатом революции (люблю красивые слова). Я тогда проштрафился, я обжег руки кипятком и не мог встать на дежурство. Меня отправили на гауптвахту.

Знойный, необычный даже для Украины день. Моим конвоиром был мой товарищ с уличной фамилией — Тихий. «Миша,— сказал он мне,— я задыхаюсь. Понеси ты винтовку». Я арестованный. Сами понимаете, что я мгновенно согласился. Потом я тоже устал, и он вел меня как арестованного. Так мы менялись раз шесть. Я провел на гауптвахте часов пять, а воспоминание осталось на всю жизнь.

Машины портятся, а человек тем более. Начинается лаборатория — насколько я изменил своей детской мечте? Вспоминаю Кайдаки — железнодорожный район в городе Екатеринославе. Я вспоминаю ее огромные голубые глаза. В старости есть своя прелесть — она из отдельной тарелки может сделать целый сервиз. И вот девушка, имени которой я так и не запомнил, проходит по всей моей жизни. И так как ее гла-

за были необыкновенно голубыми, вся моя жизнь кажется мне необыкновенно голубой. У них — и у девушки и у жизни — была неудачная любовь.

Лил необыкновенно противный дождь. Мои сухие носки промокли не от дождя, а только от впечатления о нем. Стук в дверь. Вошел знакомый мне человек, но где и когда я с ним познакомился, убей меня бог, не помню. Это был Александр Довженко. Он носил довольно красивые туфли, но только у них был один недостаток — у них не было подошв. Я ему отдал свои запасные туфли (какой же это корабль без спасательного круга!), и он долго носил их — до получения всеобщего признания. Тяжело хоронить гениальных людей.

Мы хоронили Клаву — жену Семы Кирсанова. В крематории была очередь. Мы с Ильей Ильфом прошлись по кладбищу. Он обратил мое внимание на смешной памятник: «Здесь похоронена такая-то. Умерла в частной больнице Александрова». Муж мстил врачу. Через несколько дней я хоронил Ильфа. Господи! До чего же мы много хороших людей потеряли!

Я, бывалый воин, ежедневно спасавший Россию и не имевший никакой другой квалификации, возвращался на бронетранспортере из разведки, где выяснил все фашистские козни.

Два силуэта возникли передо мной. На конях шли в ночь Федя Чистяков и его возлюбленная — ткачиха из Подмосковья. Она была неинтересна. Но к нему при-

шло время стать влюбленным. Мне рассказывали о его гибели.

У командира сорок четвертой бригады Чиркова была своя блажь: он назначал комбатами только красавцев. Пять батальонов — пять командиров-красавцев. С четырьмя я был знаком, с пятым так и не познакомился.

Недавно я в Доме Советской Армии встретился с одним из них — с Васей Славновым, другом Феди... Это очень странный человек. Он боялся и боится воды. Ему, человеку необыкновенной храбрости, легче было взять любую высотку, чем перейти ручей.

Передо мной опять возникают два силуэта — они, уставшие от человеческих страстей, едут понуро. Сидит мальчик на лошади и думает: «Чем бы мне развлечь свою любовь?» Сидит девушка на лошади и думает: «Ну до чего же мне скучный мальчик попался!»

И сейчас я перейду к гибели этого скучного мальчика.

Наш фронт был на болотах. И мы у проходимых мест устраивали так называемые блиндажи. Унылый пейзаж оживляли красивые комбаты. Направление главного удара бывает не только на фронтах, но и на отдельных его участках.

И вот немцы кинули огромные силы на отдельный участок. Поле обстрела из блиндажа довольно ограничено. И Федя Чистяков, нимало не сумняшеся, выкатил свой пулемет на крышу блиндажа и стрелял по всем направлениям. Он убил несчетное количество врагов и вернулся невредимый к себе в блиндаж. Враг больше не затевал никаких затей на его участке. Федя получил за это орден Ленина.

Он очень дружил с Васей Славновым, о котором я уже упоминал. Ко мне эти люди уже привыкли и пе

стеснялись меня. «Ну, как Вася?» «Ну, как Федя?» Но стоило только кому-нибудь войти, как Федя вставал: «Ну, что еще прикажете, товарищ комбат?» Ни в одном английском университете не преподают такую дисциплину и такую чуткость.

А погиб Федя Чистяков следующим образом. Он был в гостях в соседнем батальоне. Немцы наступали большими силами. Пулеметчик, помятуя подвиг Чистякова, выкатил пулемет на крышу блиндажа. На войне, как и в литературе, нельзя копировать. Обстановка не та, условия не те. В данных условиях не враг, а сам пулеметчик стал мишенью. Федя понял, что пулеметчик «халтурит». Он бросился на крышу, и тут же его буквально перерезала автоматная очередь.

Я видел много плачущих людей, но как рыдал Вася Славнов над умирающим Федей Чистяковым! Он нисколько не стеснялся своего горя. И все равно не этот страшный эпизод остался глубоко запечатленным в моей памяти: остались два силуэта, освещенные фарами моего бронетранспортера — подмосковная ткачиха на коне и влюбленный в нее мальчик.

Маяковский и Алтаузен как-то столкнулись на лестнице.

«Что это вы несете, Джек?»

«Да вот купил Иннокентия Анненского и Каролину Павлову».

«Начитаетесь вы этих Иннокентиев и Каролин, до чего же вам скучно жить станет!»

⟨1960-е годы⟩

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛУГОВСКОМ

Поздно уже. Вернее, рано. Светло. Запела птичка. Птицы отличаются от людей тем, что вовремя подают реплики. Птичка поет. И я вспомнил о том, как пел мой друг, замечательный советский поэт—Володя Луговской.

Коснусь одного воспоминания.

Ресторан «Арагви» — это очень постаревший ресторан «Алазани», помещавшийся на старой Тверской улице. Мы сидели за столиком: Александр Фадеев, Петр Павленко, Владимир Луговской и я. Каждый из них был вдвое здоровее меня, но их нет, а я продолжаю печататься.

Одно воспоминание невежливо наступает на ноги другому воспоминанию.

Как-то я, Фадеев и Панферов занялись шутя французской борьбой. Ничего они со мной не могли поделать. Я был, как ползучий эмпиризм. Сила на меня не действовала. Так борьба и окончилась вничью. Ноль-ноль.

Володя Луговской поет. Лесков в одном из своих рассказов показал одного генерала. Этот генерал пел таким густым басом, что, когда сам генерал уходил, его бас еще полчаса выгоняли из комнаты. И все же бас этого генерала был жалким прапорщиком по сравнению с басом Володи Луговского. Мой друг очень хорошо пел. Но время безжалостно, и даже его могучий голос постепенно начинает утихать...

⟨1960-е годы⟩

ОЩУЩЕНИЕ ДРУЖБЫ

Воспоминания мои, как бездомные дети, бродят по Белоруссии. Вот они остановились у станции Осиповичи, а вот подошли к городу Слуцк.

Детство мое было нищим. Тетушка моя содержала постоялый двор, и с тех пор я дружу с ямщиками (сейчас они называются вагоновожатыми). Таким образом становится понятным, что я никогда не владел Ясной Поляной.

Во время войны я проезжал на грузовике через Слуцк. Было такое впечатление, что я хоронил свое детство, как давно умершего старика. Город был сожжен.

Потом я вспомнил, что во время войны я, находясь в резерве, очень полюбил и подружился с, на мой взгляд, очень сердечным поэтом Белоруссии Пименом Панченко. Как мы с ним тосковали в резерве! Нам с ним казалось, что, если нас не пустят в боевые порядки, Берлин никогда не будет взят. Но, слава богу, нас с ним пустили в боевые порядки, и Берлин был взят.

А сейчас ко мне подступили совсем близкие воспоминания. Недавно я вместе со своими друзьями — русскими писателями — проводил Неделю русской литературы в Белоруссии. Цветы, которые подносили нам пионеры, до сих пор пахнут, и, очевидно, так будет до самого конца моей жизни.

И тут вдруг я обнаружил в своих товарищах, которых я любил и до этого, новые качества. Нет ничего лучше, чем обнаруживать в старом друге новые качества. Я говорю о двух Петрусях — о Бровке и Глебке. Бровка умеет так разговаривать с народом, как мне и не снилось. И он это умеет делать без всякой напряженности. Для него что семья, что народ — все равно. А Глебка нас всех поразил. Он казался нам всем молчаливым и скрытным человеком. И вдруг полное раскрытие. Он сразу показался нам всем человеком, созданным для общения. И мы очень благодарны за это. Раскрывайся почаще, дорогой Глебка!

Конечно, можно было бы написать о том, как провинциально выглядел Минск до войны и как он сейчас столично выглядит. Но это сделают мои спутники по поездке. Нельзя расплываться в своих впечатлениях. Ощущение дружбы не покидает меня. Я обнимаю тех людей, которых я любил и до этой моей поездки, и тех, с которыми я познакомился и подружился.

1961

СЕРДЦЕ РАСКРОЕТСЯ КРАСОТЕ

Можно за всю свою жизнь не написать ни одного стихотворения и быть поэтом. И, наоборот, можно написать множество стихов и не иметь ничего общего с поэзией. Для того чтобы развить эту мысль, приведу несколько примеров.

В 1918 году в городе Екатеринославе (ныне Днепропетровск) умирал мальчик. Он был сыном владельца небольшого завода фруктовых вод. Фамилия этого мальчика была Фиалковский. Отец его был, очевидно, честолюбивым, и вода, которой он поил население, называлась фиалковой.

Детские впечатления — самые сильные. И поэтому мне до сих пор кажется, что сначала был завод фруктовых вод Фиалковского и только потом на земле начали расти фиалки.

Мальчик знал, что он умирает, но смерть свою встречал гордо.

— Миша! — обратился он ко мне.— Ты напрасно обидел Фриду. Я еще проживу несколько дней. За это время ты должен привести ее ко мне и при мне — слышишь, при мне! — извиниться перед ней. Исполнишь?

— Исполню,— ответил я, мало что понимая.

— В высшем начальном училище, где мы с тобой учимся,— обратился он к другому мальчику, имя кото-

рого я забыл,— за мою учебу заплачено за весь год. Скажи матери, что ей незачем ни у кого одалживать денег. Второе полугодие будешь учиться за мой счет.

Возможно, что мой рассказ несколько сентиментален, но этот мальчик распоряжался смертью, как собственным предприятием. В таких случаях «капиталист» совсем не обидное слово. Этот мальчик, даже не подозревавший, что на свете существует рифма, несомненно был поэтом.

Приведу пример из куда более позднего времени. В Отечественную войну в сорок четвертой бригаде служил разведчиком ленинградский мальчик Федя Чистяков. Это тоже не вымышленное лицо. Можете спросить о нем у моего друга — горьковеда Бориса Бялика. Он меня с ним познакомил.

В нашу армию прибыла с подарками делегация подмосковных текстильщиков. И Федя Чистяков влюбился в одну молодую ткачиху. Я с ней познакомился и до сих пор не понимаю, за что ее мог полюбить этот необыкновенно чистый мальчик. Как часто мы любим человека не за присущие ему качества, а за качества, которые мы наслаиваем на него. Чаще всего это бывает или в ранней юности, или в поздней старости.

Нам всем эта девушка резко не понравилась, и мы попробовали намекнуть Феде об этом. Он посмотрел на нас с такой ненавистью, что мы поняли: он не пожалеет истратить на нас весь заряд своего автомата. Лучше не вмешиваться. Вот как умел любить этот мальчик. Он был поэтом. Через дней десять мы его хоронили.

За два дня до его гибели, возвращаясь с передовой, я встретил его и его любимую. Они были на копях. И мелкие деревья, шумевшие вокруг них, и нависавший над ними закат были чересчур правдоподобными и казались нарисованными очень плохим художником.

Грязь в тех местах была непролазная. На сто метров болот — один метр суши. А вот впечатление чистоты благодаря Феде Чистякову у меня осталось.

Я вам уже говорил, что можно напечатать множество стихов и не быть поэтом. Доказательств тут никаких не нужно. Зайдите в любой книжный магазин, и вы легко убедитесь в этом.

Теперь я подхожу к самой сути моей темы. Кого же я считаю поэтом? И что нужно сделать для того, чтобы стать поэтом?

Возможно, что в моих словах будет звучать некоторая высокопарность, но это не страшно. Можно в иных случаях быть и высокопарным и сентиментальным. Важно только, чтобы эти два не совсем точных чувства не работали на обывателя.

Так вот я ценю не столько самый подвиг, сколько подготовку к этому подвигу. Подвиг может и не совершиться. Важно только, чтобы ты к нему все время готовился. Время подвига коротко, подготовка к нему длительна. Бывает и так, что подвиг совершается случайно. Подготовка к подвигу случайной быть не может.

Титов летел вокруг Земли немногим более суток. А неужели он только сутки готовился к своему подвигу? Ясно, что он провел длительную, упорную и удивительно талантливую подготовку. И несомненно, что он все это время был поэтом. И его исторический полет был как бы изданием многих и многих исправленных черновиков.

Я развиваю далее свою мысль. Можно выполнять и перевыполнять план в любой работе и не быть поэтом. Во-первых, это можно делать в корыстных целях, во-вторых, исполнительность — это еще не талант. Без поисков ты только турист, а с поисками ты открыватель.

Я утверждаю, что можно быть талантливым в любой области работы. Возможно, что я вам покажусь несколько парадоксальным, но я абсолютно убежден в том, что говорю. Можно ли быть талантливым кондуктором? Вам, наверное, такие не встречались, а мне такой встретился. Я несколько дней жил под его обаянием. Он с таким милым юмором и с такой доброжелательностью объявлял остановки, что Васильевская улица показалась мне венецианским каналом, а обувной магазин — собором Парижской богоматери.

К чему я призываю молодежь? Не к нарочитому стремлению быть обаятельным (это всегда противно), а к увлечению своим трудом, своей профессией. Таких молодых людей я, как член бюро, безоговорочно принимаю в секцию поэтов Союза писателей. Они, безусловно, поэты. И они, несомненно, веселые люди. И любят их не за какой-нибудь рассказанный анекдотец, а за их увлеченное жизненное состояние.

Что же такое настоящее увлеченное жизненное состояние? В первую очередь это душевная щедрость.

А что же такое душевная щедрость? Можно не иметь ни копейки денег и быть щедрым. Можно иметь массу денег и быть скупердяем. Все зависит от отношения к заработанным тобой деньгам. Собираешь ли ты их для приобретения какой-то не очень нужной тебе, но удивительно «изящной» мебели или для того, чтобы прокутить их в один вечер? Мол, я не хуже русских купцов первой гильдии.

И то и другое, на мой взгляд, отвратительно. О деньгах ты должен думать только тогда, когда ты их получаешь. Лично я счастлив не тогда, когда я получаю деньги, а когда их трачу. А когда я их трачу или как скупой обыватель, или как щедрый купец, я потом чувствую себя удивительно несчастливым. Что же такое

деньги в моем понимании? Это подписанное министром финансов свидетельство о моем труде. А для чего я трудился? Не для мелких, но на первый взгляд очень красивых трат. Труд обязательно должен быть заметным, но деньги ни в коем случае не должны быть заметными. Иначе, получай ты хоть миллионы, будет такое впечатление, что все эти миллионы выдали копейками. Хоть грузчиков нанимай.

Я вот пишу эту статью и думаю: проверил ли я все это на себе? И счастлив ли я? Чем больше я думаю о себе, тем более я убеждаюсь в том, что я самый счастливый человек на свете. Как же я проверил это ощущение счастья? И вообще, что такое счастье? Я не страдаю обилием философии, но просто хочу, как бы сидя с вами за столом, рассказать вам о своем понимании счастья. Почему я счастливый? Потому что я абсолютно убежден в том, что, когда люди меня потеряют, они загрустят. Значит, я для чего-то и для кого-то существовал. Значит, я был на земле не только прохожим, но я вел куда-то людей и что-то им объяснил. Значит, я был не насекомым, а человеком. Не надо мне памятников. Я весь, со всеми своими кровеносными сосудами хочу быть всегда со всем человечеством. Неважно, что это не получилось. Важно, что я хотел этого.

Следует сказать еще об одной вещи. Речь идет о воспитании вкуса. Привитый тебе с самой ранней юности вкус определяет и твою профессию. И, значит, он определит и твое поведение и твое отношение к людям. И, значит, в благоприятных условиях ты сможешь стать поэтом.

Вот о чем я, собственно, и хлопочу. Я хлопочу о том, чтобы молодой человек был интересным. Интересным

не в данной компании и не в определенных временных условиях, а всегда и везде интересным.

Опять я перескакиваю на другую, казалось бы, очень далекую тему, но на самом деле очень важную для моей мысли.

Что такое пьяный человек? Пьяный человек — это человек, для которого не существует «завтра». Он должен все высказать сегодня. А завтра ничего не будет. Ни рассвет не поднимется, ни птицы не запоют, ни трудовые люди не выйдут на работу, ничего не будет. Только он — человек выдуманных «подвигов» — существует. Видите, как все эти далекие, казалось бы, темы лежат близко друг к другу. Пьяный человек — это человек без подготовки к подвигу. Подавай ему подвиг на блюде! Можно назвать такого человека поэтом? Нет!

Что такое поэзия и что такое поэт? Поэзия — это в первую очередь увлечение настоящим делом, а поэт — это тот, кто по-настоящему увлекается.

Нет бездарных людей. Только нам — постаревшим людям — ясно, в чем они талантливы.

Я очень люблю фантазировать. И мне представляется большое собрание комсомольцев какого-нибудь предприятия и единственная повестка дня — выборы поэта. Может быть, даже какой-нибудь значок надо учредить для избранных.

Я убежден, что в коммунизме будут жить только поэты. Тогда все смогут быть поэтами. Очень вас прошу, мои молодые друзья,— если вы еще не поэты, станьте ими!

1961

МОСКВА ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ

Москва готовится к большому празднику — дню рождения XXII съезда нашей партии. И когда соберутся лучшие люди нашей страны — делегаты этого съезда, они получат большие подарки — сталевары принесут свою сверхплановую сталь, колхозники — миллионы пудов сверхпланового зерна, поэты — свои стихи и поэмы.

Торжественность дня открытия съезда нарастает с часу на час. Москвичи встречают праздник будущего. И вместе с тем это праздник прошлого. Не будь у нас такого большого прошлого, мы бы не имели возможности планировать такое огромное будущее. И невольно задумываешься — сколько же мы преодолели препятствий! И как много мы помогли нашей планете стать благоустроенной! Земля с каждым днем становится благоустроенней. Народы вздыхают все свободней. Москва уже давно стала центром мира.

Я иду по Москве. Радушные люди встречают меня. Дома ремонтируются — Москва будет выглядеть празднично. Такое впечатление — на нас смотрит будущее. Оно — это будущее — в наших руках. Мы привыкли выполнять наши планы в более короткие сроки. Думаю, что и здесь мы перевыполним план. Мы будем жить при коммунизме не через двадцать лет, а значительно раньше. Запала у нас достаточно, трудолюбия и энергии то-

же. Коммунизм — это уже не далекое будущее, это наш завтрашний день. Поэтому Москва уже и сегодня празднична. Поэтому мы радостно встречаемся друг с другом. Слово «победа» не исчезнет из нашего словаря. Знамя продолжает парить высоко и поднимается все выше. Труд укрепляет свое господство.

Москва готова к встрече. Люди готовы к подвигу. Наше дело восторжествует.

⟨1961⟩

ЕЕ ПУЛЬС ЗВУЧИТ НА ВЕСЬ МИР

Москва заслуживает не одного сборника, а многих. Москва заслуживает того, чтобы в произведениях, даже не посвященных ей, она существовала как удивительно родной город. Это настолько родной город, что, если я даже отъезжаю хоть километров на двадцать от нее, у меня ощущение тяжелой разлуки. И не ее высотные здания и не торжественность ее центра — всеми окраинами и переулками она мне родная! Если только возраст и здоровье мне позволят, я еще напишу о Москве и москвичах, я надеюсь, что этим порадую и Москву и москвичей.

Дело даже не в архитектуре Москвы, дело в ее пульсации. Ее пульс звучит на весь мир. Это пульс великой справедливости. И мы все борцы за эту справедливость.

1961

ПАСПОРТ ПОКОЛЕНИЯ

Для меня, как и для всякого советского поэта и гражданина, каждый съезд нашей партии — как бы день рождения новой эпохи. От съезда к съезду растет и мужает наша страна, расправляются ее плечи, все мощнее становится движение вперед. И вот XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза закончил свою работу. Программа строительства коммунизма принята. И не только принята — после съезда прошли считанные дни, а отовсюду, из близких и дальних мест, приходят вести: Программа воплощается в жизнь. Она стала законом нашей жизни.

Сейчас, когда вы читаете эту статью, новая Программа нашей партии уже вступила в действие. Уже идет металл, уже ток новых электростанций несется по проводам, уже с конвейеров сходят станки, о которых мы вчера только читали в Программе, и Космос уже приготовился к приему новых советских космонавтов — Программа партии воплощается в жизнь!

Партия поставила задачу — за два десятилетия заложить основу коммунистического общества. Советские люди полны решимости выполнить поставленную задачу в более короткие сроки.

И мне невольно вспоминаются слова Вл. Маяковского:

А моя
страна —
подросток...

Они прозвучали в дни десятой годовщины Октября. Прошло лишь немногим более тридцати лет. Срок для истории ничтожный. Но посмотрите, как возмужала за это время Страна Советов. Говорят, зрелость приходит к человеку после того, как он построит дом, посадит дерево, убьет змею. И эта зрелость пришла к моему народу. Он возвел тысячи городов, построил сотни гигантских электростанций и заводов, вызвал к жизни миллион гектаров земли, не знавшей ранее плуга, посадил в пустынях сады. Он раздавил страшную змею — фашизм. Да, он возмужал, мой народ — строитель, садовод, воин.

И мне, поэту, видится в новой Программе символический паспорт, врученный XXII съездом партии тому самому подростку, о котором писал Маяковский в поэме «Хорошо».

На первой странице этого паспорта слова: Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

И мы читаем далее о грандиозных предначертаниях: о новых электростанциях, которые дадут нам миллиарды киловатт-часов электроэнергии, об автоматических заводах, где, словно в сказке, будут происходить удивительные превращения, а человек будет лишь контролировать действия умных машин. О сотнях миллионов тонн стали, о чудесных материалах, которым суждено заменить металл, дерево, бетон... Перед нами встают картины новой, преображенной деревни: уют-

ные городские дома, поля, на которые так же, как и в заводские цеха, пришла автоматика...

Этот паспорт выдан нынешнему поколению советских людей!

Грандиозна Программа построения коммунизма. Каждая строка этой Программы выверена и обоснована марксистско-ленинской наукой. Мне вспоминаются слова Маркса о том, что буржуазная наука пыталась лишь объяснить мир, в то время когда его надо изменять.

И вот слова Маркса воплотились в великом документе нашей эпохи, который уже сегодня стал руководством к действию для нынешнего поколения советских людей, тех, кому строить коммунизм и жить при коммунизме.

Каким же оно должно быть, это поколение?

Мне хочется поделиться с вами, молодыми, своими мыслями и соображениями по этому поводу.

Я читаю моральный кодекс строителя коммунизма, этот замечательный свод важнейших нравственных принципов. Для того чтобы скорее воплотились в жизнь грандиозные задачи, намеченные и утвержденные партией, они — эти высокие нравственные принципы — должны стать нормой поведения каждого советского человека.

Помнится, лет тридцать пять тому назад мы как-то ехали с Владимиром Владимировичем Маяковским. Наша страна тогда была еще нищей, и никакой автомобильной промышленности у нас не существовало. Мы ехали на старом американском «фордике», но молоденький шофер испытывал, наверное, те же чувства, что и первый космонавт.

С тех пор прошло много лет. По улицам, тем самым московским улицам, где тащился когда-то одинокий «фордик», несутся теперь потоки машин, сделанных на *наших* заводах. А в Космосе на *наших* звездных кораб-

лях побывали *наши* космонавты. Но я вспомнил ту самую поездку с Маяковским не только поэтому. В памяти наш разговор с Владимиром Владимировичем.

Маяковский сам не управлял машиной. «Понимаете, Светлов,— говорил он,— я в движении всегда задумываюсь. А шоферу это противопоказано. Настоящая профессия, любая настоящая профессия должна из осознавания ее превращаться в инстинкт».

Что же тогда хотел сказать Маяковский?

Человек, какой бы работой он ни занимался, обязательно должен быть профессионалом. Мало того, даже чувства человека должны быть профессиональными.

К примеру, начинающий шофер ведет себя чересчур «сознательно». Вот я сейчас поверну направо, рассуждает новичок, а потом не дай бог не заметить запрещающий или разрешающий знак. На всякий случай я буду все время тормозить, чтобы не было аварии.

Опытные шоферы об этом совсем не думают. Они могут разговаривать с вами, делиться воспоминаниями, и никакой аварии не будет. Осознание профессии стало привычным, само собой разумеющимся.

Я думаю о том, что примерно так же в нашу жизнь входят благородные начала. Они — не счесть тому примеров — становятся для нас привычкой. Я замечаю это у миллионов советских людей. Выполнение гражданского долга, правил общежития становится как бы внутренней потребностью. И не случайно в Программе партии, принятой XXII съездом КПСС, говорится, что при переходе к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования между людьми.

Вспомним, что у нас есть милиционеры и дружин-

ники-комсомольцы, прокуроры и общественные комиссии, следящие за соблюдением законности. А в будущем и милиция и прокуратура целиком уступят свое место общественности, то есть нам с вами.

Но для этого необходимо, чтобы осознание гражданских обязанностей у *всех* людей превратилось в привычку.

Человек, для которого коммунистическая мораль стала естественной нормой поведения, увидев несправедливость, не станет рассуждать, он, не раздумывая, придет на помощь.

И разве не те же чувства — благородство, самоотверженность, патриотизм — все то, что записано в моральном кодексе строителя коммунизма,— повели молодежь на освоение целины, заставили Валентину Гаганову и ее многочисленных последователей перейти в отстающие бригады, поступиться своим личным во имя общего долга!

Но мы знаем, что у нас есть еще люди, которые очень своеобразно понимают свой гражданский долг.

Передо мной письмо. Автор его сообщает: двое подростков затеяли на бульваре драку. Но его интересовали, оказывается, не хулиганы, а прохожие. Они, видите ли, равнодушно шли мимо. Тогда свидетель «возмутительного случая» возмутился и отправился на почту. Там он, сознавая свой гражданский долг, начертал: «Я считаю, что граждане не должны проходить мимо фактов уличного хулиганства. Прохожие должны сообщать о подобных фактах в милицию».

Но этот, с позволения сказать, «блюститель порядка» почему-то не подумал о *своем* активном вмешательстве. Он обвиняет в этом других людей.

А вот вам совершенно противоположный случай. Речь пойдет о человеке, выполняющем свой долг.

Он совершенно не думал о том, что совершает подвиг. Он шел по полю. Шел, как будто на прогулке. Но каждый его шаг мог оказаться последним. Он прижимал к себе смертоносный груз — изъеденный ржавчиной, невзорвавшийся артиллерийский снаряд. Он стороной обходил людей. «Если снаряд взорвется, погибну я один и никто больше!» Звали этого человека Петр Межевикин. По профессии строитель. Он пронес снаряд три с половиной километра и взорвал его в поле. Какой же по сравнению с Петром Межевикиным чепуха-человек тот хлюпик, что написал письмо в редакцию!

Эти примеры могут показаться не очень значительными, так сказать, частными. Да, благородство, гуманность, справедливость могут и должны проявляться не только в таких крайних случаях. Наше общество предоставляет огромные возможности каждому для воспитания в себе этих качеств. Наше советское общество — самая благодатная почва для гармонического развития личности.

Но я задумываюсь над тем, что же будет через двадцать лет, в пору наступившего коммунизма? Нормы морального кодекса станут неотъемлемыми качествами каждого советского человека. Мы избавимся от всех экономических затруднений, и нам куда легче станет в общении друг с другом. Мы не будем задумываться о том, как поступать в том или другом случае.

Сейчас мы с вами боремся за нового человека. Жаль, что мне уже много лет. Но для создания коммунистического общества я, как и всякий советский человек, должен напряженно трудиться. И трудиться не только потому, что я осознаю необходимость своего труда, но и потому, что вера в коммунизм стала смыслом моей жизни.

Лев Николаевич Толстой считал, что общество может стать лучше, если каждый человек займется самоусовершенствованием. Это, конечно, была заманчивая, но нереальная мечта. Ведь должен совершенствоваться не только отдельный человек, а все общество. Без Великого Октября никакие «самоусовершенствования» не сделали бы нашего человека таким, каким мы его видим в Братске, Антарктиде, на целине и в Космосе.

Комсомольцы, едущие на целину или наши новые стройки,— это не отдельные индивидуумы, желающие «усовершенствоваться», это питомцы советской системы воспитания, системы, которой еще не знало человечество. А это — главное. Ведь чем выше сознательность членов общества, тем полнее и шире развертывается их творческая активность в создании и материально-технической базы коммунизма, и новых отношений между людьми. Тем быстрее и успешнее решаются задачи строительства коммунизма.

Вся наша страна с глубоким вниманием занята изучением материалов исторического съезда партии, давшего огромную пищу для умов, поставившего грандиозные практические задачи перед каждым гражданином Советского Союза.

Никто из нас не сомневается в победе коммунизма. Никто из нас не сомневается в том, что наша партия воспитает нового, прекрасного человека, потому что уже в нашем молодом современнике мы узнаем черты человека коммунистического общества.

1961

ЧУЖОЙ НЕДОСТАТОК — НЕ ТВОЕ ДОСТОИНСТВО

Ко мне обратилась редакция «Пионерской правды» с просьбой в своей писательской манере рассказать ребятам о великих свершениях нашего времени, о XXII съезде, о новой прекрасной программе нашей партии, о победе советского человека на земле и в космосе.

Честно признаюсь — я испугался. Я считаю, что для такой огромной темы нужна такая же огромная и очень толстая книга. Не справлюсь я с такой темой в маленькой и худенькой газетной статье. Поэтому я решил ограничить свою задачу. Лучше я попаду в яблочко мишени, чем буду просто стрелять в небо. И вот на чем я остановился.

Как часто мне приходится и в своей среде, и в среде других трудящихся слышать такие фразы: «А вы знаете, он (допустим, Иванов) — он ведь совсем бездарный!», или: «А вы знаете, он (допустим, Сидоров) — он ведь совсем глупый», или: «А вы знаете, он (допустим, Сергеев) — он ведь человек не совсем честный».

Для чего этому человеку нужны такие отзывы о своих товарищах? Сейчас я вам точно объясню. Когда ты говоришь о другом человеке, что он — бездарный, то, само собой, должно подразумеваться, что сам-то ты талантливый. Когда говоришь о другом, что он глупый, то,

естественно, сам ты умнейший человек на свете. А когда ты говоришь о товарище: «Он ведь человек не совсем честный»,— то всем людям должно стать понятным — тебе в карман можно вложить весь Государственный банк СССР, и баланс сойдется тютелька в тютельку.

В таком отношении к жизни, к себе и к товарищам заключается чудовищная опасность — ты перестаешь опираться на свои достоинства, и чужие недостатки становятся рельсами, по которым ты легко и безмятежно покатишься в свое будущее. Не дай бог, чтобы это случилось с вами!

Если ты считаешь, что твой товарищ бездарен в какой-то области, помоги ему найти такую область, где он был бы талантлив. Если ты считаешь своего товарища глупым, а себя умным, держи его чаще в своем обществе, и, возможно, он поумнеет. А если ты говоришь: «Он ведь человек не совсем честный»,— постарайся осмеять эту «не совсем честность», и, ручаюсь тебе, результаты будут отличные.

Ты обязан войти в коммунизм со своими достоинствами, а не с чужими недостатками. Я убежден в том, что ни Гагарин, ни Титов никогда не ссылались на то, что в воздушном флоте есть плохие летчики. Они просто внутренне мобилизовались и полетели в космос. И, как вы знаете, весьма успешно. И я сам еще попытаюсь иметь хорошие и очень нужные моему народу стихи, совсем не опираясь на то, что в Союзе писателей есть много плохих поэтов.

Как видите, я обманул редакцию «Пионерской правды». Она просила меня написать о большом, а я написал о маленьком. Но нет ничего самого большого на свете, которое не состояло бы из самого маленького. Даже самая большая вершина состоит из атомов. Наш огромнейший и талантливейший народ состоит из отдельных

людей. Старайтесь идти в ногу с этими людьми, и вы никогда ничего не прогадаете. В этой уверенности я и написал вам, может быть, не о самом главном, но, мне кажется, все равно очень нужном.

И если вы согласны со мной, то я еще пошевелю мозгами и поделюсь с вами еще какими-то своими новыми соображениями.

⟨*1961*⟩

Я ЗА УЛЫБКУ!

В деле воспитания я абсолютный невежда.

Было бы нелепо, если бы я стал преподносить некоторые доктрины в незнакомой мне области. Я могу просто поделиться с читателем некоторым своим жизненным опытом и рассказать о своих впечатлениях, а не о знаниях.

Так вот, я глубоко убежден, что первый и главный помощник воспитателя — юмор. Недостатки первым делом надо не осуждать, а высмеивать. Я не Песталоцци, не Ушинский и не Макаренко, моя специальность совсем другая, но я убежден, что в ребенке надо вызывать не страх наказания, а надо заставить его улыбнуться. Свойство всех детей — нарушать установленное. А если это нарушение показать в смешном и нелепом виде? Если показать ребенку, что он в своем нарушении не столько грешен, сколько смешон?

Приведу два примера из практики воспитания собственного сына. Однажды я вернулся домой и застал своих родных в полной панике. Судорожные звонки в «неотложку»: Шурик выпил чернила.

— Ты действительно выпил чернила? — спросил я.

Шурик торжествующе показал мне свой фиолетовый язык.

— Глупо,— сказал я,— если пьешь чернила, надо закусывать промокашкой.

С тех пор прошло много лет — и Шурик ни разу не пил чернила.

В другой раз я за какую-то провинность ударил сына газетой. Естественно, боль была весьма незначительной, но Шурик страшно обиделся:

— Ты меня ударил «Учительской газетой», а ведь рядом лежали «Известия»...

Тут-то я и понял, что он больше не нуждается в моем воспитании.

Когда я говорю о воспитании юмором, я вовсе не имею в виду острословие или анекдотики; я говорю о юморе с подтекстом, об удивительно радостном и добром отношении к жизни. Сколько мы прочли книг великих писателей, написанных в этой манере, и как они нам помогли! По крайней мере, я на них воспитывался и, кажется, неплохой человек получился.

1961

СПУТНИКИ СЕРДЦА

Я хату покинул.
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.

С Митяем Стеценко мы встретились впервые бойцами Первого Екатеринославского территориального пехотного полка. Шел февраль 1918 года. В Екатеринославе (ныне Днепропетровск) царили голод и разруха. Вокруг города свирепствовали банды.

У бандитов были повадки шакалов. Они таились днем и стремились нападать только ночью. Словно чувствуя, что пришел их последний час, они дрались с обреченностью смертников. Мы ходили за ними в погоню — в ночь, в стужу, в метель — в бескрайние украинские степи. Мы теряли в боях товарищей и стояли потом в тоске невозвратимости над их могилами, а в душе росли боль, ярость, гнев.

В одной из схваток с бандитами был смертельно ранен командир отряда — человек редкостной храбрости. Некоторые бойцы совсем было пали духом. Особенно Андрей Козланюк. «Вот беда-то какая,— все повторял он,— вот беда-то! Зашли куда! Как же мы отсюда выберемся? Вот беда-то...» Иные успокаивали его, а иные молчали. Молчал и Митяй Стеценко. Он сидел у костра, углубившись в чтение какой-то маленькой растрепанной

книжки, словно ничего не слыша и не замечая вокруг. Но вот он вдруг тихо, словно для себя одного, стал читать вслух ранние стихи Багрицкого, Асеева, Безыменского.

Митяй был могучий парнишка, сын сельского сапожника, веселый и ясколицый украинский хлопец. Мы никогда не знали его хмурым, словно он сам не знал, как выглядит тоска... Он картавил так, как не могут картавить, объединившись, двести евреев и французов. И тем не менее читал он хорошо. Митяй любил поэзию, особенно революционную мятежность стихов первых пролетарских поэтов. В кармане его шинели всегда можно было найти небольшую, зачитанную до дыр книжечку стихов. Где, когда и как успевал он доставать в то время книги — для нас было просто непонятно.

А Стеценко читал: он читал о победе революции, о комсомольцах, что своей судьбой «все друг на друга похожи», о строительстве, которое начнется, когда «мы — солдаты —отстоим своею винтовкой страну». Митяй говорил нам языком поэзии: «На земле идет невиданная борьба, ревет буря, свирепствует метель, неистовствует ветер старого мира, но вы, комсомольцы, вы, коммунисты, идите вперед, на бой».

Пламя костра выхватывало из темноты изнуренные от постоянного недосыпания и голодовки лица бойцов. Затих Козланюк, мечтательно глядя в тьму ночи. Мы уже не замечали ни поношенной рыжеватой шинели Митяя, ни его полинявшей холщовой рубашки, ни залатанных, заскорузлых ботинок австрийского образца. Перед нами, распрямившись во весь свой огромный рост, гордо стоял прекрасный Человек.

Пламя костра горело в его глазах, оно бушевало в его груди, придавало такую силу его голосу, словно он своей пылающей речью взрывал старый мир, звал нас заглянуть в будущее, в коммунизм...

— Каким оно будет, будущее? — спрашивали мы.

— Удивительным,— отвечала устами Митяя маленькая и неприметная книжечка, но все, о чем она говорила, было прекрасно.

Для многих из нас стихи, да и само понятие «книга» явились в ту ночь великим и сказочным откровением. Мы не могли уже это забыть. Книжка стихов в невзрачной, серенькой обложке тревожила сердце, звала нас вперед, в бой до полной победы революции на нашей земле. И молча, не сговариваясь, мы признали ее — книгу первых пролетарских поэтов — полноправным бойцом полка. «Спутницей сердца» назвал ее Митяй.

Вскоре после этой замечательной ночи меня отозвали из полка на комсомольскую работу в Екатеринослав. Мы расстались с Митяем Стеценко надолго и, как мне думалось, навсегда. Но в жизни порой случаются поразительные вещи.

Прорывая новые забои,
Тяжкие ворочая поля,
Звали мы тебя с собою.
Ты отнекивалась, но пошла,
земля.

На строительстве Днепровской гидроэлектростанции я мечтал побывать давно. Но все как-то держали в Москве всегда неотложные и всегда срочные литературные дела. Проходили дни, недели, месяцы. А я все сидел в Москве. В конце концов я не на шутку разозлился на свою безвольность, на редакции и поэтические «перпетуум-мобиле» и, махнув на все рукой, с первым же поездом укатил на Днепрострой.

Развернувшаяся передо мной картина стройки поразила людской отвагой, смелостью, поисками нового в трудовых буднях. По дорогам мчались грузовики. Ма-

шины вгрызались в землю, отвоевывая у нее пласт за пластом. Машины замешивали бетон.

Целыми днями я бродил по строительству, оглушенный грохотом, скрежетом, гулом — машинной симфонией. Земля кипела людьми. Пламенели лозунги: «Пятилетку — в четыре года». Каждый день приносил новое, удивительное. Люди обгоняли время. Газеты пестрели сообщениями: «Монтаж первой турбины на Днепрострое вместо 90 дней по плану осуществлен за 36 дней». «Передовые бригады Днепростроя установили мировой рекорд кладки бетона...» Люди росли — вчерашние землекопы, бетонщики, чернорабочие становились мастерами, техниками, инженерами.

Молодость пришла на стройку. И я считал себя самым старым здесь комсомольцем. Но вот случилось такое...

Я проснулся от голосов, что раздавались за дощатой стенкой комнатенки. Говорил все больше чей-то знакомо картавящий голос:

— Что значит оставить природу в покое? А вы знаете, как нужна нам сейчас речная энергия? Это — свет. А что говорит Ленин? Вспомните: «...Если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии».

Наступило молчание. Слышно, как человек что-то доставал, потом зашелестели страницы, и вновь раздался знакомый голос.

— Вот в этой книге Ленина его речь на восьмом Всероссийском съезде Советов. Прочтите. Здесь много и других статей, которые тоже прочтите повнимательней. В этой книге Владимира Ильича вы найдете и вторую программу Коммунистической партии — план ГОЭЛРО.

И опять молчание. «Знакомый голос», по-видимому, провожал гостя, но вот он просительно как-то сказал:

— Берегите книгу. Она очень дорога мне. Это — спутница моего сердца.

Я вскочил. Спутница сердца? Молнией обожгла мысль — Митяй?! Через секунду я уже обнимал старого друга. Мы вспомнили с ним прошлое и, конечно же, первую для многих из нас книжку стихов. Оказалось, она и сейчас путешествует в чемоданчике инженера-строителя, вместе с ее хозяином. Они уже побывали на шахтах Донбасса, на восстановлении городов Украины и вот — Днепрострой.

— Сегодня у меня новые спутницы сердца,— улыбается Митяй,— книги Ленина, и особенно его статьи об электрификации и индустриализации страны. И, знаешь, сочинения Владимира Ильича ассоциируются у меня со светом, который мы дадим стране. Сегодня книги Ленина стучат в мое сердце, не давая уставать, успокаиваться, они зовут меня в будущее...

Голос Митяя зазвучал так же вдохновенно, как в ту далекую ночь у костра. Сам он сидел передо мной вновь молодой, юный, весь устремленный вперед. И я тоже не казался уже самому себе старым комсомольцем. Я чувствовал себя комсомольским поэтом фронта пятилеток.

Вскоре мы опять расстались с Митяем, и снова я долго ничего о нем не слышал.

Ночь непрекращающихся взрывов.
Утро, приносящее бои.
Комсомольцы первого призыва —
Первые товарищи мои!

Из поездки по Дальнему Востоку вернулась группа писателей. Они рассказывали о новостройках, рыбных комбинатах, о цифрах перевыполнения пятилетне-

го плана, цифрах, что перестали быть просто цифрами («Сердце идей вложено в цифру обычного ряда»), о людях («Десять людей — это десять людей? Нет! Это, кроме того,— и бригада!»).

Волнуясь, рассказывали они о городе юности — Комсомольске-на-Амуре, о чудесных строителях этого города.

— Разные они все,— говорил мой товарищ,— но всех их, старых и молодых, объединяет удивительная влюбленность в свой край, в дело, «которому они служат». И знаешь, познакомился я с интереснейшим человеком. Инженер-строитель, представительный такой мужчина. Седые волосы. Но он загорался, как юноша, когда рассказывал о природных богатствах края, о том, сколько сокровищ, нужных народу, скрывает еще богатейшая дальневосточная земля.

Мой товарищ помолчал. Задумался, вспоминая. Потом продолжал:

— Этот человек вдохновенно любит природу. Однажды мы были застигнуты с ним в тайге грозой. Ветер налетал бешеными порывами. Буря с грохотом валила огромные деревья; беспрестанно сверкали молнии. «А ведь красота-то какая! А?!» — крикнул он мне на ухо. С него (как, впрочем, и с меня) ручьями текла вода, и он весь дрожал от холода, но глаза его горели воодушевлением и самым искренним восторгом.

Потом мы сидели у него дома и, обжигаясь кипятком из алюминиевых кружек, говорили, говорили... Он рассказывал много и хорошо о знаменитых русских путешественниках по дальневосточному краю — Пржевальском и Арсеньеве, особенно тепло — об их книгах.

Я понял, что книги занимают значительное место в его жизни. О них он мог говорить часами. Вот сейчас он зачитывается «Путешествием в Уссурийском крае»

Пржевальского и «Сквозь тайгу» Арсеньева. По карте края, висевшей над кроватью, я увидел, что этот инженер не только читает, но настойчиво и внимательно вычерчивает на ней их маршруты. «Богатства дальневосточного края,— говорил мне этот человек,— должны принадлежать народу. Придет время, и там, где шумит тайга, где скалистые сопки, вырастут новые города и села. Проложат железную дорогу. Пойдут поезда...»

На тумбочке у стены высилась стопка книг — томик Ленина, книги Потанина, Пржевальского, Гумбольдта, Арсеньева. «Надо читать,— сказал он, заметив мой взгляд.— Чтобы знать край, его будущее, надо много читать. Вот они,— кивнул инженер в сторону книг,— не только мои советчики и друзья. Это — спутники сердца».

Спутники сердца? Так вот где повстречались мы с тобой, Митяй Стеценко!

К сожалению, больше я не слышал о нем. Но уверен, что не ошибусь, если скажу: Дмитрий Остапович Стеценко и сейчас всегда на переднем крае — на Братской или Красноярской ГЭС, на строительстве железной дороги Абакан — Тайшет, а может быть, на целине,— я знаю, Митяй там, где сегодня возводится коммунизм. И я знаю, он не подведет...

Митяй Стеценко был влюблен в книги с первого же часа, как только научился читать. Он нашел в них достойных спутников жизни и сам остался им верен до конца, ничуть не постаревший за годы и так же, как они, устремленный в будущее...

1962

МЫ, КАК ЗНАМЯ, ПОДНИМЕМ ПЕСНЮ

Человек и песня. Для меня сочетание этих слов звучит так же, как, скажем, «человек и воздух». Я не знаю людей, которые могут обходиться без воздуха. Песня — наш фанфарист в светлые дни радости. Мы приникаем к ней, как к единственному другу, когда нас находит грусть. А в бою песня встает комиссаром перед самым передним окопом.

У каждого народа в песне своя душа. В советской песне, как и во всякой революционной песне, заключено нечто большее. В ней средоточие светлых чувств, напряжение воли и призыв к борьбе. Наши песни — это наши маленькие программы. И наша история, рубежи жизни. На моем столе рядом с незаконченными рукописями лежит томик песен революции. С Октября до наших дней. Листая страницу за страницей, можно руками потрогать живую историю.

— Мы пойдем к нашим страждущим братьям...

— Вздымайся выше, наш тяжкий молот!..

— Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону...

— И тот, кто с песней по жизни шагает...

— Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...

— Песню дружбы запевает молодежь...

— Едем мы, друзья, в дальние края...

Не надо мне рыться в исторических архивах, чтобы определить и понять время, когда родились эти строки. Каждая из этих песен — чистое зеркало своего времени. Одна исчисляет свою жизнь годами, другая — десятилетиями. И в то же время у них нет возраста. Песни — нестареющее оружие.

По тому, *как* и *что* поют молодые люди, можно судить, о чем они мечтают, как живут и чему мы их учим. Да, да, песня — это и учебник. Это — оружие в науке убеждать, трудно выковываемое, но зато и весьма действенное. Мне однажды признался Маяковский, этот прирожденный «агитатор» и «горлан»:

— Как жаль, Светлов, что я в моей жизни не написал ни одной песни. Я был бы так счастлив, услышав, как молодежь поет мои песни...

Когда-то я утешал друзей-однополчан, потерявших в бою мечтателя-хохла и песню о его Гренадской волости:

Новые песни придумала жизнь...
Не надо, ребята, о песнях тужить.

И жизнь действительно придумывала замечательные песни. Об Орленке, которому так хотелось жить и которому так нужна была победа. О любимом городе, которому так необходимы покой и счастье. О соловьях, растревоживших солдат. О первой целинной борозде... Но почему сегодня вдруг захотелось тужить о песне? Я уже стар и редко бываю па собраниях молодежи, но мне иногда кажется, что нынешний комсомольский вожак нечасто вспоминает о своем первом замполите — революционной песне.

Раньше свои комсомольские собрания мы начинали и кончали песней. Это был величественный революционный ритуал. И песня для нас не была просто мелодией и набором слов. Она была торжественной клятвой, которую иной раз можно было «заслушать» вместо доклада и «принять» вместо постановления. Уверен, что революционная песня по-прежнему должна состоять на учете у комсомола. Думается, что такая песня должна составлять основу репертуара в первую очередь молодежных ансамблей, а не только хоров старых большевиков. Хорошо представляю себе даже пленум обкома или ЦК, предметом которого станет песня. И уж вовсе отчетливо слышу занятие политкружка, построенное на истории одной-двух песен.

Но чтобы взвилось знамя, мало только вынуть его из чехла. Нужны знаменосцы с сильными, как у Павла Власова, руками. И дыхание времени развернет полотнище над головой.

Каждое время требует своих песен. Мы можем петь старинные романсы. Но писать романсы в старинном стиле мы не имеем права. Если одна песня повторяет другую, она забывается очень быстро. Если песня пишется по заказу Музгиза и к ней непричастно сердце, песня не поется даже самим автором. Быть может, этот разговор не для всех, но он чрезвычайно важен.

«Подмосковные вечера» не были написаны ради заданной идеи. И поэт Михаил Матусовский и композитор Соловьев-Седой не случайно встретились и принесли такую радость людям. За их песней видны и их биографии, и огромная любовь к людям, и высокий уровень квалификации. Все это они вынашивали всю свою

жизнь. Богатая песня не может быть создана без богатой биографии.

Как же взять эту высотку, которая называется песней?

Стар я или молод? И то и другое! Стар, когда общаюсь с молодыми поэтами. Совсем юн, когда меня тянет к комсомольской песне. Как она, эта песня, создается? Если бы это было известно, то песен у нас было бы уже больше, чем комсомольцев.

Точных рецептов создания песни я не знаю. Но кое-каким опытом могу поделиться.

Когда хочешь узнать, как устроен механизм, надо сначала разобрать его на части. А потом собрать. Так я поступлю и в данном случае. Я разберу нехитрые детали моей «Каховки», а вы, дорогие комсомольцы, соберите их.

Однажды неожиданно ко мне явился ленинградский кинорежиссер Семен Тимошенко. Он сказал мне:

— Миша! Я делаю картину «Три товарища». И к ней нужна песня, в которой были бы Каховка и девушка. Я устал с дороги, посплю у тебя, а когда ты напишешь, разбуди меня.

Он мгновенно заснул.

Каховка — это моя земля. Я, правда, в ней никогда не был, но моя юность тесно связана с Украиной. Я вспомнил горящую Украину, свою юность, своих товарищей... Мой друг Тимошенко спал недолго. Я разбудил его через сорок минут.

Сонным голосом он спросил меня:

— Как же это так у тебя быстро получилось, Миша? Всего сорок минут прошло!

Я сказал:

— Ты плохо считаешь. Прошло сорок минут плюс моя жизнь.

Дело в том, что без накопления чувств не бывает искусства.

Зачем я все это рассказываю? А затем, чтобы многие молодые поэты не пытались нарочно быть интересными.

Яблоко совсем не понимает, что оно — вкусный плод. Оно питается соками своего дерева. И поэтому оно вкусно. Но как бы ни было красиво нарисованное яблоко, его есть нельзя. Поэтому молодые поэты больше всего должны бояться нарисованной интересности.

То ли я так воспитывался, то ли мне привиты другие вкусы, но когда я, к нашему общему сожалению, вижу девушку нарисованной интересности, с глазами, на которые ушло больше красок, чем на все картины Рембрандта, мне хочется сказать ей:

— Девочка, пойди умойся!

Мне хочется сказать ей:

— Знаешь, что самое красивое в женщине? Небрежный взмах расческой, а не лошадиные хвосты на голове.

Как это ни далеко от основной моей темы, но все это имеет отношение к комсомольской песне. Я категорически отказываюсь писать песни для девушек с лошадиными хвостами на голове! Мне нужны ясность и доверчивость молодого взгляда.

Комсомольская песня на болоте не растет. Но песня не растет и на газоне. В чистом поле, на диких тропах и на людных улицах городов рождается песня. Люди воюют в жизни, трудятся, улыбаются вам, и именно об этих людях и хочется писать песни.

Еще несколько слов я хочу сказать своим молодым коллегам. В создании песни, как и в любом деле, необходима спортивность. Я уже давно не играю ни в одной футбольной команде, но я должен быть убежден в том, что лучший футболист Советского Союза все же играет хуже меня.

Поэтому я обращаюсь не к своим сверстникам, с которыми меня соединяет множество воспоминаний, не к Жарову, не к Безыменскому — я обращаюсь к молодому поколению поэтов: к Евгению Евтушенко, Андрею Вознесенскому, Белле Ахмадулиной и ко многим другим молодым талантливым поэтам. (Вопреки некоторым пессимистам, я абсолютно убежден в том, что уровень нашей поэзии сейчас поднят весьма высоко.)

Я обращаюсь к ним с наглым старческим предложением:

— Давайте посоревнуемся! Не так уж сильно я задыхаюсь в искусстве.

Кто из нас в течение полугода напишет лучшую комсомольскую песню?

В этом нашем соревновании никакие организации не должны тратиться на премии. Побежденные складываются и покупают победителю то ли телевизор, то ли холодильник, то ли полное собрание сочинений поэта Василия Журавлева.

Давайте напишем песни, помноженные на огонь нашего сердца, опыт, любовь к своему замечательному поколению.

1962

ЧУВСТВО РАЗМАХА

Чем глубже проникаешь в поток времени, тем явственнее возникает железный закон бытия. Время регулируется не количеством прожитых дней, а тем, что за эти дни сделано. Но мы допустим непростительную ошибку, если в таких измерениях будем опираться на факты только собственной биографии. В таком случае беседа будет всегда лишь застольной. Время надо видеть в анфас, и в профиль, и во всех его измерениях. Как ты прожил отсюда досюда — это может интересовать только очень близких тебе людей, а их не так уж много. Для того чтобы быть общественно полезным художником, отрезки измеряемого тобой времени должны находиться между одной исторической вехой и другой. Если так измерять время, то можно, соблюдая нужную скромность, заняться и этапами любой отдельной человеческой судьбы.

То, о чем я говорю, особенно важно в искусстве и, главное, в поэзии. Важно не только твое существование, важно главным образом то, что происходило во время твоего существования и как ты донес до читателя происходившее при тебе время.

Год прошел после XXII съезда партии. Будь я ученым-статистиком, я бы подробно и кропотливо перечислил все наши многочисленные достижения, не побоял-

ся бы и пафоса, чтобы цифры не выглядели уж совсем сухими. Но я — поэт, и этот прошедший год определяю не менее точным мерилом — по чувству размаха. Этот размах определяется не только нашим вторжением в космос, не только массовым ощущением трудового героизма, этот размах ощущается и на родной мне почве — в среде советских писателей. Молодежь стала поистине пытливой. Она, эта молодежь, горячо и творчески спорит. Глядя на наших молодых поэтов, и мы, куда более старшее поколение, поднимаем наши руки для размаха. Мы хотим быть артериями страны, участвовать в ее живой бесперебойной пульсации. Вот почему у нас, у страны, у народа, у партии и, естественно, у нас, советских поэтов, остается чувство вечной благодарности XXII съезду за внушенное нам все растущее чувство размаха.

1962

ПОЭТ-ГРАЖДАНИН!

Каждый из нас обладает весьма странным свойством: только к концу жизни мы начинаем понимать, что молодость — явление преходящее. Если совсем молодому человеку сказать, что очень любимый всеми юбиляр Корней Иванович Чуковский был когда-то ребенком, молодой человек ухмыльнется: «Когда это было!» Для него, для этого совсем молодого человека, что писатель Гомер, живший еще до нашего летосчисления, что мало кому сейчас известный писатель Потапенко, живший в нашем веке,— люди одного возраста. А между тем и они «когда-то» были молодыми, «начинающими».

Пройдут годы, пройдет много лет, и какой-нибудь юный поэт будет укорять своего руководителя: «Да что вы меня все стариной пичкаете! Приемы, которыми вы советуете мне пользоваться, давным-давно устарели. Ими пользовались еще во времена Евтушенко. Писать нужно посвежее, более молодо, более современно и остро». И затем он, как водится у молодых поэтов всех времен и народов, начнет говорить о том, как он понимает новизну, остроту и гражданственность в поэзии. Во времена моей собственной молодости бурлили и кипели такие споры. И молодой Маяковский всей силой своего

темперамента обрушивался на зал, а бывало, и колюче пикировался с ним.

И читал те смелые стихи, которые можно сегодня прочесть даже в тихой школьной хрестоматии, но которые и сегодня волнуют нас своей гражданственностью и человечностью.

Слово «гражданственность» должно быть понимаемо абсолютно точно. Ведь настоящая гражданственность — это тот целительный воздух, которым живут и дышат поэзия и искусство.

«Гражданственность», «социальность», «общественность» — понятия, без которых наше творчество лишается всякого смысла. И поскольку нам эти понятия так дороги, мы должны со всей серьезностью отнестись к ним.

Гражданственность — это чувство Родины, это активная любовь к ней, это кровная связь художника с народом, служение ему. Это борьба за нового человека, благородного, честного, смелого. Это для нас сегодня — верность высоким идеалам ленинизма, делу партии.

Русская поэзия на протяжении всей истории своей была поэзией гражданственной и социальной. Где-то в дальней дали потерялся след повозки, увозившей в Сибирь Радищева. И давным-давно архаической стала его некогда знаменитая ода. А нет человека, который бы не помнил с благодарностью, что в «жестокий» век восславил он свободу.

Поэзия всегда давала пищу мысли и была трепетным и сильным откликом на жизнь. Она будила сердца и двигала умы. Пушкинское «Во глубине сибирских руд», лермонтовское «На смерть поэта». Мы привыкли чуть ли не с детства к этим стихам и, став взрослыми, редко их перечитываем. Но стоит на секунду представить себя современником этих строк, и ощущаешь, какой ог-

ромной силы ток исходит от них. И сегодня они нам близки — такой это чистый сплав глубочайших человеческих чувств. Но, к сожалению, «гражданственной» нередко именуется и литературно-беспомощная продукция, фальсификация, которую создатели ее преподносят как духовную пищу, но которую никакие зубы разжевать не могут. Декларативная внешняя гражданственность никогда и никого не волновала и не будет волновать.

В отвлеченных декларациях нет жизни, нет чувств, они мертворожденные. Почему же сегодня нужно, по-моему, говорить об этом? По признаку чисто внешней претензии на большую тему у нас идет в печать, особенно по праздникам, множество невыразительных стихов. И эта ложно понимаемая их гражданственность, мне кажется, отвращает часть молодых и талантливых поэтов от их настоящей цели, отталкивает от главных вопросов жизни в область сугубо интимную.

А между тем настоящие гражданские стихи — это стихи глубоко личные. И создание их невозможно без большого и смелого поэтического поиска.

Не всегда в истории человечества поиски сразу заканчивались находками. Вот почему я никак не могу согласиться с теми молодыми поэтами, которые после первых неудач или первых критических слов, пусть даже порой несправедливых, преждевременно уставали и начинали рассуждать так: «А ну их — эти все мои поиски! Дай-ка я для своего спокойствия буду писать так, чтобы внешне все выглядело «по-граждански», и в стотысячный раз повторю какие-нибудь банальные строки. Тут меня ни в чем не упрекнут, в крайнем случае сделают вид, что попросту этих стихов не заметили». А другие поэты, глядя на этих «уставших» и изменивших себе, впадают иногда в другую крайность — уходят от граж-

данских тем да еще бросаются в окружение нигилистов и «разочаровавшихся», выдавая себя за какую-то необыкновенную «индивидуальность», цена которой полторы копейки старыми деньгами.

За весь период моей многолетней работы я пришел к выводу: надо трудиться в поэзии так, чтобы стать близким не только обществу в целом, но и каждому члену общества.

И я считаю, что глубоко лирическое личное стихотворение может быть остросоциальным. Неужели стихотворение, написанное Лермонтовым более ста лет тому назад, асоциально только потому, что он — один — выходит на дорогу? Тогда почему же век спустя и я, и все мое поколение прислушиваемся к тому, «как звезда с звездою говорит»? Именно потому, что это гениальное стихотворение высокосоциально, глубоко по мысли, что оно возвышает человека.

Александр Блок написал не только «Двенадцать», у него еще есть «Стихи о Прекрасной Даме». Маяковский — автор не только «Во весь голос», но и «Облака в штанах». Так неужели во втором случае эти поэты асоциальны? Социальны, активно социальны!

Остановлюсь на творчестве одного из самых популярных сейчас молодых поэтов — Евгения Евтушенко. Некоторые читатели обвиняют его в том, что он «предал» свою лирику, что он чересчур увлекся социальными мотивами и поэтому как бы отдалился от читателя, перестал быть ему близким.

Как это ни парадоксально, но я считаю, что в своих социальных стихах Евтушенко куда лиричней, чем в своих рафинированно-лирических стихах. Неужели же эти душещипательные стихи, где рифмуется «шепотом» и «а что потом», лиричнее и ближе человеку, чем, например, стихотворение того же автора «Страхи»? Я знаком

с Евтушенко уже довольно давно, с начала его поэтического пути, но этим стихотворением он меня еще более приблизил к себе. Оно, это стихотворение, как и многие другие его стихи, и социально, и лирично, и человечно.

Человеческие чувства по полкам не разложены, тем более в поэзии. В пушкинской «Полтаве» на равных правах существуют и разящий Петр и влюбленный Мазепа. Сплав человеческих чувств — вот что прельщает нас в поэзии. И Евтушенко нисколько не «предал» лирику. Его творчество развивается противоречиво, но естественно. Так же как по одному поступку нельзя судить о поведении человека, для которого такой поступок исключение, так же нельзя судить о поэте по отдельному стихотворению, недостатки которого он уже преодолел. Не нужны мне никакие «шепотом — а что потом». Мне нужен мужественный и одновременно лирический поэт. Я с большой радостью замечаю, что в нашей молодой советской поэзии таких поэтов становится все больше.

Творчество другого популярного и талантливого молодого поэта, Андрея Вознесенского, страдает, если можно так выразиться, «болезнью наоборот» — от социальных к вроде бы глубинным душевным темам. От «Мастеров» до «Полуторки», от хорошего к плохому, от крупного к мелкому. Ах, какая для любого молодого поэта таится опасность в этой ложной углубленности! Не во всем в жизни следует копаться, не все увиденное должно стать предметом поэзии. Нельзя нарочно быть своеобразным — эта нарочитость всегда выпирает. Мне знакомство с шофером из «Полуторки» совсем не нужно. Он мне не интересен. Да фактически я его и не вижу. Я вижу автора, который захотел создать скульптуру из засохшей глины, считая, что эта глина так же тверда, как мрамор. Надеюсь, что это у Вознесенского — болезнь роста.

Пусть не подумают, что я избрал двух поэтов и на них моя любовь к молодой советской поэзии кончается. Мне так же дороги и близки многие мои молодые соратники — Исаев, Ахмадулина, Евсеева, Мориц, Казакова, Борисова, Рождественский, Цыбин, Поперечный и другие. Я даже мельком не разбираю их творчество только потому, что это заняло бы целую книгу, и, может быть, когда-нибудь я такую книгу напишу.

Близится совещание молодых писателей. Кардинальным вопросом, конечно, будет гражданственность в литературе. Это самая близкая мне тема. В юности я воображал себя героем многих литературных произведений. Но никогда не воображал, что я Робинзон Крузо. Просто я не мог бы жить на необитаемом острове. Всегда со мной были люди, народ, Родина. Судьбы людей и различны и схожи. Именно о их судьбах, о их мыслях, мечтах должны прежде всего думать поэты. Они должны помогать им своей поэзией, звонкой, умной, гражданственной.

1962

ДОВЕРИЕ К ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

Когда мне интересно в кино? Сначала я скажу, когда мне неинтересно. Мне неинтересно в кино всегда, когда мне рассказывают то, что я уже знаю.

«Я» — это в данном случае условность. «Я» — это не только я, но и все остальные, кто хочет что-то узнать, чему-то удивиться, чему-то обрадоваться, над чем-то прослезиться.

Мне интересно в кино всегда, когда фильм заставляет меня сосредоточиться на каком-то явлении, на котором я обычно не задерживал взгляда. В кино мне интересно, когда я знакомлюсь с интересными людьми, желательно более интересными, чем я сам. Да и все, мне кажется, ищут в кино людей, которые сильнее нас, мудрее, добрее, счастливей.

Это не значит, что я за выдумывание искусственных характеров, невозможных, идеальных характеров. Нет, долг любого художника, а особенно художника кино — найти среди нас, людей, человека, достойного пристального внимания, подсмотреть в жизни уже существующие новые явления и со всей страстностью доказать их жизненность.

То есть в кино мне интересно всегда, когда оно, кино, не «отображающее зеркало, а увеличивающее стекло».

Мне интересно в кино только тогда, когда глубине и значительности темы соответствует, как говорится, высокохудожественное решение. Ужасно неинтересно в кино, товарищи, когда авторы фильма подсовывают нам холодные схемы, назидательные рецепты или казенное, уставное бодрячество; за схематизм и назидательность в кино нужно, по-моему, судить военно-художественным судом. Такие фильмы, как «Улица Ньютона, дом 1», кажутся мне профанацией искусства не только потому, что характеры в картине, несмотря на внешнюю современность, первобытно-вульгарны или уныло, искусственно «утонченны», не только потому, что конфликт и способы его решения удивительно шаблонны и примитивны, но и потому, что язык, стиль этого фильма претенциозен, и именно потому он косноязычен.

Сравнивая кино, например — нет, с поэзией не буду сравнивать,— например, с балетом, с грустью убеждаюсь, что обязательные для балета нормы профессионального мастерства не стали еще обязательными для многих кинематографистов.

Вот балерина. Прежде чем ей, балерине, доверяют создание каких-то образов, она обязана достигнуть определенного технического уровня. В кино же нередко видишь, как суконным, невыразительным, неточным языком излагается событие, в основе которого важная проблема; как грубо лепятся характеры — они похожи на бумажные цветы, в них нет запаха своеобразия.

Вот опять балерина. Когда балерина плохо танцует, она не может сказать в свое оправдание: да, но зато какую идею я выражаю!

Идея существует только блистательно выраженная!

Во всяком искусстве идея неразрывно связана с формой, так что выражается она, идея, только через форму, художественную ткань произведения.

Когда балерина танцует Джульетту хорошо и ее Джульетта хорошо умирает, только тогда она, Джульетта, живет, тогда ее сущность, ее *идея* существует; когда балерина танцует плохо, *не существует* никакой идеи. Пора бы эту нехитрую вещь уяснить кинематографистам. Когда фильм с большой идеей в основе «поставлен» нехудожественно, неточно, нетонко, тогда идеи в фильме нет, какие бы монологи ни произносили положительные герои. Нет идеи, совсем нет, она умерла, не родившись.

Зато какое наслаждение смотреть фильм, в котором идея, духовная мысль органически вырастает из художественного анализа, умно и точно отобранных художником моментов реальности, когда средства этого анализа тонки и глубоки. Например, один из моих любимых фильмов — «Баллада о солдате». Это фильм, в котором мера условности, высокой художественной образности найдена в верных пропорциях.

Вернусь сейчас опять к балету. Балет весьма условное искусство, содержание в нем выражается при помощи танца, пластических движений, и тем не менее балету удавалось, как известно, выражать самые сложные проблемы, самые большие идеи, самые тонкие проявления человеческих характеров. И никто при этом не требовал, чтобы над сценой висели лозунги и плакаты, декларирующие идею балета,— все доверяют условности, художественному языку танца. Кино, как и всякое другое искусство, условно, хотя условность экрана совершенно другого характера. Только поверхностному человеку может показаться, что «документальность» кино дает ему право быть натуралистичным. Нет, просто язык кино, как мне кажется, это язык, в котором натуралистические приметы суть особый вид условности. Искусство всегда *выражает*, и не важно, выражает ли

оно нечто при помощи жестов, слов или смонтированных кусков реальности,— всегда надо искать в искусстве способность *выражать*.

И вот, возвращаясь после столь теоретического периода к первоначально поставленному вопросу, я хочу сказать, что мне интересно в кино тогда, когда я вижу, что авторы фильма доверяют художественному языку кино, его способности выражать любые идеи и чувства, а не апеллируют к безусловным формулам, тезисам, чуждым художественному мышлению. Все передавать через поэзию,— учил Белинский. Все передавать через художественную ткань — вот тогда будет в кино интересно.

Я настойчиво говорю о том, что это главное, вот чего я жду от кино и что хотел бы чаще в нем встречать. Доверяйте искусству, товарищи кинематографисты, и не раскрашивайте скульптур.

1964

[ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДЕЖИ]

Самый большой соблазн для стареющего человека — это с умилением вспоминать: «А вот, знаете, в мои годы!»

Я на этот соблазн не пойду. Во-первых, потому, что мои годы принадлежат не только мне, во-вторых, потому, что такое отношение к прошлому выбивает из творческого состояния и вместо страницы, на которой ты можешь написать очень нужное людям стихотворение, тебе начинает мерещиться пенсионная книжка.

Я убежден, что между моим и нынешним молодым поколением больше связи, чем различия. Оттого что стрелки стреляют в разные цели, их квалификация не меняется. Смена поколений не произошла, идет продолжение поколений. Если говорить точно, то я соучастник трех поколений — гражданской войны, первого периода строительства Советской страны и кончая тем периодом, когда Страна Советов стала могучей державой (в этот период входят и несколько лет Отечественной войны).

Что же произошло с советской молодежью? Она стала лучше или хуже? Ни то, ни другое. Конечно, внешне мальчишка, лежащий у пулемета и палящий по врагам, выглядит куда более соблазнительно, чем такого же возраста юноша или девушка, совершающие свой трудовой подвиг. Но фактически и юный пулеметчик, и улыбающаяся мне на стройке молодежь — идейно ближайшие родственники. Защищать идею можно не только

оружием. Орудия производства — это то же оружие. Герой Николая Островского Павел Корчагин представитель не только военного периода Советской власти, он представитель любого ее периода. Так же как я не могу понять, какой глаз нужнее человеку — правый или левый, так я не могу определить, какое поколение советской молодежи мне дороже — бывшее, теперешнее или будущее.

Естественно, что молодежь, которую я лучше знаю, это молодежь, занимающаяся стихами, сочиняющая их или читающая. Ее очень много. Культурная революция произошла. Средний уровень нашего искусства и нашей литературы значительно повысился. И так же как геологу наиболее интересно находить редкие земли, так и я заинтересован в том, чтобы находить редкие таланты. Мне не нужно прилагать большие усилия, чтобы их найти. Пусть кое-что мешает мне находить их в чистом виде — и желание их быть обязательно «интересными» (писать так, как до них никто не писал), и иногда забвение того, что ты пишешь для людей, и только для людей, а не только любуешься своими роскошными переживаниями, и еще недостаточный опыт, — все равно это мое поколение, пусть я даже вдвое с лишним старше любого из них.

И в заключение мне хочется вспомнить один прекрасный рассказ Мопассана. В этом рассказе дольше всех танцевавшая маска упала без сознания. Под маской оказался шестидесятилетний старик. Он не хотел уступить свое место всегдашнего победителя, но сил у него не хватило.

Так вот — этот рассказ Мопассан написал не про меня. Я еще не скоро упаду.

⟨1960-е годы⟩

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

ВИССАРИОН САЯНОВ. КОМСОМОЛЬСКИЕ СТИХИ

Много говорили и спорили о том — существует ли в природе «комсомольская» поэзия, разнится ли она от пролетарской и что под ней следует подразумевать.

Споры носили чисто идейный характер, поэты редко соглашались носить звание «комсомольский», подразумевая под этим званием незрелого пролетарского художника.

Небольшая книжка Виссариона Саянова «Комсомольские стихи» рассеивает все сомнения: это стихи безусловно комсомольские, написать ее мог только комсомолец, и предназначена она в первую очередь для комсомола. О «незрелости» здесь не может быть и речи. Крепко налаженный, строго связанный стих стоит на голову выше многих произведений наших «стариков», за исключением нескольких, более ранних произведений поэта («Когда еще шумит Тверская», «Скрипка» и др.).

Песню ведут запевалы,
Будто коня под уздцы...

Хороший образ, приложимый к самому поэту. Он не скачет галопом, бия себя в грудь, клянясь в предан-

ности, в любви к революции и высоко поднимая хвост, подобно многим другим поэтам. Осторожно обходя каждую тропу, каждую строку, он ступает осторожно, боясь замочить рифму, запачкать строку, проскакать и не увидеть. Такая манера сделала бы другого поэта холодным, лишенным темперамента, неорганичным. Саянов же обуздывает, укрощает свою строку, как будто нарочно не давая ей разбега, отчего строка достигает максимума нагреваемости.

...Два года проходят
Под рокот ветров —
В разведке,
                  В тылу,
                                В комендантском.
И голос ломается.
Стал он суров
Под Пермью,
И под Соликамском.

Иногда горячая лирическая строка как бы вырывается из напряженных рук Саянова, но поэт, как бы стыдясь своей «сантиментальности», обуздывает ее следующей замкнутой строкой.

Ах, томик помятый,
Ах, старый наган,
Ах, годы прославленных странствий!
Еще пробираются через туман
Огни левобережных станций...

Отдел книги «Ленинград — Балхаш», кроме своих чисто художественных достоинств, радует еще четким и ясным миросозерцанием поэта. Это не путешествие какого-нибудь слюнтяя-туриста, обсасывающего глазами каждый ручеек и звездочку над ним. Это не прогулка репортера, описывающего «все понемножку». Это поход человека в поисках нового, нужного, отмета-

ющего в сторону всякую путевую чепуху, ставящего человека впереди всего видимого.

...Малиновый сполох ложится неистов,
Сплошною лавиной ссыпаяся с круч
На горные скаты, на полымя туч.
Так вот где черствела заря декабристов!..

И только одно стихотворение диссонирует общему настроению всей книги:

Смерть придет. Она неотвратимо
Простирает руки надо мной.
Даже легкий ветер от Ишима
Небывалой полон тишиной...

(«Прожитый день»)

Но это — нехарактерное для поэта настроение, так что ругать его не следует, а только указать «выдержанным» пальчиком на «уклончик». Это принесет ему гораздо больше пользы.

Слабее стихи «Скрипка» и «Побег шахтера Гурия под Клинцами».

Мальчишка смеется, мальчишка поет,
Мальчишка разбитую скрипку берет.
Смычок переломлен, он к струнам прижат...

(«Скрипка»)

Очень уж это напоминает «Лесного царя» и как бы пародирует его — «кто скачет, кто мчится под хладною мглой? Ездок запоздалый, с ним сын молодой».

Написанный в ложно народном стиле «Побег шахтера Гурия под Клинцами» несколько надуман, неестествен, не волнует.

Хоть он метил в тень,
Пали пули в пень,

Только шашек сверк,
Только руки вверх.

Синий дол спален,
Шел краском в полон.

Следует отметить также как отрицательное явление слишком частое «поднятие рук» в стихах:

...Я подымаю руки,
Я говорю с тобой...

(«Возвращение»)

...И ты пробегаешь,
Закинувши руки...

(«Ленинградская весна»)

...И заломив немного руки...

(«Когда еще шумит Тверская»)

Иногда встречается неприятная инверсия:

...И ты видишь ширь, как
Поит зарей восток...

(«На подступах Азии»)

Часто также повторяется слово «порск» и т. п.

Это, пожалуй, все, очень малочисленные, недостатки книги.

В целом книга великолепная, лучшая из вышедших за последнее время. И хотя сам автор, вероятно, считает эти стихи незрелыми («комсомольские»), мы считаем эту книгу большим нашим достижением.

В заключение нам хочется процитировать следующие отличные строки:

И путиловский парень, и пленник,
Изнуренный Кайеннской тюрьмой,
Все равно,— это мой современник
И товарищ единственный мой...

1928

ПРЕДИСЛОВИЕ [К СБОРНИКУ «ДВАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ»]

Каждому из нас, не только профессионалам-поэтам, но и всем, следящим внимательно за развитием советской литературы, и в частности поэзии, эта книга доставит большую радость.

Мы привыкли относиться недоверчиво к стихам молодых, начинающих поэтов. Ничего или, в лучшем случае, мало нового и свежего мы ожидаем увидеть в таких стихах. Если порой скучно и утомительно читать «взрослых», уже зарекомендовавших себя поэтов, то могут ли доставить радость стихи людей, только-только взявшихся за перо. Когда мне поручили составление этого сборника, я, признаться, хоть и ожидал найти кое-что интересное, но предполагал, что сборник все же будет однообразен и скучноват.

Первые же дни работы над сборником превзошли мои лучшие ожидания.

Молодые хорошие ребята, каждый не старше 20—22 лет, вваливались ко мне на квартиру, вынимали засаленные бумажки и читали оглушавшие меня свежестью стихи. Многие из этих ребят состояли раньше в бригаде Эд. Багрицкого. Этот прекрасный поэт провел с ними колоссальную работу. Он сделал их вкусы утонченнее, заставил серьезно вдумываться в строку, научил относиться к стихотворению, как к живому организму.

Мы знаем, что литературное движение в массах разрослось далеко вширь. И мы с этакой снисходительностью говорили: «Ничего, ничего! Пусть пишут! Если из ста начинающих получится один хороший писатель, то и этого будет предостаточно!» Между тем как широчайшее развитие культурной революции в нашей стране опровергло все эти соображения!

Сейчас уже не только многие пишут, сейчас уже *многие хорошо пишут.*

Надо принять во внимание, что культура этих ребят невелика, что, прежде чем сесть за стол, они проводят уплотненный рабочий день (они сплошь ударники), что это не юнцы, пишущие стишки, а молодежь, строящая и созидающая, и, приняв все это во внимание, мы должны быть удовлетворены.

Мы прощаем этим поэтам отдельные неудачные строки потому, что у каждого из них есть *своя* свежесть, *свой* взгляд на вещи и явления, *свой* метод обобщения. И уже не с робостью начинающих, не с косноязычным шепотом, а с громким пением входит молодежь в просторы советской литературы.

И как она заботится о каждом своем стихотворении! Приходилось по 5—6 раз переделывать какую-нибудь неудачную строку. Ребята переделывали, и каждый раз, посещая меня, тревожно спрашивали: «Ну как?»

«Актер» Качева, и «Почтальон» Любушкина, и «Баллада о двух ногах» Шифмана, стихи Смирнова и других доставляют мне большую радость; и не только как составителю и редактору этого сборника. Эта книга, в которой каждый молодой автор говорит своим звучным голосом,— наша общая радость.

1934

ЖИВОЙ ГОЛОС ПОЭТА

Нельзя жаловаться на то, что у нас мало пишут стихов, или на то, что у нас мало талантливых поэтов. Того и другого у нас много. Но значительно реже можно сейчас встретить человека, который на прогулке или за работой с наслаждением бубнит себе под нос чрезвычайно понравившееся ему *стихотворение*. Молодежь весьма часто поет песни советских композиторов и значительно реже запоминает стихотворения советских поэтов. В журнале часто печатаются стихи, то есть собранные строчки — отдельные пальцы стихотворения. Реже встречается удар сжатым кулаком по сконцентрированной теме.

Я постараюсь пояснить свою мысль. Я подразумеваю под стихотворением живой организм с замкнутой кровеносной системой, а стихи — это мясо и кровь стихотворения, но без пульсации.

Идет паренек по Алтаю, стоит пограничник в дозоре, матрос качается в корабельном гамаке — и все эти люди, строчка за строчкой, вспоминают поразившее их стихотворение. Я считаю, что для поэта нет большей радости, чем быть автором этого стихотворения.

Недостаточно взять читателя за руку и идти с ним рядом по трудному жизненному пути. Читатель согласен и на это, во-первых, потому, что считает поэта вла-

дельцем секрета красоты, и, во-вторых, потому, что уверен, что ты бо́льший поэт, чем есть на самом деле.

Поэт, прозаик, музыкант, художник должны не только идти рядом со своим читателем, слушателем, зрителем,— они должны его *вести*!..

Я прошу извинения у Константина Мурзиди за то, что, начав писать о его книге, о нем еще ни разу даже не упомянул. Однако я хочу, чтобы эта статья прозвучала для читателя как маленькая повесть о хорошем поэте.

А Мурзиди действительно хороший поэт. Книжка открывается именно *стихотворением*. Оно небольшое, и я его цитирую полностью, чтобы показать то, в чем я, может быть, и не прав, но что я люблю.

ПИСЬМО

Письмо его написано в пути.
Оно сквозит любовью неподкупной...
То мелко, неразборчиво почти,
То чересчур размашисто и крупно
Ложились на листочке небольшом
Строка к строке — и все с наклоном разным.
Две первых строчки написал он красным,
Другие две — простым карандашом,
Последние — чернилами, с нажимом,
Не сбившись, запятой не пропустив,
Как пишут на предмете недвижимом,
На возвышенье локоть утвердив.
Что было тем устойчивым предметом?
Дорожный камень, ящик иль седло?
За столько миль письмо меня нашло,
И понял я по всем его приметам,
Как иногда в походах тяжело,
Хотя в письме не сказано об этом.

Это хорошее стихотворение. Но не лучшее в сборнике. Такие стихи, как «Во льдах», «Я помню, молча

двигались полки», «В тесной землянке», «Шаги бойцов» и другие, могут войти в хрестоматию. Патриотизм не внешний, а пробивающийся сквозь все поры стихотворения, точная и всегда интересная мысль, предельная сжатость, четкая индивидуальность — вот черты К. Мурзиди как поэта. Я не хочу цитировать строфы — это всегда обедняет. Есть книжка, и ее надо прочитать. Мое дело — представить поэта не только уральского, «областного», а поэта, идущего в первых рядах нашей литературы.

Он идет не позади хороших поэтов, а рядом, об руку с ними.

Значительно слабее стихов поэмы «Ерофей Марков» и «Братья». Они сильно отдают литературщиной — то есть в них течет искусственная кровь. Особенно это заметно в «Братьях».

Есть у К. Мурзиди крупный недостаток: он погружен только в свой Урал.

Я понимаю, что это такая тема, которой хватит не только на одну, но и на несколько жизней, но я уверен, что и самому Мурзиди было бы приятней, если бы и сами уральцы говорили о нем не только: «Он хорошо пишет о нашем Урале»,— но и шире: «А он ведь наш, уральский». Возвращаться к теме Урала Мурзиди надо всю жизнь, но вместе с тем ему надо расширять свой творческий диапазон. Иначе он может стать однообразным.

Может быть, в этом виноват не сам Мурзиди, а редактор книги, который, задавшись благою целью показать поэта как уральца, все же сильно ограничил наше поле зрения.

Ни в одной антологии, посвященной тридцатилетию Октябрьской революции, Мурзиди нет. Почему? Ни в одной статье, посвященной достижениям советской поэзии, Мурзиди нет. Почему? Разве для этого надо жить

только в Москве или в Ленинграде? Или, быть может, список популярных поэтов незыблем и его нельзя раздвинуть, чтобы вставить имя еще одного хорошего поэта?

Очень трудно точно определить качество настоящего стихотворения. Поэт, мне кажется, определяет поэта по чувству зависти — «почему не я написал это стихотворение?» Я завидую Константину Мурзиди.

1948

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Людям, лично знавшим и любившим Алексея Недогонова, радостно за читателей, которым он оставил эту книгу, написанную от всего его молодого сердца.

Стихи Недогонова можно узнать сразу, даже если под ними нет подписи. Большевик-поэт с резко выраженной творческой индивидуальностью, Недогонов не ограничивался словами: «Я люблю Родину». Он эту любовь очень убедительно доказывал, утверждал почти в каждом своем стихотворении.

Вот как начинается его «Баллада о железе»:

Говорят, что любой человек
состоит из воды и металла:
девяносто процентов воды,
остальное огонь и металл.

Кончается это стихотворение такими, характерными для Недогонова строками:

Я бы всю родословную
внуков
и правнуков отдал,
я пошел бы на то,
чтоб при всех,
под сияньем светил,
из меня златоустинский мастер
снаряды сработал
и чтоб их Железняк
в ненавистный Берлин вколотил.

В каждом стихотворении Недогонова — мысль большого накала, взволнованность предельного напряжения,— без этого Недогонов не брался за перо.

Перелистываешь сборник «Простые люди», вчитываешься в строки, чтобы выбрать наиболее сильные,— и невольно хочешь процитировать всю книгу целиком.

Поэма «Флаг над сельсоветом», включенная в сборник, в рекомендациях не нуждается. Она сразу стала известной в народе, она удостоена Сталинской премии. Но если присмотреться внимательно к творчеству Недогонова, то можно заметить, что каждое его стихотворение звучит как маленькая поэма,— так оно насыщено мыслью и чувством.

Недогонов молод, так же как и герои его стихов:

Когда ученик в «мессершмитте»
впервые взлетал в высоту,
веснушчатый Саша Матросов
играл беззаботно в лапту.

Когда от ефрейтора писем
из Ливии фрау ждала,
московская девочка Зоя
совсем незаметной была...

Будущие герои, о которых пишет Недогонов, были сверстниками поэта. Росло поколение людей, родившихся при Советской власти и утверждающих ее всей своей работой, своими помыслами, жизнью. Росла молодежь, готовая к подвигу ради всечеловеческого счастья:

Только очень помнится,
что где-то
под Мадридом,
непогодь кляня,
у артиллерийского лафета
встал пушкарь, похожий на меня.

Жажда борьбы за освобождение человечества от рабства и угнетения никогда не оставляла Недогонова.

И естественно, что при первой же тревоге он встал в ряды защитников Родины. Его песни и стихи громко звучали в годы Отечественной войны. Он воевал и в первые трудные дни, и в дни приближающейся победы в частях, заслуживших благодарность Верховного Главнокомандующего.

Вся книга молодого поэта посвящена войне и победе над врагом. И только поэма «Флаг над сельсоветом» отражает наш послевоенный, победный период. «Простые люди» — так называется книга. Эти простые люди — русские солдаты, сам Недогонов, и вы, молодые читатели его стихов.

...Моя первая встреча с Недогоновым произошла следующим образом. В клубе литераторов ко мне подошел молодой смуглый человек и робко представился:

— Я Недогонов. Сегодня читаю здесь свои стихи. Я очень прошу вас послушать меня.

Мы слушали его стихи. И всем присутствующим стало ясно, что существует еще один интересный и талантливый поэт. Об этом свидетельствовало горячее дыхание стиха, пульсирующая в нем жизнь.

Сейчас, когда поэта нет с нами, хочется повторить слова одного из героев его — «сына собственных родителей», гвардии сержанта Петрова:

Друзья мои,
поверьте мне,
мне, искрестившему в войне
гремучую планету:
на свете смерти нету!

И живой творческий источник со всей силой молодости продолжает бить со страниц новой книги Алексея Недогонова, так рано ушедшего от нас в пору весеннего цветения своего большого таланта.

1948

[О ФИЛЬМЕ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»]

Смотришь «Молодую гвардию» и видишь: комсомол нисколько не постарел, несмотря на то что с Октябрьских дней до Отечественной войны прошло около трех десятков лет. И кажется, что ты перелистываешь страницы своей юности. И это сразу же вызывает благодарность зрителя режиссеру и коллективу артистов.

Искусство — это не копирование действительности, а вера в нее. Для меня Красная Шапочка куда более реальное существо, чем персонажи лакированного романа, а волк значительно более опасный классовый враг, чем кулак во многих поверхностных произведениях. Вот почему этот фильм так дорог мне и как художнику и как гражданину.

Никакого бы не было неба, если бы не было земли. Над всем нашим бытом, со всей его крупной и мелкой суетой художники — режиссер и артисты — повесили звезды воспоминаний о том благородном, к чему мы стремились и стремимся. Можно идти к правде в искусстве разными путями, но не всегда к ней нужно идти только пешком. Орел — произведение земли, но это произведение летает. Поэтому я считаю «Молодую гвардию» и реалистической и романтической. Все мы — люди, мы едим, пьем, спим, но у нас есть мечты, которые

никак не ощутить на ощупь. И большая заслуга и режиссера и артистов в том, что то лучшее, что мы встречали в нашей жизни, стало удивительно правдоподобным, весомым и зримым. Таково мое общее ощущение после просмотра фильма.

Я знал комсомольцев, подобных Олегу Кошевому, Ульяне Громовой, Сереже Тюленину, Любке Шевцовой и другим краснодонцам. Но я не думал, что они могут предстать предо мной с той же убедительностью, с какой они явились мне в первые годы революции. И это мешает мне отнестись к этому выдающемуся фильму с нужной взыскательностью. Но я все же попытаюсь это сделать.

Мне, скажем, хочется, чтобы Олег Кошевой был больше мальчиком, устремляющимся к революции, чем мальчиком со всеми повадками опытного профессионального революционера. Сколько лет было Олегу Кошевому? Лет девятнадцать — двадцать. Но ведь так же, как он себя ведет в картине, мог бы себя вести и пятидесятилетний большевик. Я прямо затосковал, мне просто хотелось вскочить и попросить Олега: «Ну стань же хоть на одну минуту неопытным! Не забывай, что ты — мальчик!»

Поговорим о песне в тюрьме. Я люблю, когда ко мне залезают в душу и тревожат ее. Но только надо, чтобы это продолжалось не больше одной-двух минут. Иначе боль становится ощутимо физической. И вот мне кажется, что громкая песня в тюрьме на крупном плане поющих несколько соскользнула из области искусства в область демагогии. Думаю, что заглушенная стенами и пространством, на общем плане тюрьмы, чуть доносящаяся, она бы прозвучала еще убедительней. Может быть, и гитлеровцы-часовые на минуту задумались бы о том, что они делают страшное дело. Эта песня долж-

на была дойти к нам в нескольких ракурсах, а не в одном-двух, в каких она к нам доходит.

Жаль, что в фильм не вошли два удивительно хорошо написанных Фадеевым эпизода — первое появление Сережи Тюленина ночью на грузовике и первый показ Любы Шевцовой при отступлении нашей армии. Удивительная правда, заключающаяся в этих эпизодах, придала бы фильму еще большую убедительность. Однако все это частные недостатки.

В чем же секрет такого большого успеха «Молодой гвардии»? В полном взаимопонимании между режиссером и писателем. Сердца двух художников, Александра Фадеева и Сергея Герасимова, как бы слились в одно. И пульс этого сердца ощущаешь даже на большом расстоянии. Это горячее кровообращение видно во всем — и в игре актеров, и в работе художника, и в музыке. Смотришь фильм — и перед тобой предстает фадеевская «Молодая гвардия» и словно воскресает улыбчивое лицо прекрасного писателя и человека, так много сделавшего хорошего своим талантом...

Можно было более подробно разобрать и хорошие, и более слабые стороны этой картины. Но это заметка об ощущениях, а не рассуждения профессионала. А ощущения такие, что хочется войти в этот мир комсомольской героики и никогда не выходить из него. Я считаю своей задачей в искусстве, чтобы читатель или зритель, прочтя книгу или выйдя из театра, стал хоть немножечко лучше. Этого с полным успехом добились создатели «Молодой гвардии».

⟨1948⟩

ПОЭМА ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЧЕКАЛИНЕ

Эта небольшая книжка вызывает такое чувство, что невольно хочется высказать свое мнение о ней в такой же теплой манере, в какой написана сама поэма, скорее — лирическая биография. Еще раз убеждаешься в том, что когда поэт по-настоящему полюбил своего героя, то он пишет о нем не только хорошо, но и лучше, чем писал прежде.

Мы знакомимся с Александром Чекалиным в самом начале поэмы. Мы узнали о его простой жизни и великом подвиге.

...Его молчание
Гремело,
Как артиллерия в ночи.

Шестнадцатилетний Чекалин стойко переносит пытки. Его жизнь-поэма приближается к концу. Она была короткой, жизнь этого замечательного комсомольца! Но блеск подвига, сияние юношеской устремленности и огонь молодого сердца освещают каждый прожитый им день. И когда в лесу он неожиданно сталкивается с немецким отрядом —

Девять солдат,
а мальчик один,—

как хорошо говорит Чекалин словами поэта:

— Это не вы поймали меня
Крадущимся среди бела дня!..
Это я вас, воры, застал!

Таких хороших мест в поэме немало, я не буду их все перечислять. Когда сидишь в кино и смотришь хорошую картину, а сосед, уже видевший ее, говорит вслух, что произойдет дальше, это вызывает раздражение. Я не стану раздражать читателя, пусть он сам прочтет поэму.

Единственное, в чем я могу упрекнуть А. Кронгауза,— это в том, что он сделал слишком лиричным своего героя. От этого Чекалин кажется чуть «воздушным». Но это недостаток не только А. Кронгауза. Это недостаток большинства наших поэтов, в том числе и автора этой рецензии. Советский эпос еще весь впереди. Мы находимся только у его истоков.

Есть в поэме немало погрешностей, которые необходимо устранить, и это сделает в будущем редактор совместно с автором.

Кончаешь читать поэму, и остается чувство недоумения: почему это талантливое произведение должны читать только комсомольцы Тульской области? Почему «Александра Чекалина» не издаст одно из наших центральных издательств? Это было бы неплохим подарком комсомолу к его съезду.

1949

ГОРДОСТЬ РУМЫНСКОГО НАРОДА

К 100-летию со дня рождения Михаила Эминеску

Бессмертие поэта в его народности. И сейчас, когда румынский народ, а вместе с ним и народы Советского Союза и стран народной демократии отмечают 100-летие со дня рождения Михаила Эминеску, перед нами во всем своем величии предстает образ замечательного поэта — борца за народные чаяния, за лучшее, справедливое устройство общества.

Тяжелую жизнь прожил Михаил Эминеску. Конюх на постоялом дворе, грузчик, суфлер бродячей труппы — вот далеко не полный перечень тех «квалификаций», которыми пришлось овладеть одному из самых лучших поэтов Румынии. Сын владельца имения, он 17-летним юношей покинул свой дом. Жизнь звала его. Он понимал, что можно жить только для народа и ради него.

Буржуазные историки, как они это обычно делают, выпятили на первый план те произведения поэта, в которых он, уступая временной слабости или влиянию господствовавших тогда течений в румынской литературе, отдавался грусти и пессимизму. Но ведь и самая румынская действительность была тогда безотрадной. Пусть Эминеску не понимал еще роли пролетариата, которому предстояла историческая миссия — перестро-

ить мир на новых, справедливых началах,— пусть не всегда он знал, где искать ответа на важнейшие вопросы, и на его рабочем столе рядом с произведениями Маркса лежали сочинения Канта и Шопенгауэра,— в жизни большого поэта важны не отдельные, нехарактерные для него эпизоды, а важна его идейная устремленность. В этом отношении Эминеску является и классиком румынской поэзии, и одним из тех пламенных борцов, память о которых никогда не стирается.

Михаил Эминеску прожил недолгую жизнь (1850—1889). Короткая жизнь большого накала стоит многих лет жизни, а жизнь и творчество Эминеску — жизнь и творчество большого накала. И недаром его так тянуло к Пушкину: он чувствовал свое родство с бунтарством и вольнолюбивыми устремлениями нашего великого поэта.

«Я нашел себе товарища, великого товарища. Несмотря на то, что он говорит со мной на языке, которого я не могу еще полностью оценить, я все же угадываю всю красоту его поэтического творчества... Не знаешь, что следует больше ценить в непосредственной, полной свежести и вдохновения лирике Пушкина... Меня захватывают его стихи, источник живой воды и благородных мечтаний»,— вот что писал Эминеску после того, как с помощью словаря впервые познакомился с Пушкиным. Общность возмущения несправедливым общественным строем роднит румынского классика с величайшим русским поэтом:

Нет законов для всесильных.
　　Только вы одни в ответе.
Им легко жить по законам,
　　сами что они писали,
произвольно сочиняли,
　　произвольно толковали.

Стремление свергнуть эти законы, желание увидеть мир справедливым и счастливым — вот главное в творчестве Эминеску.

С ним, поэтом большого диапазона — от тончайшей лирики до гневной публицистики, от сонета до стихотворения, полного убийственного сарказма, — с радостью познакомится наш советский читатель. Им гордится народно-демократическая Румыния, им все мы гордимся.

1950

НОВАЯ ДОРОГА

Чем отличается путь Геворка Эмина от путей других армянских поэтов, путей, ведущих к той же цели? Что он, Геворк Эмин, внес нового в развитие нашей советской поэзии?

Геворк Эмин принадлежит к тем поэтам, которые не повторяют литературные традиции, а развивают их. Богатства, накопленные вековой армянской поэзией, служат одним из творческих фондов — но не единственным фондом — для поэта, отображающего современность, живущего ею, создающего ее. Это точно сформулировано в прекрасном программном стихотворении «Мое дело», открывающем книгу:

Я так выхожу из своего дома,
Как будто
вхожу
в свой дом:
Все мне близко
и все знакомо,
Все улыбается мне кругом.
С каждым шагом я песню слышу,
В новом канале пошла вода,
Новое зданье надело крышу,
Клен молодой достал провода.
Как хорошо!
Я хозяин жизни...

(Перевод М. Луконина)

И тематика, и страстность, и неукротимая жажда строителя — все говорит о том, что Геворк Эмин — наш талантливый современник, что его интересует все новое, рождающееся на наших глазах. И вдруг косная сила инерции отбрасывает поэта в прошлое, и уже нельзя понять из его стихов, какой век на земле, и уже дохнули на нас обветшалые эстетские архаизмы. И куда девался наш кипучий сегодняшний день?

Есть в книге отдел: «Ты бы в гости ко мне пришла». И есть в нем стихотворение, начинающееся так:

Мимо дома в тишине
                    я прошел.
Думал — явишься в окне,
                    и прошел.
Может, не было тебя в этот час?
Не спустилась ты ко мне,—
                    я прошел.
Может, крепко ты спала, моя джан?

(Перевод М. Павловой)

Нет, джан не спала. Она прибежала к Эмину из девятнадцатого века. И вместо живой страстности получилась страстность, одолженная у классиков, то есть литературщина. А в таких случаях красота становится только красивостью. Эмину показалось, что он погрузился в атмосферу лирики, он забыл о том, что лирике (современной, конечно) нужен не воздух, а движение воздуха — ветер. И неправильно было выделять в книге Эмина лирику в особый отдел. Получилось как бы два отдела: 1) это я думаю и 2) это я чувствую. Автор как бы говорит читателю: «Вот сейчас вы увидите, какой я лирик!»

Лирика в советской поэзии уже давно перестала быть чем-то изолированным, «государством в государстве».

И это сам Геворк Эмин великолепно доказывает в большинстве своих действительно хороших стихотворений.

Возьмем одно из его стихотворений — «Старый дом».

Дом жалуется поэту на то, что его сносят, расчищая путь проспекту:

Я путь загородил проспекту. Ну и что ж?
Ужель меня проспект не может обойти?

И Геворк Эмин (а он, безусловно, лирик) так заканчивает стихотворение:

Тех, кто мешает нам, загородив нам путь,
Разрушить мы должны, поэт он или дом!

(Перевод Н. Чуковского)

Конечно, абстрактной лирики нет. Не меланхолическая, созерцательная лирика, а страстная, действенная лирика нашего современника — только такая лирика может взволновать наших читателей.

«Поэзия — это езда в незнаемое»,— сказал Маяковский. Геворк Эмин большинством своих стихов доказывает, что правильно понял Маяковского. Он или расширяет поэтические «земли», или находит новые способы их освоения. И дело здесь не только в рифме, размере, аллитерациях, образности и прочем. Дело в поэтическом видении, в интонации, в страстности, дело в трепещущем мироощущении, в чувстве нового...

Вот конец стихотворения «Беседа»:

Тебе
    или мне
        говорил это
            Ленин,
Не это здесь важно,
            и суть тут в другом:
Суть в том,
        что решилась
            судьба поколений,

Строительство мира,
в котором
живем!

(Перевод М. Павловой)

Геворк Эмин — поэт своеобразный, со своей богатой индивидуальностью, с весьма отличительной интонацией, со своей большой страстностью.

У Геворка Эмина общительный темперамент, и ему с каждым поговорить хочется — будь это одушевленный предмет или неодушевленный. Эмин обращается и к Москве, и к Маяковскому, и к Гете, и к молодому украинскому поэту, и к старому дому, и т. д. Однотонность такой формы обращения порою создает некоторое однообразие стихов.

Когда читаешь книгу талантливого поэта, задумываешься не только над тем, каких вершин достиг поэт, но еще и о том, какие вершины его ждут впереди. Мне кажется, что талант Геворка Эмина вполне созрел для того, чтобы создать поэму. Это будет поэма не эпическая и не лирическая, а сочетающая в себе оба начала.

Я уже давно слово «лирика» произношу с большой осторожностью. В старое время лирика обязательно была связана с одиночеством. Наше время одиночества не потерпит. Да и смешно выглядит это «одиночество» сейчас, в нашей Советской стране, среди великих строек коммунизма.

Геворк Эмин это отлично понимает, но не всегда бывает последователен. Вдруг его начинает тянуть на элегию. А писать архаические минорные элегии в наше время — это значит заниматься литературщиной, а не большой литературой.

Геворк Эмин владеет многими поэтическими возможностями. Сколько стихов мы посвятили Маяковско-

му! А вот отрывки одного из лучших, принадлежащего Геворку Эмину:

И когда,
              стихи бойцам читая,
Ты гремел в Пекине,
                              громобой,
Слово в слово
                      армия
                              Китая
«Левый марш»
                      читала
                              за тобой.
. . . .
Только одному
                      никто не верит,—
Этот слух
              на правду
                              не похож,—
Будто двадцать лет назад, в апреле...
Но к чему об этом?
                              Ты живешь!

(Перевод М. Павловой)

Маяковский — образец поэта-гражданина, современника, человека, близкого массе читателей. Эти высокие качества старается развить в себе и развивает Геворк Эмин. Он со всей своей нежностью, со всем своим лирическим складом, с ясной и точной мыслью идет по пути Маяковского, находясь под его влиянием, но не подражая ему. Борьба народов за мир, творческий пафос строителей коммунизма, тема дружбы народов находят в стихах Геворка Эмина свое образное поэтическое выражение. Геворк Эмин выделяется среди наших поэтов. Его нельзя не заметить. Но главное в поэте — это быть *необходимым многим* читателям. И надо, чтобы с каждой новой книгой, с каждым новым стихотворением Геворк Эмин становился все более ясным, сильным и народным.

1951

ПУТЬ К БОЛЬШОЙ ПОЭЗИИ

После прочтения книги Алима Кешокова нам кажется, что мы не только познакомились с родиной поэта, но словно побывали на его родине.

А. Кешоков — хороший и оригинальный поэт. Главное достоинство его творчества — острая, пытливая мысль, целевая направленность темы.

Друг, пожелай, если хочешь, добра мне,—
Пусть бесконечно я буду в пути!

(«На мчащемся коне». Перевод М. Петровых)

Это стремление к непрерывному движению, непрекращающиеся поэтические поиски ощущаются почти в каждом стихотворении А. Кешокова. И очень редко поддается он соблазну воспользоваться близлежащей ассоциацией, которую читатель может легко найти и без помощи поэта.

Приведем примеры.

На вешалке — шинель. Самый легкий способ написать стихотворение об этой шинели — показать ее в двух временах, раньше и теперь. Много с этой шинелью пройдено походов, много на ней следов от пуль, а сейчас она висит в мирном доме... Или — перед нами коробок спичек. Спичками мы зажигаем газ в наших новых, благоустроенных домах, а ведь когда-то мы обож-

женными руками зажигали походные костры... Или — электрическая лампочка. Теперь она освещает почти каждый колхозный дом, а когда-то изба освещалась бледным огоньком лучины.

Таких примеров можно привести бесконечное множество. Но не подобными примитивными сопоставлениями дает Алим Кешоков представление о многих приметах нашего времени. Разве только в стихотворении «Солдатские сапоги» он несколько отошел от своих творческих позиций и поддался соблазну близкой ассоциации. Ну, конечно, жар костров прожег эти сапоги, а теперь в них поэт пляшет веселый, мирный танец. Правда, это стихотворение хорошо заканчивается:

К этому-то дню я и берег
Сапоги, утратившие глянец,
Чтоб сплясать в них, не жалея ног,
Кабардинку, как победный танец!

(Перевод П. Карабана)

Много может сказать советский поэт о любви к Родине, о подвиге солдата, о красоте родного края. Но его словам поверишь только тогда, когда ощутишь в них силу настоящего и большого чувства, накал подлинной страсти, ясную и человечную поэзию. Поэт и солдат не должны быть разными людьми, они должны сливаться воедино. Алим Кешоков — поэт и солдат, поэт и строитель, поэт и наш большой друг.

Строительство для него — это не только кладка бетона, это процесс творческого развития советского человека. И хорошо, когда суровость поэта-воина вдруг сменяется трогательной непосредственностью. Например, речь заходит о том, что влюбленный колхозник должен был заготовить большой запас сена для фермы,

которой заведует любимая им девушка. Он не сделал этого вовремя.

Со свадьбой пришлось погодить прошлый год,—
Любимая слово обратно взяла.
Заведует фермой — немало хлопот...
Зависят от сена влюбленных дела.

Теперь уж на свадьбу я вас попрошу,
За лето я столько травы накошу,
Что сено стогами поднимется в ряд,
Коровы его в три зпмы не съедят.

(«Косари». Перевод В. Звягинцевой)

А. Кешоков распределил свои стихи в книге по четырем разделам. Пожалуй, первый и четвертый разделы можно было бы слить в один,— ведь стихи этих разделов посвящены большей частью современной колхозной деревне. Во втором помещены стихи об Отечественной войне. Третий занимает легенда «Земля молодости».

Лучший из разделов — первый. В нем помещены такие хорошие стихи, как «Заоблачные люди» (в переводе С. Липкина), «Плакат» (в переводе В. Звягинцевой) и другие. Хотелось бы процитировать полностью все эти стихи, и только в целях экономии места приведем для примера первую половину «Заоблачных людей».

Желая отправиться в горы,
— Хорошая ль будет погода? —
Ты спрашиваешь, и глядишь ты
Наверх, на сияющий свод.
А видел ли ты человека,
Который с небесного свода
На землю внимательно смотрит
И тот же вопрос задает?

Ты знаешь, как сокол взлетает,
Как тучи, сгущаясь мгновенно,

Плывут над полями колхозов,
Ты слушал нередко грозу,—
Но знаешь ли ты человека,
Которому одновременно
Видны и заря над вселенной,
И ливень, шумящий внизу?

Ты видел, как трудятся люди
В степях, у предгорий зеленых,
Горды урожаем богатым,
Свободному рады труду,—
Но, друг, ты когда-нибудь видел,
Как люди в ущельях, на склонах,
Работают за облаками,
Для нас добывая руду?

И кончается это стихотворение тем, что

Сошли они с неба на землю,
И переходящее знамя
Они получили и гордо
На небо его увезли.

Эти стихи — не раскрашенная открытка с видом на кавказские горы, это не тысячу раз виденное, а *впервые* увиденное и показанное во всей яркости и выпуклости. Чудесное поэтическое зрение, острая, темпераментная мысль, большая творческая индивидуальность и, главное, чувство нового у советских людей — вот за что советский читатель полюбит доселе ему мало знакомого талантливого кабардинского поэта.

Много стихов за многие годы написано тем же размером, что и «Заоблачные люди». И если в такие стихи поэт не вкладывал настоящей страстности, то размер только убаюкивал читателя, и он, читатель, только следил за тем, чтобы размер, не дай бог, не нарушился. В таких стихах мысль спала, а не действовала. Кешоков же не подчинился размеру, он подчинил размер себе. Не просто любоваться рекой, а построить на ней плоти-

ны, преобразовать ее и после этого любоваться ею — таково отношение к природе у Алима Кешокова.

Обратимся к стихотворению «Плакат». Старик садовод смотрит на портрет Мичурина и думает: не сам ли он, старый садовод, изображен на этом плакате? Ведь

По-кабардински все равно:
«Мичуринец» или «Мичурин»...

В этих простых словах дан углубленный образ и раскрыта психология старого садовода.

А. Кешоков обладает редким качеством — драгоценной простотой. Самое название стихотворения — «На мчащемся коне» — несколько настораживает: сейчас мы увидим джигита, который уже скакал по многим старым стихотворениям. Это почти так. Но это «почти» стоит многого. Всадник, вначале показавшийся нам обыденным, на самом деле очень интересен. Это можно понять хотя бы по четырем строчкам:

И, обгоняя товарищей, с маху,
Вихрем папаху с кого-то сорвать,
Пусть бы догнал он и отнял папаху
И разучился в пути отставать.

(Перевод М. Петровых)

Это уже не традиционный лихой всадник прежних кабардинских состязаний, а благородный гражданин нашего общества, обогнавший товарища для того, чтобы тот «разучился в пути отставать». Здесь выражено качественно новое, присущее советским людям социалистическое отношение к труду, к жизни, к товарищам. Не любование, не созерцание, а страстное, активное вмешательство в жизнь — вот оружие поэта.

Кешоков партиен по самой сути своего творчества. Воин в прошлом, партийный работник в настоящем —

такова его жизнь последнего десятилетия. Книга А. Кешокова — это книга о судьбе поэта, неотделимой от судьбы его Родины. Поэт показывает родную землю не абстрактной и не такой, какой она была в дореволюционное время, а близкой горячему сердцу советского поэта, устремленной в завтрашний день — в коммунизм. И в этом суть и сила поэзии Алима Кешокова... Романтик, он ни на минуту не отрывается от реальной действительности, от родной земли, от родного народа, строящего коммунизм. Жизнеутверждающая романтика Алима Кешокова ничего общего не имеет со старыми традициями романтической школы. Он любит мечтать, но мечтать о реальном.

Кабардинский поэт написал хорошую книгу. Но не надо было разбавлять ее хотя бы и небольшим количеством малозначащих стихов. Могут ли взволновать такие строки:

В селеньях лютует фашист-палач,
И песня девичья звенит как плач,
Всю ночь колотится о злой утес
Река безудержных прощальных слез.

(«Слово Родины». Перевод М. Петровых)

Или:

...Я бросился в погоню за фашистом.
Мы шли в атаку, недругов тесня,
И пули наполняли воздух свистом,
Одна из них настигла вдруг меня.

(«Платочек». Перевод В. Потаповой)

Подобные недостатки досадны еще и потому, что у нас есть полное ощущение хорошего знакомства с крупным кабардинским поэтом.

Путь Алима Кешокова — путь к большой поэзии.

1951

ПЕРВАЯ КНИГА ПОЭТА

Первая книга стихов Е. Винокурова тепло встречена критикой и читателем. Так и нужно встречать молодого хорошего поэта — не оркестром и не официальными приветствиями, а дружески разговаривая с автором, радуясь его успехам, отмечая недостатки и беспокоясь о его будущем.

Постараемся в этом порядке разобрать книгу: 1) успехи, 2) недостатки, 3) будущее.

В книге есть яркие куски и отдельные стихотворения. Если бы вся книга была написана на таком уровне, мы бы уже имели первоклассного поэта. Целиком цитировать стихи не позволяют размеры этой статьи. Я приведу только несколько четверостиший. Они доставляют радость самому взыскательному читателю.

И каменщик над городским рассветом
Встал не спеша пред кладкою стены
И взял кирпич движением,
воспетым
Известными поэтами страны.

(«Утро»)

Вот и солнце, соседи!
В свежий утренний час
Поднимаетесь вы,
Распрямляете плечи свободно.

Сколько глаз на земле выжидающе
смотрят на вас!
Чем великим вы мир удивите сегодня?

(«Соседи»)

Мир, поднимаясь, стряхивал дремоту,
И с мощными руками за спиной,
Собравшись к первой смене на работу,
Друзья отца стояли надо мной

(«Рождение»)

Коротко и выразительно написана «Русская природа».

Я не стану еще цитировать отдельные талантливые строфы и стихотворения. Хочу сказать поэту о том, чего он не знает или о чем только подозревает. Ему следует обратить внимание на две опасности, подстерегающие его.

Очень точная афористичность и подкупающая интонация (в полной мере свойственные Е. Винокурову), оставаясь без движения, начинают вянуть. Пейзаж в поэзии, как и в живописи, неподвижен. Но поэт обязан *двигаться* от пейзажа к пейзажу. В книге Е. Винокурова отдельные стихотворения похожи друг на друга, не как брат на брата, а как портрет на оригинал («Пока есть в реках сила гнать каменья» и «Я эти песни написал не сразу», «Уставы» и «Верность великому делу храня»). Пользоваться долго одной интонацией — это значит перейти на иждивение к этой интонации.

И вторая опасность: слишком большая раздумчивость снижает активность. Можно ударить и не ударить, но пальцы должны быть сжаты в кулак. А в «Стихах о долге» видны отдельные растопыренные пальцы, очень хорошие строки не сопровождаются достаточной темпераментностью.

Е. Винокуров выпустил первую книгу, но о нем никак нельзя сказать, что это поэт начинающий. Можно сказать короче: это поэт. Кому много дано, с того больше и спросится. И читатель не устанет спрашивать.

1952

ПИСЬМО К ДРУГУ

Идеал для каждого стихотворения — стать интересным письмом к читателю. Во многих своих произведениях Пимен Панченко достигает этого. Такие стихи, как «Ты скажи мне, кукушка...», «Я все перепутал...», «Кони», запоминаются сразу.

Поэтому так и легко мне на свете
Европу и Азию шагом измерить,
Что люди родные, и солнце, и ветер
Меня ожидают, в любовь мою верят.

(Перевод А. Прокофьева)

И чем дальше углубляешься в книгу П. Панченко «С тобою, Отчизна!», тем больше и больше убеждаешься в том, что имеешь дело с настоящим, очень хорошим поэтом.

Поэзия Панченко народна. И в этом, пожалуй, главное достоинство его стихов. Но там, где чувство, слово поэта не преломлены через его индивидуальность, там стих и беден и невыразителен. Там и березки, которыми многие поэты уже давно отапливают свои стихотворения, и не новые образы:

И таких певучих чистых речек,
И таких лесов, таких полей,
И сердец отважных человечьих,
И таких отзывчивых друзей...

(Перевод Н. Брауна)

Одно дело — сообщать о том, что ты чувствуешь, другое — когда чувство обнаруживается само по себе. Бывает так, что стихотворение как бы гудками дает знать о своем приближении, а на самом деле не двигается. Надо очень заботиться о том, чтобы сила пара уходила не на гудки, а на движение.

Есть в книге и чересчур «правильные», если так можно выразиться, стихи («Песня», «Неугасимая вера»). А для стихотворения мало быть «правильным». Его двигателями являются темперамент и вдохновение. А это — двигатели *внутреннего* сгорания, а не внешнего. Чем меньше чувство вырывается наружу, тем больше оно клокочет в тебе. В этом плане показательно стихотворение «Глаз снайпера», полное внутренней энергии:

В его зрачок, как будто в дом просторный,
Входили сосны, травы, вечер черный.

Так было до войны. А в войну:

...Только снег вокруг волной сыпучей
Да черный враг в зрачок вползает с кручи.

И затем — концовка:

Короткий треск — и синие снега
Засыпали двухсотого арийца...
И вновь открыто снайперское око
Для птиц, друзей, деревьев, звезд высоких.

(Перевод Е. Мозолькова)

В стихотворении всего шестнадцать строк, но в нем все сказано. Это достигнуто путем строжайшей «поэтической экономии».

Диапазон Панченко широк. «Ты скажи мне, кукушка...» написано совсем иначе, чем «Глаз снайпера». В нем в полной мере использована певучесть белорусского языка:

Долго, хлопец, придется тебе тосковать,
Раны нашей земли подсчитать не легко.
Хоть с зари до зари
Тридцать дней куковать —
До конца будет все далеко.

(Перевод Б. Иринина)

Самым крупным по объему произведением в сборнике является поэма «Молодость в походе», написанная хорошим белым стихом. В строгом смысле — это не поэма. Это лирический рассказ автора о себе, поэтому строгая композиция здесь не обязательна.

Почему же некоторые стихи в книге впечатляют сильно и надолго, а некоторые (нельзя сказать, чтобы они были плохие, они «почти» хорошие) все же довольно быстро исчезают из памяти? Потому что существует неписаный, но обязательный для поэзии и вообще для искусства закон: видимость не может заменить собой сути, скандал не может заменить конфликта, происшествие не заменит события, злость не заменит гнева, и хорошее отношение не заменит любви.

Вот стихотворение Панченко «На шоссе». Плохое ли это стихотворение? Нет, неплохое. Но сказать о стихотворении «неплохое» — все равно что сказать о человеке «неплохой»: и судить не за что, и пламенно дружить с ним не хочется.

И льется песня моя широко
Про нашу осень и труд наш славный,
Про то, что снова сдаем до срока
Свой урожай мы стране державной.

(Перевод Вс. Рождественского)

Будто бы и неплохо написано и переведено гладко, а дочитывать стихотворение до конца не хочешь.

П. Панченко менее других поэтов страдает недостатками, о которых говорится выше. Я просто хочу, чтобы его книга была *вся* хорошая. Чтобы не было в ней строк, вроде следующих:

Есть еще следы тут папы!
Битый козырь оккупантов —
Иезуитов черных лапы,
Засутаненные банды.

Это не похоже на Панченко. Он куда талантливее этих строк. Надо, чтобы в повторном издании эти грехи были устранены. Для этого его книжке надо быть чуточку тоньше, и тогда читатель обрадуется каждой странице.

Я уже давно не встречался с Пименом Панченко, с которым служил в одной армии. Прочитав его книгу, я как будто только сейчас разговаривал с ним. Пусть и он прочтет эту рецензию как письмо от старого друга.

1953

РАЗГОВОР С МОЛОДЫМ ПОЭТОМ

Казахское государственное издательство художественной литературы в 1953 году выпустило сборник стихов Леонида Кривощекова «С открытым сердцем».

Поскольку сердце открыто, нам легко разобраться в том, что в нем происходит. А наряду с хорошим происходит и не совсем хорошее.

Л. Кривощеков — несомненно, человек талантливый, но часто он больше любуется своими переживаниями, чем заражает ими читателя. «Ах, как мне грустно» или «Ах, как мне весело» — это еще не есть переживание, это только сообщение о нем, а мы такому сообщению можем верить и не верить. Чаще не верим.

Когда пишешь рецензию о какой-нибудь книге, вникаешь не только в ее содержание. Стараешься мысленно представить себе автора, даже его внешний вид — что с ним происходит и, главное, что еще произойдет, и стараешься, чтобы твой отзыв о нем принес ему пользу.

Постараюсь представить себе Леонида Кривощекова.

Это, на мой взгляд, молодой, одаренный человек, больше любящий себя, чем то, что он делает (это, впрочем, беда не только многих авторов стихов, но и авторов некоторых романов). Стремление быть интересным, если писатель не всегда располагает достаточными для этого средствами, легко воспринимается самим авто-

ром, но тяжело переживается читателями. И вместо того, чтобы признать недостаточность своего мастерства, вместо того, чтобы повышать его, они — эти поэты и прозаики — обвиняют тех, кто их критикует в непонимании художественной прозы и поэзии.

Поэзия — это неисчерпаемое богатство. Сколько его ни раздавай, никогда банкротом не станешь. А разве это богатство:

Задыхаюсь от ветра и плачу,
Не желая другого пути.
Только так, через все неудачи,
Напрямик за любовью идти.

Это — самолюбование, а не богатая индивидуальность.

Или:

В заводь синюю желтый клен
Опрокинулся вниз головой...

Сергей Есенин и другие большие поэты уже давно опрокинули в заводь всю нашу растительность. Писать так — это все равно что пытаться в наши дни заплатить в магазине обветшалыми дензнаками. Кассирша чека не выбьет.

Почему я так зло пишу о Леониде Кривощекове, который, в общем, как поэт мне нравится и который в значительной части своей поэтической работы достоин похвалы? Потому что, мне думается, он похвалу воспринимает неверно — он воспринимает похвалу как разрешение работать небрежно. Этих небрежностей в книге очень и очень много:

Встает над городом
Сентябрьский рассвет...

Нужно прибавить слог, чтобы вторая строка была удобочитаемой.

Нахлынула к сердцу жалость,
И старому стало тепло,
Сиротка-внучка прижалась
К промасленной куртке его...

Не говоря о дурной рифмовке, это сентиментально. Чувство заменяется здесь видимостью чувства. Такое наблюдается во многих стихах молодого автора:

Ни слова б я о нем не обронил,
Когда б не опьянел от ароматов...

Эти ароматы сильно отдают одеколоном.

Работяга мой город. И я
Тем напомню, кто точит клыки...

Точат клыки скорее резчики по кости, чем империалисты, которых имел в виду автор.

Как-то июльским погожим днем
Мы шли хлебами под синим небом.
Это было в сорок седьмом.
Моим спутником был агроном,
Он Героем Труда еще не был.

Даже для прозы это слишком неуклюже. Таких строк в книге встречается, к сожалению, немало.

Я намеренно не процитировал ни одной хорошей строки, а они в книге есть. Не процитировал вот почему. Если на первом этапе пути похвала служила поэту подмогой, то сейчас, неверно воспринимая похвалу, он находится на пути не к хорошему, а скорее к дурному. Право же, Л. Кривощеков должен снизить самоуверенность и прибавить себе робости, необходимой поэту даже при самом отчаянном дерзании.

1953

МАЛО КРАСОК, МАЛО ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТИ

Возрожденная Литва—вот основная тема стихов книги Вациса Реймериса «Литовская весна». От первой до последней страницы каждой строкой молодой поэт говорит о своей преображенной родине. Есть строки вдохновенные, пленяющие читателя; попадаются и строки, оставляющие нас равнодушными. Но в целом Вацис Реймерис — поэт, книгу которого хочется иметь в своей библиотеке.

Особенно хорошо стихотворение «Он видит». В нем говорится о патриоте, который потерял зрение в бою, но сердцем своим ощущает все то прекрасное, за что он боролся. Заканчивается стихотворение так:

И замолк он, сухой, остролицый,
Неподвижно уставясь в окно,
Но казалось, пустые глазницы
Досказали, чем сердце полно:
«Вижу утро в торжественной дали,
Не на вечер, на утро смотрю.
Мы сияние глаз отдавали
За его золотую зарю».

В стихотворении «Школа в замке бывшего поместья», вспоминая о тяжелом прошлом Литвы, поэт говорит:

Здесь, заглянув в окошко хаты,
Дивилась бледная луна:
С чего батрацкие ребята
Еще бледнее, чем она?..

Нет возможности в короткой статье показать все то хорошее, что есть у Вациса Реймериса. Да он, пожалуй, в этом и не нуждается. Каждый хороший поэт сам знает, чем он богат. А вот то, чем он беден, хороший поэт не всегда знает, не всегда точно чувствует. Это и хотелось бы ему подсказать.

Книга стихов может быть посвящена одной теме, и в этом ничего дурного нет. Но в таком случае стихи должны быть поданы в разных планах. А если много стихов подано в одном плане, то невольно получается впечатление, будто бесконечно повторяется одно и то же стихотворение. «Раньше было плохо, а теперь хорошо». Так можно сказать один, от силы два раза. Черная и белая краски — далеко еще не все краски художника. А в книге Вациса Реймериса мало переливов. Все время «прямое освещение».

Редактор сборника П. Антокольский был слишком добрым. А в искусстве суровый человек более добр, чем добрый. Суровый редактор, желающий помочь автору, не напечатал бы таких строк:

...Знайте, что препятствий непреодолимых
Нету для того, кто стал большевиком.
Помните: под красным знаменем стоим мы.
Помните: в семье советской мы живем.

Эти истины все мы, читатели и поэты, давно знаем и любим. Для чего же их еще раз зарифмовывать, поэтически не решая важной темы? К сожалению, таких строк многовато, и за ними иногда теряется облик талантливого поэта. Одно хорошее стихотворение всегда лучше, чем одно хорошее и одно плохое. Чувство отбора изменило В. Реймерису.

Хочу упомянуть и еще об одном недостатке, свойственном не только В. Реймерису. Речь идет о ложном

мастерстве. Допустим, вы придумаете форму строфы: шесть строк на одной рифме или повторяющаяся строка в конце каждой строфы. Это хорошо только в том случае, если из этих готовых формочек вырывается темперамент. Если же темперамент застывает в них, как желе, то это уже не мастерство, а просто стихотворное упражнение. Именно это и произошло у В. Реймериса со стихотворением «Мое поколение». В нем шесть строф, и каждая заканчивается строкой: «Поколенье мое». Сказано громко, а между тем мы остаемся совершенно равнодушными. Почему? Потому что это сделано нарочно, это не темперамент, а остывший кипяток в шести одинаковых чайниках.

Можно не сомневаться, что Вацис Реймерис подготовит новую книгу. Он талантлив и, наверное, чуткий человек. Настолько чуткий, что в следующий раз, надеюсь, удовлетворит пожеланию — более строго отбирать стихи для сборника.

1954

НЕЗНАКОМЫЙ ДРУГ

Мы плохо знаем так называемых «областных» поэтов. Это несправедливо.

Я, например, считал, что есть только один Луговской — поэт Владимир Луговской, человек, с которым я провел свою юность. Но, оказывается, в Сибири живет и работает поэт Иннокентий Луговской, человек, с которым я хочу познакомиться и подружиться.

Он очень хорошо пишет. Если бы Инн. Луговской больше издавался в Москве, он давно уже был бы популярным поэтом. Союз писателей виноват, мне кажется, в том, что мы мало знаем хороших поэтов других городов. Он мало занимается периферийными писателями. «Сидите-де в своей области, а мы уж о вас позаботимся!» Таким образом, Иннокентия Луговского я лично узнал только сейчас, прочитав маленькую книжку его детских стихов «Мишуткин трудодень».

Что меня пленило в поэте? Интонация. Читаешь его стихи, и кажется, что человек с доброй улыбкой сидит рядом и разговаривает с тобой.

Вот школьник катит на машине с председателем колхоза мимо поля. Он — юннат, он может отличить один

сорт пшеницы от другого по внешнему виду: та, что с усами,— «балаганка», без усов — «кубанка».

Не могу лишь я добиться,
Тайну выведать одну:
Как пшеницу от пшеницы
Отличить мне по зерну?
А вот дядя Саша может —
На ладошку лишь положит...
Я смекаю: потому,
Что в очках видней ему.

Эта хорошая наивность, которую так часто ловишь и которую тем не менее не всегда удается поймать, свойственна почти всем стихам Инн. Луговского. Стихотворение «Наша рация» целиком построено на этой наивности. Она сквозит и в обращении к Ангаре, которая — это предвидит поэт — остановила у плотин «бег свой вековечный»:

...И прошли с Байкала пароходы
Прямо на широкий Енисей...

Ты ворчишь и сетуешь смущенно,
Прячешься в туманы от зари...
Ты не веришь? Так спроси у Дона,
С Волгой и Днепром поговори!

Никакого ложного пафоса — и вместе с тем до чего убедительно! Да, пройдут скоро пароходы с Ангары в Енисей, как прошли они из Волги в Дон! Патриотизм в этих стихах выражается не малозначащими или громкими словами, а глубоко и художественно убедительно.

У Инн. Луговского попадаются и неудачные строки. Их мало, и они не столь неудачны, чтобы на них останавливаться. А самое главное, я ставил себе задачей не подробный разбор этой небольшой книжки, вышедшей

еще в прошлом году. Цель у меня была другая — обратить на ее автора внимание читателя.

Я перечитываю эту свою заметку и думаю: не перехвалил ли я поэта? Не принесет ли ему это вред? Нет, не принесет. Хватит ему считаться только «областным»! Инн. Луговской заслуживает того, чтобы занять свое место в ряду хороших детских писателей. У него есть еще одно замечательное качество — он одинаково близок и детям и взрослым.

1954

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

Алексей Арбузов. «Годы странствий», «Театр», № 3, 1954.

Это разговор не столько о пьесе, сколько по поводу нее.

Человек, не разбирающийся в музыке, судит о ней, учитывая только одно: что он думает во время исполнения этой музыки?

Я нахожусь именно в таком положении — драматической критикой никогда не занимался, не знаю, с чем ее едят, и поэтому выскажусь разбросанно, руководствуясь только впечатлениями от пьесы, не будучи отягощен знанием законов драматургии. И пусть простит мне автор, если я коснусь недостатков, иногда совершенно не касающихся разбираемой мной пьесы.

Кто герой этой драмы? Неужели Ведерников?

Ни в коем случае! Герой пьесы, на мой взгляд, жена Ведерникова — Люся, прекрасно выписанный автором женский образ. И этот матриархат меня никак не устраивает.

Что нам импонирует в герое? Когда он несет идею в себе. И очень нас огорчает, когда он несет идею на себе, когда она только от него отражается. Идея, просвечивающая сквозь героя, а не как заплечный мешок носимая им! Видеть в герое не только то, что все видят, а об-

наружить в нем те ультракороткие волны, которые может увидеть только художник. Мы настолько богаты, что можем позволить себе не отказаться от капли волшебства.

Нам иногда препятствуют в этом. Но неужели мы должны испить из чистого источника искусства только после того, как в нем выкупался редактор?

Поговорим о нас самих. Как часто мы видим, что критик несет идею не в себе, а на себе, но не он, а мы, бедняги, сгибаемся под этой нелегкой кладью.

Почему мне не нравится главный герой — Ведерников? Жена его написана прелестно, товарищи хороши, а вот он сам не вышел. Дело в том, что он обитает в пределах того, к сожалению, еще часто встречающегося у нас стиля, который я склонен назвать «государственной» сентиментальностью. Я подразумеваю под этим чувствительность, а не чувство. И пусть эта чувствительность относится к очень важным для нас темам, она от этого не перестает быть чувствительностью.

Проверим наш репертуар. И мы увидим, что во многих пьесах есть какое-то наперед заданное чувствование.

Да и в стихах его сколько угодно. Парень и девушка работают на стройке. Они любят друг друга. Но написано это так, что, если отнять из-под них стропила, они упадут в девятнадцатый век.

Многим кажется, что партия этого требует. А партия требует совсем другого — сегодняшними глазами показать сегодняшнего человека.

И я очень боюсь, что за торжественностью нашего предстоящего съезда прячется очень большая опасность — легче популяризировать, чем творить! Давайте же предупредим об этой опасности!

Была когда-то точная характеристика писателя: властитель дум. Партия это право всемерно поддерживает. Большой писатель — это первый советчик партии.

Мы часто говорим: наша литература — лучшая в мире. Да это не так уж трудно! А вот давайте сравним свою работу с работой наших классиков девятнадцатого века. Куда мы денемся?

Почему я подумал обо всем этом, читая пьесу А. Арбузова? Он меньше других повинен в описанных мною грехах. Это я просто музыку слушаю.

Проследим историю наших недостатков.

Сначала оказалось, что у нас кое-где есть плохие председатели исполкомов. Но зато секретари райкомов — одно упоение! Потом беда обрушилась на заместителей министров. Министры пока что уцелели.

Но не в этой нашей однобокости дело, а в том, что народ живет своей жизнью, отдельной от нас.

Я нисколько не обвиняю в этом именно Алексея Арбузова (пусть он простит меня — я ведь все еще продолжаю музыку слушать).

Вся наша жизнь — это служение Советской власти. Того, кто изменяет этому служению, мы справедливо называем предателем. Но ведь служить-то можно поразному. Можно, служа, льстить. Эта опасность тоже нависает над нами. Советская власть — это не девушка, которой говоришь хорошие слова, и она от этого млеет. Советская власть — это седая женщина, прожившая невероятно трудную жизнь, и с ней надо говорить честно и прямо.

Так ли все идеально в нашей жизни? Нет, не все идеально. Должны ли мы для своих произведений отбирать только хорошее? Нет, не должны. Важно единственное: куда устремлен писатель? Если его стремления совпадают со стремлением партии, он может писать,

как хочет. Никакого формализма тут быть не может, будут только творческие поиски.

Нависает еще одна опасность — опасность ханжества. Несутся слухи, что по поводу борьбы с алкоголизмом нельзя будет ни одной свадьбы на сцене показывать. Пусть меня простят поборники борьбы с алкоголизмом, но человека, который не выпьет за здоровье новобрачных, не следует приглашать на свадьбу.

Я совсем далеко ушел от пьесы. В ней очень много хорошего. Сцена на вокзале, например, написана первоклассно. Но меня удручила концовка пьесы.

Ольга, которую Ведерников долго и мучительно искал и наконец случайно нашел, буквально на одной-двух страницах расстается со своим любимым и уезжает. Ведерников возвращается к своей жене. Та, конечно, безумно рада.

Мало! Куце для таких сложных человеческих отношений! Здесь нужна площадь целой пьесы, а не одной-двух страниц.

Или еще — Ведерников узнает, что его мать тяжело больна, и тем не менее продолжает разговаривать о вещах, ее не касающихся.

Вот французы показывали у нас такую одноактную пьесу «Рыжик». Мальчик ненавидит свою мать. Но если бы он узнал, что она умирает, то сейчас же побежал бы посмотреть — как умирает то, что он ненавидит. Как же оставаться на месте, когда умирает то, что безмерно любишь? Реакция в таких случаях бывает мгновенной. Нехорошо, когда человек живет только что сочиненными отношениями, но так же нехорошо, когда в произведении люди живут уже давно сочиненными отношениями.

В пьесе Ведерников живет уже сочиненными отношениями. Почему он — талантливый? Только потому,

что он произносит несколько «медицинских» слов, а другие их не произносят?

Это, как в детских пьесах,— порочные мальчики самые интересные. Получилось нехорошо — талант сочинен автором и не присущ герою. Получилось как будто жизненно, а на самом деле мертво. Дело в том, что правда сильнее быта. Хочешь утешить некрасивую женщину, и говоришь, что у нее хорошие глаза. Не то что красивые, а просто хорошие. Мне это много раз говорили, но я-то знаю — в чем дело.

Почему я, отвлекаясь от пьесы, обо всем этом говорю?

Потому что общение через трибуну нам почти заменило письма. Мы разучились писать их. А как они нужны — эти дружеские письма!

И пусть Алексей Арбузов — писатель, который мне творчески очень близок, сочтет эту статью за самое обыкновенное письмо. Захочет — покажет кому-нибудь, не захочет — не покажет.

⟨1954⟩

ЮБИЛЕЙ ПОЭТА

Очень хорошему украинскому поэту Миколе Платоновичу Бажану исполняется пятьдесят лет. Добрую половину этого времени поэт отдал своему благородному делу — глаголом жечь сердца людей.

Не от имени литературоведов (я с этим делом не справлюсь), не от имени многотысячного читателя (читатель мне этого не поручал), а от имени сверстников, от имени людей, знающих и любящих Миколу Платоновича вот уже четверть века, видящих его в своих первых рядах, знающих каждый его жест и каждую интонацию, от имени поэтов, для которых вся жизнь и все творчество М. Бажана — *необходимая* поэзия, пишется эта статья.

В 1926 году вышла книга еще неизвестного двадцатидвухлетнего украинского поэта «Семнадцатый патруль». В то время советская поэзия не достигла еще даже десятилетнего возраста.

Как мы тогда путались! Нас тогда подчас увлекала «красивость» символизма и акмеизма, мы больше утверждали новое, чем создавали его, мы еще точно не осознавали, что поэзия — это плоть народа, а не его призрак. Но все это было по-молодому, было темпераментно, и, главное, во всем этом сквозило неугасимое желание отобразить новую эру, новаторски участвовать

в благородном, до той поры на земле не существовавшем деле.

Потеряли ли мы эти золотые качества молодости? Микола Бажан не потерял. Перечитаем его стихи «Английские впечатления». Темпераментный мастер пришел на смену темпераментному юноше. Зеленое яблоко стало наливным. Разве кому-нибудь придет в голову, что от этого яблоко «постарело»?

Поэма «Бессмертие». Эти три повести о товарище Кирове еще раз подтверждают великолепное качество Миколы Бажана как поэта и человека — он *умеет любить*! В этой поэме редкий человек показан редким поэтом. Поэт слился с образом. Герой и автор идут рядом. Можно было бы подтвердить это многочисленными цитатами, но, когда любишь, не всегда нужно детально доказывать это качество, любовь большей частью самодоказуема. Веришь мне, Микола, что мы все тебя очень любим? Доказывать, правда, не надо? Давай лучше обратимся к тем — прошедшим годам. Моя молодость идет рядом с твоей по улицам Харькова. Будущий депутат Верховного Совета СССР, Лауреат Сталинской премии — еще совсем мальчишка. Мне даже кажется, что он специально отпустил себе раннюю лысину, чтобы казаться серьезней. Тогда еще был жив Михаил Голодный, поэт, о котором следует чаще вспоминать, чем мы вспоминаем. Все мы были — начинающие. Как бы это опять пережить? Не придется.

Какие у нас тогда, кроме желания мировой революции, были мечты? Была главная мечта — утвердить наше дело, которое мы тогда считали и сейчас считаем святым. Многие утвердили, и ты в их числе. Украина и Грузия, Узбекистан и Англия уместились на широких полях твоей поэзии. В Киеве и в Тбилиси, в Ташкенте и в любом другом городе нашей Родины ты одинаково

дорогой людям человек. Может быть, я говорю с тобой слишком пафосно, но ведь пятьдесят лет бывает один раз в жизни. И когда у действительно близкого человека исполняется такой юбилей, хочется заведовать всеми колоколами и неистово бить в них. И если мне придется тебя лично поздравить, я, к ужасу всех поборников борьбы с алкоголизмом, подниму за твое здоровье и за твои успехи самый большой бокал...

Я тоже кой-чего добился в жизни — я член бюро секции поэтов. От имени секции, от имени всех московских поэтов горячо обнимаю и поздравляю тебя.

<1954>

ГОРЯЧИЕ СТРОКИ

Некоторые люди считают, что расстроенность чувств — это и есть лирика. Дескать, он ее любит, а она его нет — вершина конфликта в лирическом стихотворении. Наступающая осень символизирует собой приближающуюся старость — ах, как трогательно! Пейзаж, на фоне которого пасутся две-три коровки,— ах, какая наблюдательность!

Все это, конечно, неверно. И это с неотразимой убедительностью доказывает очень хороший поэт Расул Гамзатов.

Главное достоинство его лирики в том, что она в первую очередь *энергична*. Какое бы стихотворение вы ни прочли в его последней книге, в нем обязательно присутствует активно действующий человек.

У Расула Гамзатова много здорового свежего юмора. Это юмор не развлекательный, не снижающий лирического накала стихотворения, а, наоборот, повышающий его. Юмор входит в стихи Гамзатова, как молибден входит в сталь. Для примера прочтем и разберем «Стихи о времени» в очень хорошем переводе Н. Гребнева. Они начинаются так:

Летит по бездорожью, по дороге,
Минуя рубежи веков и стран,
Скакун неукротимый быстроногий,
И нет на нем узды и нет стремян.

Ему, как дорогому гостю: «Здравствуй!» —
Мы говорим с улыбкой на губах,
Себя вопросом мучая не часто:
«Он или мы, кто у кого в гостях?»

Добрая улыбка поэта чувствуется в строках, которые другой, менее даровитый автор написал бы «всерьез», сокрушаясь о том, что вот время идет и человек от этого не молодеет.

И в другом стихотворении из этого же небольшого цикла:

Ты спешишь. На деревьях желтеет листва.
Хлещут ливни, мутнеют потоки.
И неделю смололи твои жернова:
Я неделю писал эти строки.

Слушай, чертова мельница, короток путь,
Что дано совершить человеку.
Поломать тебя, ось твою, что ли, погнуть,
Перекрыть бесноватую реку?

Здесь во всю свою мощь пробивается энергия, о которой я говорил выше. В теле стиха переливаются бицепсы, задумчивость не переходит в раздумчивость, возбужденность не превращается в экзальтацию. И заканчивается цикл:

Часы идут,
и тикают, и бьют...
Что сделал ты, прислушиваясь к бою?
Или пришлось вести им счет минут,
Бессмысленно растраченных тобою?!

Много, очень много хороших стихов в этой книге. Естественно, что я не могу их все процитировать в коротком отзыве.

Прочтя книгу Расула Гамзатова, я обнаружил одно отличное качество поэта: в каждом его стихотворении

пружинит мысль, ни одно из них не бездумно, ни одно из них не написано потому только, что у автора появилось желание рифмовать.

То, что я написал об этой книге, не рецензия. Это рекомендация. Горячо рекомендую читателю: прочтите последнюю книгу стихов Расула Гамзатова. Это очень хороший, настоящий, интересный поэт.

1955

СЧАСТЬЕ НЕЛЕГКО НАРИСОВАТЬ...

Название этой заметки — последняя строка стихотворения М. Лисянского «Счастье»:

Счастье нелегко нарисовать...

Автор прав — действительно, нелегко. Попадаются отдельные банальные строфы в книге, иногда попадаются стихи просто «на тройку». Но это процент, я бы сказал, допустимый. Хорошего значительно больше. Прочел эту книгу, и кажется, что ты познакомился с хорошим человеком, который готов всегда поделиться с тобой своими радостями, своими надеждами...

Марк Лисянский умеет не только любить, но и видеть, что весьма важно для художника. Любить могут многие, а по-настоящему видеть может только художник. И в этом плане удивительно хорошо стихотворение «По набережной гулкой». Не говоря уже о том, что читатель видит очень точный пейзаж, стихи вызывают ассоциации, у каждого, может быть, разные, но всегда интересные. Нельзя в короткой заметке цитировать стихи полностью. Приведу только две строфы.

Ручьи пробили скалы
И вековой покой,
Чтоб их союз назвали
Великою рекой.

Они еще пробьются
Сквозь тысячи запруд
И своего добьются —
Их морем назовут!

Хороши стихи «Август», «Его путем», из которых я уже ничего не могу цитировать, соблюдая законы короткой заметки.

Треть этой книги занимают стихи о Ленине. Стихи эти не все одинаково удались, некоторые из них иногда повторяют друг друга. Например, Владимир Ильич показан в отроческие годы статично, вне роста и формирования. Но в целом М. Лисянский сделал большое дело. Как художник он приблизил к нам образ вождя. Упомянем стихотворение «Весна». В нем даны весенний пейзаж, весьма неплохой, и совершенно неожиданная концовка, являющаяся основанием всего стихотворения:

Это верно, без сомнений,
Если помнить каждый раз,
Что весной родился Ленин
И принес весну для нас.

Попадаются иногда и сентиментальность («Вишни») и то, что другими поэтами уже сказано («Поток»). Но есть тут и стихи, которые может создать настоящий поэт, и только он.

Так, в стихотворении «Памятник» описывается памятник Ильичу над Волгой, и о нем сказано:

Он видит зелень,
Слышит звуки,
Он дышит свежестью речной,
Он после долгих лет разлуки
Приехал в город свой родной.

К недостаткам книги относятся небрежная иногда рифмовка (к сожаленью — весеннем, не зная — соеди-

няет и др.) и отдельные стихи, где автор желал одного, а получилось другое. Например, «Мой друг». Автор хотел написать с юморком, а получилось и непонятно и по-обывательски.

М. Лисянский — популярный песенник. И не случайно треть книги посвящена песням. Песни разные. Есть и такие популярные, как «Моя Москва» («Я по свету немало хаживал»), но есть и песни, написанные, очевидно, на уже готовую музыку, и они неудобочитаемы.

В общем, Марк Лисянский — хороший поэт. Газета «Сталинская смена» очень тепло отозвалась о его книге. Нам остается присоединиться к мнению ярославских комсомольцев.

1955

[О КСЕНИИ НЕКРАСОВОЙ]

В книжке Ксении Некрасовой «Ночь на баштане» всего тринадцать небольших стихотворений и крохотная поэма. И нет ни одного стихотворения, в котором читателю не явилось бы что-то необыкновенно светлое и чистое. А пейзажи иногда просто поражают — в них природа не только переливается своими необыкновенными красками, в них еще видно непосредственное и подкупающее нас отношение к этим краскам. Если выразиться театральным языком, то сверхзадача всего творчества Ксении Некрасовой — единство природы и человека. У нее цветы, как люди и люди, как цветы.

Я не стану в коротком отзыве цитировать все то, что мне понравилось в этой книжке, я это сделаю на комиссии.

Не понравились мне только легенда деда в поэме и ответ на нее Одарки (особенно последняя). Такого я уже много начитался, особенно в поэзии наших братских республик — вот как раньше было плохо, и вот как теперь хорошо! Раньше нас угнетали, а теперь в нашем поле ходит наш трактор. Спасибо такому-то товарищу за счастливую жизнь! Тему освобождения народов надо подавать свежее и ярче.

В целом, принимая Ксению в союз, мы приобретаем талантливого товарища, у которого есть такие душевные достоинства, которых мы, бывает, лишены. А членский билет поможет ей продолжать работу и облегчит ее весьма трудное бытовое положение.

⟨*1955*⟩

СТИХИ БОЛГАРСКИХ ПОЭТОВ

Можно с радостью рекомендовать читателю стихи наших болгарских друзей. Болгария — республика молодая, и творчество ее поэтов тоже молодо. Стихи, публикуемые в журнале, написаны болгарскими поэтами разных поколений и в разные периоды. Но все они отражают горячий патриотизм, страстность и искренность художников.

Революционные свободолюбивые традиции болгарской поэзии, заложенные Христо Ботевым и Георгием Раковским, пронесены сквозь столетие Иваном Вазовым, Христо Смирненским, Гео Милевым. Пламенные строки поэтов-революционеров поднимали народ на борьбу против иноземного владычества. Призыв Добри Чинтулова «Восстань, восстань, юнак Балкан!» перекликается с яркой мыслью Ботева: «Кто в грозной битве пал за свободу — не умирает!» Иван Вазов воспевает восстание 1876 года, освобождение Болгарии от турецкого ига: «Здравствуйте, братушки!» — восклицает он, и в его поэзии звучит любовь болгарского народа к русскому.

Годы шли. Вместе с развитием социалистической мысли поэты мужали; пролетарские революционные песни Георгия Киркова «Рабочий марш» и «Дружная песня раздается» звучали на улицах Софии. Слово поэтов клеймило фашистский режим — авторов гневных

боевых строк расстреливали, сжигали живыми; но слово умертвить нельзя — оно продолжало жить!

Яркое пламя революционной болгарской поэзии, поддержанное Вапцаровым и Стояновым, все ярче разгорается в свободной стране. Слово современных поэтов — принятая ими эстафета лучших традиций болгарской литературы. Это относится и к стихам Христо Радевского, горячо и проникновенно воспевающего вековое стремление болгарского народа к свободе, и к стихотворениям Елисаветы Багряны, прошедшей большой творческий путь, и к стихам молодых поэтов Усина Керима и Орлина Орлинова, пришедших в литературу в последние годы. В стихах болгарских поэтов сквозит упоение освобождением и созиданием новой жизни. Но нужно стремиться к тому, чтобы манера выражения этой радости сама себя не повторяла, чтобы в поэзии она была более разнообразной.

Меня пленяет очарование чистоты болгарской поэзии. И, отдавая предпочтение женщине, я в первую очередь скажу несколько слов о Елисавете Багряне. Ее большим достоинством является умение великолепно находить детали. Для примера приведу одну строфу из ее стихотворения «Дождь»:

Двери скрипнули. Старец столетний с клюкою,
Белый весь, на порог осторожно ступил,
И, по-детски смеясь, он дрожащей рукою
Драгоценные крупные капли ловил.

Непосредственность Усина Керима, страстность Орлина Орлинова, звонкая лира Христо Радевского завоевали наши симпатии. Они молоды, и мы молоды. И так всегда будет.

Привет братьям по литературному оружию!

1956

ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА

Перед нами две книги поэта Федора Моргуна. Одна издана в Алма-Ате в 1951 году, другая — в 1955.

Интересно проследить путь, пройденный поэтом за четыре года. Рост его бесспорен, но, мне кажется, Ф. Моргун мог бы достичь гораздо более серьезных успехов, если бы больше думал о глубине поэтического проникновения в тему. Пусть это звучит парадоксально, но многие наши поэты страдают одними и теми же достоинствами и блещут одними и теми же недостатками.

Обычно когда пишут о книге стихов, то сначала хвалят их автора, а потом указывают на «кой-какие недостатки». Попробую сделать наоборот. Последние слова лучше запоминаются, и у Ф. Моргуна останется, таким образом, более приятное ощущение от моего дружеского общения с ним.

Первый недостаток его стихов — небрежная рифмовка. Стихотворение, как человек, должно быть хорошо одето; не следует, чтобы оно появлялось перед читателем в грязном платье. Ну, какие же это рифмы: «крылатой» — «преграды», «вслед» — «веселей», «вложил» — «служить», «закружил» — «заглушить», «недели» — «созрелые», «не спеша» — «замечать», «надувая» — «закипает» и еще много, очень много подобных рифм?

Второй недостаток — стилизация, выдаваемая за народность. Ф. Моргун, например, пишет:

Взглянет девушка тайком
Сквозь гардины кружево:
Уж не тот, грустит о ком,
Не ее ли суженый?

И третий недостаток — слишком много объяснений в любви одному объекту. Если, скажем, поэт в каждом своем стихотворении будет упоминать Сталинград и говорить о своей однообразной любви к нему, то в таких стихах мы вряд ли увидим город-герой во всем его величии. Скучное повторение способно обеднить любой образ.

«Радуга над степью» — так называется последняя книга Федора Моргуна. Это, в общем, неплохая книга и хорошая радуга. Жаль только, что радуга эта иногда выглядит подкрашенной и, как ни странно, кажется, что до нее дождя не было. Я говорю здесь о том, что Ф. Моргуну надо расширить свой диапазон. Это, мне думается, одна из главных его задач, если он хочет идти в поэзии вперед, а не топтаться на месте.

В чем я вижу достоинства стихов Ф. Моргуна? Чем они близки моему сердцу? В его поэзии бьется мысль, не всегда, правда, совершенно выраженная, у него есть чувство пейзажа.

Как убедительно и просто показана дорога в степи!

Липкая —
срастается с сапогом,
Топкая —
вязнут колеса по ось.
Обшарили все на версту кругом,
И ничего на подстил не нашлось.

В книге есть хорошие куски и целые стихотворения. Особенно мне понравилось «Моя пятилетка». Привести

его полностью нет возможности, приведу только одну строфу:

Такие дни!..
И опоздать...
Родиться,
Когда Турксиб прошел
В родных краях.
Все пятилетки
Лишь расти, учиться...
Но Пятая
Теперь уже моя!..

То хорошее, что есть в стихах Ф. Моргуна, позволяет мне на прощанье пожелать ему, чтобы он проделал от своей второй книги до третьей не меньший путь, чем от первой до второй, чтобы он обрел бóльшую твердость почерка и глубину поэтической мысли.

1956

СТИХИ И. ФЕФЕРА

Я познакомился с моим тогда еще будущим другом в самом начале двадцатых годов. Это было очень интересное время и в жизни и в поэзии. Свежие, сильные ростки советской литературы буйно пробивались из почвы народной, быстро разрастались и вовсю шелестели своей неугомонной листвой. Взбудораженная Октябрем молодежь меньше чем на мировую революцию не соглашалась. И я не соглашался. И еще более упорно не соглашался Ицик Фефер.

Если обратиться к нашей поэзии того времени, то мы увидим, что молодые поэты не только считали дело мировой коммуны почти завершенным, но и поглядывали на соседние планеты для установления на них более совершенного и справедливого строя. Одним из самых темпераментных и мужественных вожаков этой поэтической молодежи был Ицик Фефер.

Мы — я и друзья мои (ныне покойные), поэты Михаил Голодный и Александр Ясный,— познакомились с Фефером в Харькове, в общежитии ЦК КП(б)У. И тогда он, пусть и немногим старше нас, был уже боевым большевиком.

Шли годы. Мы все меньше кричали и все больше думали. Со временем все шире раскрывались творческие возможности нашего друга. Он оставил соседние пла-

неты в покое и обратился к соседу — человеку. И он сумел заговорить с ним языком настоящей большой поэзии. Читаешь его стихи и видишь, сколько мягкости и любви сумел он донести к людям! И вместе с тем его боевой темперамент нисколько не ослабевал. Читатель убедится в этом, прочтя хотя бы несколько стихотворений поэта, публикуемых здесь в переводе с еврейского.

Мое поколение по самому возрасту своему вступило в период потерь. Но нестареющая память о любимом поэте и друге, постоянство в наших привязанностях — дорогое приобретение.

1956

МУЖЕСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Трудно в нескольких словах сказать о Николае Семеновиче Тихонове все то хорошее, что хочется сказать. А о нем — тонком лирике, авторе звонких романтических баллад о гражданской войне, создателе мужественных стихов и поэм о Великой Отечественной войне, авторе самобытных повестей и рассказов, очерков и публицистических статей, одном из авторитетнейших общественных деятелей и неутомимых борцов за мир — можно говорить лишь самое доброе и самое теплое.

Юбилей Тихонова — это юбилей советской поэзии. Поэт шел путем тернистым и сложным, не лишенным противоречий и трудностей, но он всегда искал, творил, поднимался в гору. И вот теперь, вместе со всей нашей поэзией, его голос окреп и возмужал, но не утратил молодого задора.

Тихонов любит быть в пути, в гуще народной жизни, всегда жаждет свежих впечатлений и новых встреч с людьми. Недаром он исколесил наши республики Закавказья и Средней Азии, недаром и по сей день с такой готовностью отправляется он в дорогу. Призывно, молодо звучат его строки:

Давайте бросим пеший быт,
Пусть быт копытами звенит.
И, как на утре наших дней,
Давайте сядем на коней.

Свой путь «на утре дней» Тихонов начинал в седле — кавалеристом, добровольцем Красной Армии, участвовавшим в защите Петрограда от белогвардейцев и интервентов. Революционным порывом, героикой подвига бойцов гражданской войны дышат ранние циклы стихов поэта «Орда» и «Брага». Суровой воинской романтикой, уважением к волевым, стойким людям проникнуты его известные баллады — кто не помнит их! — «О синем пакете» и «О гвоздях»:

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире
гвоздей.

Готовность к самопожертвованию во имя святого, всем нам бесконечно дорогого дела — создания нового, коммунистического общества — проходит ярким лейтмотивом в творчестве Тихонова. На его произведениях поколение ровесников поэта и последующее поколение воспитывались как солдаты высокого, ленинского долга.

Образ Тихонова — одного из самых преданных людей этого долга — представляется мне всегда как образ неутомимого, доброго воина. Среди сражающихся против белогвардейцев в годы революции, позднее — против немецкого фашизма в огненном ленинградском кольце, наконец, в рядах последовательных борцов за мир — всюду он воин. Пусть не на всем протяжении своей жизни носил он военную форму, но это так. И я всегда готов козырять ему, как младший по званию в поэзии.

Перелистайте стихи, рассказы, очерки Тихонова времен Великой Отечественной войны, и вы вновь почувствуете, как светятся его строки верой в победу, как горят ненавистью к врагу.

Имя поэта неотделимо от героической эпопеи обо-

роны Ленинграда. В листовки для солдат и матросов, в выступления по радио, в очерки и корреспонденции на страницах газет, в стихи и поэмы вкладывал он сердце патриота, смелость воина. «Под грохот полночных снарядов» создавалась его поэма «Киров с нами», полная гордой непреклонности перед лицом врага. Осажденный, израненный город «никто не мог покорить», «никто не мог запугать».

Тихонов спешил поведать советским людям и всему миру о грозных, трагических буднях военного Ленинграда, о его скромных, незаметных героях. Живой летописью города-борца стали очерки, корреспонденции, дневники и рассказы писателя.

Творчество Тихонова многогранно. Оно богато разнообразием тем, мыслей, оттенков чувств, поэтических интонаций. Но среди всего многообразного содержания творчества Тихонова есть еще одна сквозная и излюбленная тема — дружбы народов, пролетарской солидарности. Она тесно связана с общественной деятельностью писателя — народного депутата, председателя Советского комитета защиты мира, который побывал во многих странах Запада и Востока, познакомился с массой простых людей земли.

Эта тема решается Тихоновым не абстрактно-декларативно, а сочно, образно, конкретно, зримо. В таком, например, цикле стихов, как «Два потока», поэт великолепно передает всю многокрасочность, своеобразие национального и географического колорита Востока, особенности психологии его народов.

В циклах стихов о зарубежных впечатлениях плодотворно сказались неутомимые поиски художника. Эти поиски особенно нравятся мне в нем. В поэзии ли, в прозе ли он всегда ищет точнейшего выражения, выражения своей мужественной любви.

Очень хочется, чтобы каждый воин Советской Армии любил поэзию. И каждому я от души советую: начинай с Николая Тихонова. Ты увидишь в его творчестве и рождение благородства в твоих родителях, и традицию этого благородства в детях и внуках. Николай Тихонов — это вооруженный борец за мир, сражающийся на стороне добра против сил мракобесия и реакции, против живучей змеи воинствующего империализма. Мы сейчас бережем человечество от ее укусов.

И сегодня мы все поздравляем Николая Семеновича Тихонова как солдата, воюющего за святую правду, как поэта, глядящего только вперед.

Говоря о нем, хочется привести здесь его же строки:

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым;
Но приказу верен солдат.

Верен, до конца жизни верен! Таким предстает перед нами и дорогой юбиляр.

1956

С ОГОНЬКОМ

Борис Барнет, поставивший фильм «Поэт», обладает как режиссер редким качеством, о котором почему-то не принято писать в последнее время,— очарованием. И поэтому нам так приятен его союз с Валентином Катаевым, творчество которого тоже полно очарования.

Душе не всегда необходимо пламя. Оно нужно главным образом тогда, когда ты борешься, а когда ты по-сердечному беседуешь с друзьями, нужен огонек, на который сбегаются зрители и читатели. В этом «огоньке» — очарование фильма «Поэт».

Я лично благодарен этим двум художникам — Барнету и Катаеву — еще и за то, что они подняли авторитет моей профессии, о которой принято думать, что она должна нести только служебную функцию. Поэзия обладает драгоценным качеством — теплым, задушевным разговором с людьми.

Поэт! Его задача заключается не только в том, чтобы состоять членом Союза писателей, а главным образом в том, чтобы вызывать у людей поэтическое отношение к жизни, к работе, к человеческому общению. Насколько тогда интереснее живется! Коллектив, трудившийся над картиной, полностью выполнил свою задачу,— он создал фильм поэтический.

Собираясь писать об этой картине, я самым энергичным образом бросился искать в ней недостатки и после долгих поисков кое-что нашел. Но об этом — позже.

В первую очередь надо сказать об исполнителе главной роли — С. Дворецком. Я видел много исторических картин. Обычно их главные герои были так заняты своей историчностью, что им некогда было жить, радоваться. А поэт Тарасов — герой Катаева, Барнета и Дворецкого — радуется. Он эту радость не из книг вычитал. Эта радость — его отношение к жизни. Актер играет очень обаятельно, но уж слишком легко он слагает рифмы. Вот это, пожалуй, и есть недостаток фильма. Поэзия — куда более напряженный труд. Это не буримэ. Я помню — и Валентин Катаев, конечно, тоже помнит,— сколько труда отдавал стихам Маяковский. Мне кажется, что в картине могла бы быть такая сцена — простые, непосредственные, готовые всем пожертвовать во имя революции люди смотрят на поэта как на волшебника: что сейчас происходит в голове у этого мальчика? Для них поэзия — это таинство, которым он обладает. Черт его знает, откуда оно взялось у этого совсем молодого человека... Он напряженно думает, трудится над стихом, а они смотрят на него. Ему хочется сделать свои стихи так, чтобы обрадовать этих людей. И стихи получаются лучше. Такой сцены в фильме нет, а она не помешала бы фильму...

С. Дворецкий — очень одаренный молодой артист. Ему досталась трудная роль — у него больше приключенческих, чем драматических ситуаций. Таков характер фильма, но вот это я недостатком не считаю. Не всегда надо тяжело переживать на киносеансе, иногда хочется просто по-доброму улыбнуться. И мы по-доброму улыбаемся, когда видим прекрасную игру О. Викланд, Н. Крючкова, И. Колина, З. Федоровой и других

артистов. Рина Зеленая в роли поэтессы создает такое впечатление, будто она присутствует не на экране, а у нас дома. Для артиста это очень важное качество.

Но я не буду подробно говорить об артистах, из которых мне понравились также И. Извицкая, И. Шаляпина, ибо я в этом деле не специалист. Оператору В. Николаеву, художнику Л. Шенгелия, композитору В. Юровскому зритель тоже будет, конечно, благодарен. Особенно же я рад за Бориса Барнета, голос которого вновь прозвучал в нашем киноискусстве в полную силу.

1957

СПАСИБО ПОЭТУ!

Поэты пишут много стихов, и читатель говорит им: «Спасибо!» Но это такое спасибо, как будто читателю дали прикурить или предупредительно раскрыли перед ним дверь. И редко выпадает на нашу долю награда не обычной, а глубочайшей благодарности читателя. Именно этим чувством я наполнился, прочтя книгу Ярослава Смелякова.

Как же мне точнее определить те чувства, которые вызвала во мне его книга в целом и каждое стихотворение в отдельности?

Мне кажется, что он меня от чего-то спас. Спас от поступка, который можно было бы не совершать, и зовет к подвигу. Спас от недостаточно внимательного отношения к товарищу и, наоборот, отвлек от слишком большого внимания к тому, на что внимания обращать не стоит. Короче, он приобщил меня к своей строгой любви.

Несладкая жизнь была у Ярослава Смелякова, но ни в одной строке я не услышал ни одной жалобы. Страдание у него превращалось в любовь, как зерно превращается в хлеб, детство в юность, мысль в стихотворение.

Ярослав Смеляков — один из лучших представителей нашей гражданской лирики. Читатель опирается

на его плечо, и Смеляков не чувствует тяжести. Наоборот, путь его от этого становится легче.

Ослепли глаза от мороза,
Ослабли от туч снеговых,
И ваши, товарищи, слезы
В глазах застывают моих...

(«Ленин»)

Кровообращение большого поэта протекает не только в системе собственных артерий и вен. Оно незаметно соединено с кровеносной системой читателя.

Наши сестры в полутемной зале,
Мы еще о вас не написали.
В блиндажах подземных, а не в сказке
Наши жены примеряли каски.

Не в садах Перро, а на Урале
Вы золою землю удобряли.
На носилках длинных под навесом
Умирали русские принцессы.

(«Милые красавицы России»)

Для доказательства того, что поэт и читатель одной группы крови, я бы мог процитировать всю книгу.

Редко кто так преданно и нежно относится к детям, как Ярослав Смеляков. В стихах, посвященных детям, он не добрый дяденька, он — чудесный дяденька. «Судья», «Аленушка», «Хорошая девочка Лида», «Опять начинается сказка...», «Первый бал» — сколько же в этих стихах большой душевной чистоты!

Три стихотворения посвятил поэт матери: «Песня», «Вот опять ты мне вспомнилась, мама» и «Мама». Казалось бы, от обилия чувств автор вот-вот перешагнет тоненькую границу, отделяющую лирику от сентимен-

тальности. Но опасения напрасны — он остается в области лирики:

Дай же, милая, я поцелую,
От волненья дыша горячо,
Эту бедную прядку седую
И задетое пулей плечо.

Вот она — граница сентиментальности! Но поэт ее не перешел, а энергично повел стихотворение дорогой лирики:

В дни, когда из окошек вагонных
Мы глотали движения дым
И считали свои перегоны
По дороге к окопам своим,

Как скульптуры из ветра и стали,
На откосах железных путей
Днем и ночью бессменно стояли
Батальоны седых матерей...

Особого внимания заслуживает поэма «Строгая любовь». Нужно прямо сказать — это одна из лучших поэм о комсомоле в советской поэзии. Комсомол —это моя извечная тема, и я был бы счастлив, если бы когда-нибудь написал поэму такого же высокого качества, как «Строгая любовь». Как великолепны комсомольские характеры, как чудесно передана атмосфера тех дней!

Но Зинка, Зинка! Как же ты,
Каким путем, скажи на милость,
С индустриальной высоты
До рукоделья докатилась?

Впечатав пальцы, как в затвор,
В свою военную тельняшку,
На Зинку бедную в упор
Глядел, прицеливаясь, Яшка.

Наверно, так, сужая взгляд,
При дымных факелах Конвента
Глядел мучительно Марат
На роялистского агента...

Что ни строфа — то яркая картина твоей молодости, что ни глава — то воскрешение неповторимого. Поэма еще не закончена, и я с нетерпением жду ее продолжения,— по-дружески тепло и осторожно поведет меня Ярослав в царство воспоминаний — призрачное, но бесконечно дорогое царство.

1957

К ВЫСОТАМ

Очень приятно, прочитав книгу, ощутить, что автор ее — хороший, умеющий любить человек, что ему дороги окружающие его люди, что он и тебе может стать очень близким товарищем. Такое впечатление об Игоре Лашкове создалось у меня, когда я перевернул последнюю страницу книги его стихов «Дорога на перевал».

И. Лашков тесно и, очевидно, навсегда связан с Советской Армией — и в ее военных походах, и в ее строгой учебе мирных дней.

Читателя, несомненно, обрадуют такие стихотворения, как «Шинель», «Все умею понемногу», «Призывник». Поэт умело пользуется гиперболами:

Обвал, как залп тяжелых батарей;
Внизу, под нами, шар земной трясет...

Он умеет широко передать видимую им панораму, хорошо видит пейзаж:

Зеленой кукурузы строй
Качает сабельной листвой...

Муза И. Лашкова неплохо шагает в строю наших армейских поэтов. Но большой поэт не просто шагает в строю, а ведет строй. Большой поэт не похож на другого поэта. Если, скажем, наборщик забыл набрать

фамилию автора, то читатель все равно разберет, какие стихи принадлежат Твардовскому, или Смелякову, или Исаковскому, или Мартынову. Не правда ли, это так? А вот у Лашкова много стихов, которые мы уже будто читали у других авторов. Подобное впечатление создается потому, что иногда поэт только подмечает действительность, а не углубляется в нее, берет то, что лежит рядом. Такое, скажем, стихотворение, как «Под дождем» (а в книге порядком таких стихов), мог написать не только Лашков.

Что еще мешает Игорю Лашкову стать крупным поэтом?

Недостаточная требовательность в работе. Скажем, небрежность рифмовки. Ну какие же это рифмы: прорыв — Черных, шалаши — блиндажи, лучатся — примчался, благодарен — ставен и т. п.

Хочется, чтобы этот краткий разбор помог талантливому поэту Игорю Лашкову стать строже к себе, помог понять, что подниматься к вершинам нельзя, стоя на месте.

1957

СТИХИ ПАВЛА ХАЛОВА

На обсуждении стихов Павла Халова в Союзе писателей мы все — участники этого совещания — сошлись на одном: автор — человек одаренный. И пусть он еще не достиг вершин мастерства, пусть его руки еще не совсем уверенно рисуют образ — на все нужно время. Времени у Павла Халова достаточно, но не настолько, чтобы пренебрегать им. То, что упустишь сегодня, не всегда добудешь завтра. Молодому поэту необходимо приступить к трудному походу — к взятию вершин поэзии. Нужны настойчивость, мужество, горячая любовь к своему делу.

В добрый час, наш молодой друг!

1957

ПЕРВАЯ КНИГА МОЛОДОГО ПОЭТА

Для невнимательного взора
Природа Севера бедна.
Но разве беден лес, который
Доверил снегу семена?

Читая эти стихи Валентина Берестова, я чувствую, что моя семья расширяется. Семья художников, семья людей, очень любящих человечество. Задача поэта — стать близким людям. В. Берестов еще юноша, но он станет таким взрослым, нужным людям человеком.

Не слишком ли большие авансы я выдаю молодому поэту? Так ведь можно и зазнаться! Нет, думаю, он не зазнается.

...Каждый наш поступок мы должны как бы измерять меркой нашей юности — так ли ты мечтаешь, как мечтал, стремишься ли ты к тому, к чему в юности стремился? Многих моих сверстников уже нет в живых, а найти нового друга куда труднее, чем потерять старого.

Все эти мысли пришли ко мне, когда я читал «Отплытие» В. Берестова. Неверно! Не отплытие, а приплытие. Приплытие к человеку, к людям, мечтающим о коммунизме, но еще не живущим в нем.

Но есть у меня и серьезные претензии к молодому талантливому поэту.

Я боюсь, что вы станете просто *милым* поэтом. Это самая большая опасность, которая вам угрожает. Откуда возникает такая опасность? От желания нравиться. Это болезнь молодости, но никогда не было такой молодости, которая бы не прошла. А потом, в старости, чем вы будете дороги людям? Вы будете дороги тем, что беда, настигшая человека, покажется ему рядом с вами более легкой, а радость, пришедшая к нему, более совершенной.

Значит, речь идет о диапазоне творчества. Поэт должен быть спринтером на огромное расстояние, отделяющее горе от радости. Пока что вы только удивительно милый собеседник. Где ваши волевые качества? Вы должны сильным движением взять читателя за руку и указать ему: «Иди туда! Там хорошо!» Пока что это ваше движение слишком мягко. Хорошо, что вы не грубо настойчивы. От этого вам больше веришь. Но плохо, что за вашей мягкостью не чувствуешь твердой руки, привыкшей держать тяжелое оружие. Больше видна привычка к легкому и тонкому инструменту. А не ощутив твердости, может быть, и не рискнешь опереться на вашу руку в долгом и трудном пути.

Чтобы указывать, вы сами должны знать, где хорошо, а где плохо. Вы же еще не столько знаете, сколько угадываете. Оттого, может быть, даже о зле вы говорите все с той же обескураживающей улыбкой: вы уже не любите зло, но еще не ненавидите его.

В ваших стихах много света и тепла. Это ощущение дает мне счастье. Но в то же время мне чуть страшновато. Я не люблю, когда ко мне приходит настроение: «какие мы все хорошие!» Мне тогда начинает казаться, что я в бою и теряю оружие.

Почитайте классиков. Какие это были люди?

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

Что это — умиротворение? Великая вселенная и вечное время? Или только торжественность бесконечности, дающей отдохновение надорвавшейся душе? Но, оказывается, бесконечность дает приют только сильному, собирающему новые силы.

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь.

Первая строфа — это трамплин для прыжка в большую мысль о несдающемся и неломающемся человеке.

А теперь цитата из вашего стихотворения:

Как-то в летний полдень на корчевье
Повстречал я племя пней лесных.
Автобиографии деревьев
Кольцами написаны на них.

Сначала поражаешься: вот выдал прозаизмы — «племя пней», «автобиографии деревьев». Потом восхищаешься прелестью и емкостью образов, особенно в последней строке:

... детство станет сердцевиной
Человека будущих времен.

Да, это все очень хорошо, но этого мало. Вы любуетесь отдельными кирпичами, а забываете о том, что вы строите стихотворение, в котором людям надо жить. Сначала уясните задачу, а потом ищите кирпичи. Узнайте точно, что вы строите.

Человеку нельзя жить без друзей. Находите их! Каждый ваш читатель — это ваш друг. А друзья у читателя должны быть интересные. Иначе к чему ему эта дружба? Вы можете стать большим, а для многих даже единственным другом. Но пока вы только приятель, добрый, веселый, надежный, но все же только приятель. Он может рассказать о жизни немало любопытного и меткого. Он, чувствуется, не откажется помочь в беде. Но все-таки с большой тайной и с большим горем к нему не пойдешь.

Вы любите строить стихотворение на случае, на анекдоте. Вам, как видно, нравится притча. Но она часто сковывает вас. Ее мораль для нынешнего читателя немного наивна. Иногда притча вносит в ваши стихи примитив. Воспитывать своего читателя надо не милыми побасенками, а резким вмешательством в его жизнь.

Вы это можете. Я на вас надеюсь.

1958

О ПОЭТЕ И ДРУГЕ

Толпятся воспоминания и заслоняют друг друга...

То я вижу Иосифа Уткина совсем юным, только что приехавшим из Иркутска в Москву, то вижу его на трибуне, покоряющим аудиторию, то вижу Маяковского, восторженно принявшего «Повесть о рыжем Мотэле». И — последнее воспоминание — я вижу Уткина инвалидом. Ему в бою оторвало четыре пальца правой руки. Он был очень музыкален и теперь навек лишился возможности прикоснуться к инструменту. И вот осенью 1944 года я узнаю, что друг мой погиб при авиационной катастрофе, возвращаясь с фронта, и читаю посвященный ему некролог...

Мы появились на свет в одном и том же — 1903 — году, и жизни наши начались по-разному. Он родился в Сибири, я — на Украине, мое детство солнечное, его — суровое. Но в годы гражданской войны судьба у нас стала одна, и одна дорога. Фронт. Комсомол. Учеба. (Иосиф Уткин учился в Московском институте журналистики.) И его и меня горячо интересовало строительство Комсомольска-на-Амуре.

Мы были молоды в очень интересное время. Сейчас наша страна пожинает огромные успехи своих трудов, а тогда она только начинала жить и строиться. В то

время еще не было ни одного автомобиля, ни одного трактора отечественного производства.

Мы с Уткиным писали по-разному — и очень похоже. В нашей творческой дружбе нас больше всего роднила одна тема — тема комсомола. Мы ушли из комсомольского возраста, но огонь, у которого мы грелись всю свою комсомольскую юность, мы унесли с собой в будущее. Об этом хорошо сказал Уткин в стихотворении «Молодежи»:

Нас годы научили мудро
Смотреть в поток
До глубины,
И в наших юношеских кудрях
До срока —
Снежность седины.
Мы выросли,
Но жар не тает,
Бунтарский жар
В нас не ослаб!
Мы выросли,
Как вырастает
Идущий к пристани корабль.

В чем секрет успеха поэзии Иосифа Уткина, успеха, мгновенно снимавшего его стихи с книжных полок, срывавшего овации не одного зала?

Секрет — в полной гармонии личности поэта с его творчеством. Он звал к благородству и сам был благороден, славил любовь и сам был полон любви, призывал к мужеству и был необыкновенно мужественен.

Жизнь каждого хорошего поэта — это завещание следующему поколению поэтов. И недаром во многих современных стихах мы встречаем «уткинские» интонации. Они — эти интонации — заключаются то в добром юморе, то в мужестве без крика, а иногда и то и другое сливается воедино.

Боец гражданской войны, поэт Иосиф Уткин погиб в конце Отечественной. Таков диапазон его жизни и творчества. И всегда, до последнего мгновения, одинаково громко стучало сердце поэта. Оно и сейчас продолжает стучать в книгах его стихов. И поэтому стихи Иосифа Уткина современны в полном и самом прекрасном смысле этого слова.

1958

О ТРЕХ ПОЭТАХ

...Чем мне особенно понравился Михай Бенюк? Тем, что он не пошел по дешевенькому, но очень благополучному пути: «Ах, как плохо было до социализма и как прелестно живется при нем!» Это укор многим поэтам. Трудно не согласиться с тем, что дважды два — четыре, но ведь мы уже давно знаем таблицу умножения. А Михай Бенюк владеет высшей математикой социализма. Почитайте его чудесное стихотворение «Пионы». Это поэт сказал о социализме, а не кто-нибудь другой. Передать мечту о будущем через сознательного человека куда легче, [чем] через несознательного. Не важно, что человек констатирует, а важно то, что происходит вокруг него. Поэтому дети и старики иногда говорят такое, что нам, взрослым, стыдно — как же мы до сих пор так не сказали?

Я терпеть не могу длинные статьи. Трудно писать их, но еще труднее читать их. Но Михай Бенюк требует к себе большого внимания. Поэтому я еще поговорю о нем. Я позволю себе процитировать восемь строк из стихотворения «Поэтическое искусство»:

Пусть твой стих, как легкий ветерок,
Приласкает травы полевые,
Пусть пробьются робко, как пушок
Над губою юноши впервые.

Пусть мелькнет из-за листвы чуть-чуть,
Словно плод, которого нет слаще,
Или округляется, как грудь
Школьницы, за партою сидящей...

Все время неожиданная убедительность! А я всегда в своей работе стремлюсь к неожиданной убедительности. Почему же я прозевал эти мысли и эти строчки? Завидую Бенюку.

«Я исполнен доверия к советским читателям»,— пишет автор в своем предисловии. И советские читатели исполнены к вам полнейшего доверия, Михай Бенюк. Цитировать вас еще? Продолжать вас хвалить? Ладно, я это сделаю при личном знакомстве. Надеюсь, что оно состоится.

Может показаться странным, почему же я не мог ограничиться одним хорошим поэтом, а мне понадобилось целых три? Потому что мне захотелось в своей поздней ночной комнате (уже четвертый час утра) быть владельцем не одной хорошей картины, а целых трех. Приходите ко мне, читатель, в любое время любоваться ими. Я говорю о еще двух любимых мною художниках слова — Евгении Винокурове и Вадиме Шефнере.

Чем же мне дороги эти три поэта? Тем, что мне кажется, будто я сидел с ними за одной партой (фактически это невозможно, потому что для этого я должен был бы по два года оставаться в каждом классе), потому что, несмотря на разницу в возрастах, мы очень близки друг к другу и, значит, мне хочется быть четвертым при этой тройке.

Женя Винокуров. Поэт следующего за мной поколения. Я ему не предлагаю традиций, я ему предлагаю дальнейшую мою веру в него. Не откажетесь, Женя?

Есть ли в вашей книге недостатки? Конечно, есть. Но ведь недостатков не бывает только у ангелов и ге-

ниев и у обыкновенных людей, которые могут скрывать свои недостатки. Я о них не буду говорить. Моя задача — привлечь к вам еще большее внимание читателя. Может быть, я только слегка упомяну о них. Но начну я с хорошего:

Бывало:
ветки наломай сухие,
Ударь кресалом и полой накрой —
И вот клочочек мировой стихии
Затеплится средь полночи сырой.
Среди январской темноты военной,
В унылую метель и гололедь
Он, тайна тайны,
из глубин вселенной
Возникнет, чтоб ладони отогреть.

Это очень хорошо. Но вот концовка этого стихотворения «Огонь» неверна:

Огонь в сердцах пророков и провидцев
Огню тому вселенскому сродни.

На первый взгляд это кажется очень мудрым, а на самом деле — это нарочная мудрость. Это очень легкая мудрость. Хотите, я (не потому, что я такой уж опытный мастер) придумаю такое же «мудрое» четверостишие:

Я верю: час разлуки сократится,
Планеты дальние... Они как будто здесь,
И вот ко мне невиданные птицы
Летят из распахнувшихся небес.

Как будто «мудро» и как будто «красиво». А чтобы написать такое, надо только немного поупражняться. А у поэзии более простая и более сложная задача — найти обыкновенное в необыкновенном и необыкновенное в обыкновенном. Помните у Лермонтова:

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

Да разве звезды занимаются болтовней? Почему же нас так волнуют эти строки? Потому что звезды разговаривают, как люди, и это необыкновенно, но если они уже стали людьми и общаются между собой — это обыкновенно. Я обещал вам, что только вскользь упомяну о ваших немногочисленных недостатках, и вы знаете, что я —человек слова. Перехожу к вашим многочисленным достоинствам.

Прекрасно ваше стихотворение «Моя любимая стирала». Мне надоело читать стихи, в которых любовь доказывается. (Девушки милые! Если ваши любимые «идейны», но бестелесны, избегайте их, как огня!) Вы, Женя, не показываете ни одного волшебного качества своей любимой, но меня абсолютно растрогало ваше отношение к ней. Пусть читатель у вас поучится, как надо любить. В этом одна из задач поэта.

Очень мне еще нравится [стихотворение] «Цветы». Оно начинается:

Я не люблю названий по-латински
Растений, что встречаются в пути.
Ученый для какой-нибудь редиски
Способен сотни терминов найти!

Все это стихотворение глубоко человечно. Многое, очень многое мне в вас нравится, но уже Вадим Шефнер яростно бьет копытом и просится в статью.

Вадим Шефнер незаслуженно мало популярен. Это хороший благородный поэт, и ленинградцы им гордятся. Он обладает удивительно тонким и точным подтекстом. Для того чтобы не быть голословным, я приведу целиком одно его коротенькое стихотворение:

БЕРЕГА

Рекой разлученные берега
Глядят друг на друга с грустью:
Река широка, река строга,—

Одного к другому не пустит.
Пройдут века, иссохнет река,
Подводные травы завянут,
Сойдутся далекие берега,
Обычной сушею станут.
Сойдутся два берега-старика,
Пожалуются при встрече:
— Вот то ли дело — была река,
А нынче — умыться нечем.

Многие считают, что юмор — это анекдоты. А ведь что такое анекдот? Анекдот — это одолженный юмор. Сам не можешь — вот и одалживаешь. Ваш юмор — не одолженный. Он чеховского порядка. Вспомним «Толстый и тонкий». Это, конечно, очень смешной рассказ, но вместе с тем он чрезвычайно трагедийный. В нем видна вся николаевская Россия, в нем видно унижение человека, старающегося продлить свое существование.

И у вас есть свои недостатки. Скажем, в стихотворении «Апрель»:

Из песенки-сказки, что в юности снилась,
Пришла ко мне только вчера.

Здесь чувство заменено демагогией. Здесь красивость вместо красоты. Но такие стихи, как «Прощание», «Эхо-птица», «Комиссар», «Тень прошлого» и многие-многие другие, кажутся мне очень хорошим подарком в день моего рождения.

Я нарочно перестал цитировать вас. Пусть читатель купит вашу книгу и сам познакомится со всем тем хорошим, что у вас имеется. В этом плане я работаю лучше Книготорга.

Вот вкратце все то, что я могу сказать о трех поэтах, которые мне очень близки.

⟨1958—1959⟩

НЕЗАБЫВАЕМОЕ...

С душевным волнением прочитал я стихи неизвестного солдата, узника Заксенхаузена. В горячем дыхании строк раскрывается великая сила советских людей, героическая борьба их против фашизма.

Стихи, проникнутые чувством обостренного патриотизма, захватывают нас, как живой человеческий документ. Они сделали доступным для всех людей самое дорогое, чем жил этот человек в годы войны. Стихи были его оружием.

Вот почему стихи неизвестного солдата волнуют и будут волновать нас. И появление этих стихов для меня не является неожиданностью. Отличительным качеством советского народа является массовость подвига. И автор этих стихов является тем, кто творил этот подвиг. Вот почему неизвестный нам поэт — солдат Советской Армии — так дорог нам! Я преклоняю голову, читая его стихи.

Это был гордый, сильный человек. Он любил свою Родину каждой частицей своего сердца, о ней думал воин за колючей проволокой. Отчизна давала ему мужество:

...Родина! Тебя я не забыл,
Забыть тебя я не имею права...

Эти строки звучат как клятва. В них — духовная красота и величие воина, твердо верившего в свое освобождение: «Верь в освобожденье. Верь и жди»,— писал он. И там, в коричневом мраке, он слышал голос боя, видел своих друзей, идущих в атаку, слышал грозный салют «катюш», гул самолетов.

С думой о лучшей судьбе он шел навстречу испытаниям. Он был непреклонен, тверд, полон решимости бороться с врагом.

Не мирится разум,
Беснуется сердце.
И ненависть руку сжимает в кулак,
Уж лучше погибнуть геройскою смертью,
Чем жить на коленях,
Как требует враг.

Эти простые строки дороги нам. В них бьется горячее сердце патриота, верного воинскому долгу. Он был нашим солдатом и стал нашим поэтом. Он умел любить не себя, а людей, с которыми шел к своей мечте. И мне все время кажется, что я нахожусь рядом с ним.

1959

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Печать времени — самая неизгладимая печать. Ее никак нельзя ни заменить, ни стереть. Исходя из этой аксиомы, я внимательно всматривался в Ручьева: на много ли он постарел с тех пор, как я в последний раз читал его стихи? Нет, не постарел. Внешне он несколько изменился (да и то, мне кажется, к лучшему), а как поэт, несомненно, помолодел. Это всегда бывает с поэтами, когда они начинают писать совсем хорошо. Двадцатилетний Лермонтов нам кажется куда моложе, чем двенадцатилетний.

Чем Борис Ручьев так обрадовал меня и моих товарищей по ремеслу? Он в полной мере раскрыл себя, и мы яснее ясного увидели, что перед нами очень богатый чувствами поэт, умеющий отделять зерно от плевел, умеющий простыми средствами создавать непростые вещи. А это самое труднос в поэзии.

В противоположность некоторым другим поэтам он не страдает убожеством мысли. Он не пишет: «Если понадобится, я отдам за тебя свою жизнь», «площадь знамена полощет», «по-над Волгой тучи мчатся», «в бездонных глазах любимой» и т. д. В таких случаях и думать не надо. Зашел в магазин, купил несколько рифмочек и пару размерчиков, и вот тебе готово стихотворение.

Борис Ручьев не принадлежит к этому племени легко пишущих, или, вернее, легко переписывающих поэтов. Пока его мысль не станет своей, ручьевской, он ее не переплавит в слове. Вот как он, например, пишет о Родине в одном своем великолепном стихотворении:

Она приучит к радостям и бедам,
сама одежды выдаст по плечу,
она прикажет —
я живу медведем,
она велит —
я соколом взлечу.

Я выдам читателю сразу всю порцию цитат, чтобы к ним больше не возвращаться. Большой писатель как-то сказал, что сначала поэт пишет просто и плохо, затем сложно и тоже плохо, а побеждает тогда, когда пишет просто и хорошо. Борис Ручьев подошел к третьей, заключительной стадии. Вот его рассказ о том, как он впервые попал в забой:

Как же ты такие годы прожил,
столько гор и речек пересек,
на героев вовсе непохожий,
очень невеликий человек?..

И тогда я в первый раз — не скрою —
не ученый тяжкому труду,
думал я, что где-нибудь в забое
от разрыва сердца упаду.

И еще одна цитата из другого стихотворения:

Будто между нами нет прохожим места,
волосы седеют, а любовь жива,
будто ждешь, как девка, любишь, как невеста,
терпишь, как солдатка, плачешь, как вдова...

Правда, это хорошее стихотворение испорчено банальным и сентиментальным началом (да и размер кажется несколько убаюкивающим):

У завода город, а меж ними речка,
а над речкой домик с рубленым крыльцом...
Если затоскуешь, выйдешь на крылечко...

Не понимаю, как это такой зрелый и талантливый поэт, как Борис Ручьев, мог так начать стихотворение. Это все равно что поднести любимой букет своей бабушки.

Но все это легко исправимо — у Ручьева достоинств куда больше, чем недостатков. Его стихи не залеживаются на полках. Они приносят радость читателю и самому автору.

1959

В ПОИСКАХ И В НАХОДКАХ

Хочется начать эту заметку прямо с цитаты, чтобы читатель сразу понял, с каким хорошим поэтом он познакомился. Вот две строфы из стихотворения «Лето в Норильске» (в переводе Ю. Вронского):

И весна здесь, и лето, и осень
Умещаются месяца в два.
Круглосуточно нежную просинь
Пьют деревья, зверье и трава.

И заметно глазам, как тучнеет
Весь пушной и пернатый народ,
Как становится зелень сочнее,—
Здесь сгущенное время течет.

Если бы книгу переводил один поэт, можно было бы подумать, что его манера подчиняет себе манеру автора. Но книгу перевели двенадцать хороших переводчиков, а книга между тем цельная. Почему же так получилось? Потому что двенадцать различных индивидуальностей не заслонили резкой индивидуальности автора. О чем бы он ни писал — о военных ли годах, о мирном ли времени, глаза художника не отрываются от передаваемого, и читатель глубоко верит ему. И даже когда Кугультинов пишет в так называемой «восточной» манере, где легко сбиться на средневековый

трафарет, он и здесь не теряет своей свежести. Вот два из многих двустиший:

Суслик встал на задних лапках у норы:
«Вся вселенная видна мне, все миры!»

Творенья пахаря отличны среди прочих:
Плодам его трудов не нужен
переводчик.

Мягкий юмор и задушевная лирика хорошо сочетаются у Кугультинова. Его поиски часто приводят к настоящим находкам.

Отдельные огрехи и в стихах, и в переводах не портят общей радости знакомства. Несколько растянута, по-моему, поэма «Моабитский узник», посвященная памяти Мусы Джалиля (в переводе Д. Бродского).

...Я в самом начале предупредил, что пишу заметку, а не статью, и даже не короткую статью. Передаю только впечатления. А впечатления — самые отрадные.

1959

ПРИГЛАШЕНИЕ

Спасибо вайнахам — чеченцам и ингушам — за то, что они пригласили меня в свою страну. Это не было официальным приглашением. Они меня стихами пригласили. Надо учесть, что я говорю «стихами», а не «в стихах».

Каким образом я узнаю качество книги? По манере приглашения. А книга — это всегда приглашение. Поэт приглашает меня в свой мир, на свою родину, к удивительно интересным людям. Идти в будущее всем нам очень интересно, а идти в прошлое невозможно. В прошлом можно только оставаться. И когда я читаю наших великих поэтов девятнадцатого века, мне кажется, что они пригласили меня в свой век, но с условием как следует прожить на своем веку, с тем чтобы достойно войти в будущий.

И вот я прочел антологию чечено-ингушской поэзии. Горы и долины. Я куда лучше знаю улицы и переулки. Но мне кажется, прочтя эту книгу, что я без проводника могу теперь одолеть любой перевал. Почему это? Потому что поэты меня пригласили.

Когда я читаю Пушкина, я вижу и угнетенный народ, и Николая Первого, и трагическую судьбу самого Пушкина.

Я никому не делаю комплиментов. До литературы девятнадцатого века нам еще довольно далеко. Я просто

ратую за то, чтобы мы все хоть в какой-то мере приблизились в своем мастерстве к нашим классикам.

Мы читаем много книг — и хороших и плохих. Хороших, естественно, меньше. Как бы меня плохая книга ни звала в гости, я не приду. Я лучше легкомысленно проведу время. А вот чеченцы и ингуши пригласили — да, господи, я уже у вас! Поговорим о вашей поэзии. Когда народ, только-только пришедший к письменности, пишет стихи, я хочу увидеть этот народ в трех измерениях — в прошлом, настоящем и будущем. В этой книге я нашел все три измерения. И сказания, и старинные песни, и современных советских поэтов, и даже крики новорожденных поэтов. Убежден, что они будут не хуже нас, а, вероятно, значительно лучше.

Шестнадцать советских поэтов — чеченцев и ингушей. Чтобы хоть более или менее рассказать о них подробно, обсудить их творчество, понадобилось бы несколько номеров «Литературы и жизни». Следовательно, я говорю только об общем впечатлении. А оно самое отрадное. Шестнадцать чеченских и ингушских поэтов пригласили меня своей книгой в гости, и я чудесно провел время. Встреча друзей — это не только общий стол, это — общие устремления. Я прочел эту книгу и обрел радость. Пусть мои новые друзья прочтут и мою книгу. Впечатление будет более слабое, но все же будет. Поэтому я их всех шестнадцать приглашаю к себе в гости, не считаясь с расходами.

1959

СТИХИ ЮВАНА ШЕСТАЛОВА

Я сейчас провожаю в добрый путь товарища, которого никогда в глаза не видел. Как он выглядит и сколько ему лет? Наверное, он совсем молодой.

Я не провожаю Ювана до дверей, а спешу к нему на вокзал — поезд вот-вот отходит. И тут я несколько отвлекусь от основной темы.

Фантазия нуждается в подробностях. Фантазия без подробностей — это теория без практики.

Мне очень понравилось творчество Ювана Шесталова, и я специально для него придумываю: как бы я его провожал?

Соблазн велик. Я бы мог встретить в вагоне инженера с удивительно счастливым лицом — он едет на стройку.

В первом купе три старичка отчаянно дуют в «козла». Они громко стучат костяшками.

Еще много людей находится в вагоне, но я не стану перечислять их, ибо могу забыть об авторе читаемой мной рукописи. А это, безусловно, талантливый человек. Для бездарности я бы никогда не стал так мобилизовать свою фантазию. Поскольку знакомый мне ответственный работник Союза писателей СССР заболел, фантазирую я, и отдал мне свой плацкартный билет, я укладываюсь на вагонную полку рядом с Юваном Шесталовым, и тут-то и начинается рецензия.

Чем меня пленяет мой попутчик? Тем, что он удивительно легко бывает необыкновенным в обыкновенном. Значит, он, безусловно, поэт. Как вообще угадывается талант? Он может, я не могу. Значит, он — талант. Разве могу я так написать:

Сосен мерзлый звон над нами
Слышится в тиши.
Стынут в теплой снежной яме
Три живых души.
Три души на белом свете:
Мама, я и пес.
Нам уснуть в попутной яме
Не дает мороз.

Самое сложное и трудное в поэзии, как и вообще в искусстве,— это быть естественным. Мастерство — это высшая естественность. Юван Шесталов, может быть, сам и не подозревая об этом, владеет таким мастерством.

Юван пишет на языке манси. Манси — малая народность. Этот поэт — представитель наших малых народностей — сидит рядом со мной, я горжусь талантливой дружбой наших советских народов.

Я бы мог еще привести цитаты из его своеобразных стихотворений, но фантазия властной рукой опять увлекает меня к пейзажу. Глубокая ночь. Мчится поезд. За окнами темно. Не разберешь, где осины, а где березы. Тем более, что я и при солнечном свете могу их спутать. Я только знаю, что у березы кора белая.

Пассажиры не спят. Они слушают стихи Ювана Шесталова. Такая поездка у них не часто бывает. Далеко не всегда твоим попутчиком бывает талантливый человек.

Мчится поезд. В одном из вагонов едет поэт Юван Шесталов. Он увез с собой мое строгое мужское рукопожатие.

1959

НИКОЛАЙ ДЕМЕНТЬЕВ

Образ этого молодого талантливого поэта предстает предо мной как прочитанное в далекой юности стихотворение. Стерлись отдельные буквы, потерялись, возможно, целые строфы, но воспоминания о нем создают ощущение непрекращающегося светлого дня.

Впервые я услышал Дементьева в Доме Герцена и сразу заинтересовался им. Звонкий голос, упорство, замешенное на застенчивости, и молодость, брызжущая изо всех пор, пленили меня. Сейчас я преодолеваю расстояние в десятки лет и, мне кажется, прибываю к станции назначения — к моему хорошему товарищу молодости.

Николай Иванович Дементьев родился в 1907 году, в семье интеллигента. Учился он в Высшем литературно-художественном институте имени Брюсова и на литературном факультете 1-го Московского государственного университета. В годы первой пятилетки, окончив курсы при Центральном институте труда (ЦИТ) и получив квалификацию слесаря, он уехал на строительство будущего Сталиногорского химического комбината.

Печатать стихи Николай Дементьев начал семнадцати лет. За свою короткую жизнь — он скончался в 1935 году — им было создано много хороших стихотворений, и почти все они вошли в его поэтические

сборники — «Шоссе энтузиастов» (1930), «Овладение техникой» (1933), «Рассказы в стихах» (1934), «Избранные стихотворения» (1936).

Николай Дементьев, как и все мы, отдавал дань «сверхиндустриализации» в поэзии. Обилие в стихах прозаизмов, которые мы тогда считали величайшим достижением, не миновало и его. Но не это являлось в творчестве поэта главным... Героические будни рабочего класса, создающего мощную индустрию страны социализма,— вот пафос поэзии Николая Дементьева.

«Саодат», «На Каланчевке», «Ночные птицы пели в лесу...». Сколько настоящих произведений он создал! И среди них лучшие, конечно, «Мать» и «Оркестр».

«Мать» была для нас — Багрицкого, Голодного, Уткина и других моих сверстников — настоящим праздником... Из названных товарищей в живых остался только я. И мне как бы поручено сохранить и передать потомству наше общее отношение к поэзии: хорошее стихотворение — праздник, и оно, веселое или печальное, должно быть явлением. «Мать» Николая Дементьева — это явление. Она читалась и сейчас читается в любой нашей аудитории и, безусловно, пользуется успехом. Успех объясняется тем, что это превосходно написанное стихотворение рассказывает нам о новом человеке и вводит нас в мир новых человеческих отношений.

Меня глубоко волнует и «Оркестр». Это стихотворение я люблю, и люблю вот за что. Сколько бы ты сам в жизни ни пугался, ощущение тревоги все равно трудно передать, а поэт сумел это сделать. Мало того, Николай Дементьев, наряду с ощущением тревоги, великолепно передал в нем и героизм оркестра. Трудная, но очень благородная задача, с которой поэт справился.

Николая Дементьева отличала замечательная черта — гражданское беспокойство. Прочтите его стихотворение «Инженер». Пусть оно несовершенно, но, если можно так выразиться, пульс долга бьется и в нем с неослабевающей силой...

Дементьев всегда находился в состоянии комсомольской окрыленности. Он умел любить людей. Не наобум любить, не сломя голову, а сделать эту любовь к человеку постоянным своим состоянием. Великолепное качество!

Вот таким я представляю себе Николая Дементьева двадцать три года спустя... Ушел он от нас давно. Но воспоминания о нем не поблекли. Друзья, даже умершие, нас не покидают. Их голоса всегда звучат очень близко, где-то у сердца.

1959

[ОБ ИЗДАНИИ В. БРЮСОВА В БОЛГАРИИ]

В Болгарии готовится к печати книга избранных стихотворений Валерия Яковлевича Брюсова. Это радостная весть! Мне, бравшему первые уроки поэзии непосредственно у Валерия Яковлевича, учившемуся в 20-х годах в Высшем литературно-художественном институте, носившем его имя, весть эта радостна вдвойне! Желаю, чтобы эта книга была большой удачей болгарской поэзии!

9 сентября 1959 г.

В ОТКРЫТОЕ МОРЕ!

Марат Тарасов талантлив. Доказать это нетрудно. Бывает, что, относясь хорошо к человеку, не желая его обидеть, стремишься быть к нему снисходительным и гуманным и, обливаясь потом, тащишь в гору то, что должно оставаться в долине. Доказываешь недоказуемое. Должен признаться, что и я иногда этим грешил. С Тарасовым этого делать не нужно. На каждом шагу в его книге «Малая пристань» попадаются отличные строфы. Он умеет не только увидеть, но и передать виденное. Передать со вкусом, с соблюдением «поэтической экономии», и, главное, непосредственно общаясь с читателем.

В стихотворении «На карельской границе» всего три строфы. Приведу вторую и третью:

Чтоб недруг,
хитрый и умелый,
Сюда во мраке не проник,
Здесь ночь нарочно стала белой,
Прозрачной,
как лесной родник.
Но если враг к границе выйдет,
Сумеет обойти дозор,
Сама земля его увидит
Глазами тысячи озер.

Можно было сказать, как много раз уже говорилось, что часовые неизменно бодрствуют на наших границах,

что враг не пройдет и т. д. и т. п. Свежесть восприятия и передачи, образность — вот в чем достоинство этих строк.

Много хорошего в «Малой пристани» Марата Тарасова: «Баллада о плавучем таране», «Вербовщик», «Служитель маяка», «Альбом» и другие стихи. Но я не ставлю своей задачей в газетной заметке показать и перечислить все то хорошее, что есть в этой книге. Мне хочется, чтобы поэзия М. Тарасова стала читателю не только полезной, но и необходимой. И если мой опыт сможет помочь поэту, охотно поделюсь им.

Повествовательность, не подкрепленная поэтическим темпераментом, делает стихи скучными.

Вон там стоит домишко, скособочась,
Он побурел и плесенью пропах.
Давно ль еще
В нем отдавали почесть
Лишь сундукам, что гнили в погребах.

Давно ль хозяин, властен и прижимист,
Не знал нужды ни в чем, да и ни в ком,
И в нем жила звериная решимость —
Держаться от людей особняком.

Но как-то хворь скорежила старуху,
Он заметался, ужасом гоним,
Воззвал к святым — ни слуху и ни духу,
Позвал врача — и тот уж перед ним.

«Он заметался, ужасом гоним»,— это для командировочных. У постоянных читателей поэзии это вызовет только улыбку. Что же соблазнило поэта? Ложная значительность. «Давно ль еще в нем отдавали почесть лишь сундукам, что гнили в погребах». Не проще — «почитали»? Но ведь «отдавали почесть» звучит «значительнее».

Сколько такой ложной значительности в книжках многих молодых поэтов! И строфы как будто плотно сколочены, крепко связаны, а тебе от этого ни тепло, ни холодно. Еще одна строфа. Из стихотворения «Вербовщик»:

Лучше правду дай без уверток,
Не боясь, что сердца́ остудит,—
Лес
    людей уважает твердых,
Слабых духом любить не будет.

Во-первых, давно известно, что лес не любит «слабых духом». Во-вторых, в стихах уже столько раз «остуживали сердца», что это начинает иметь «промышленное» значение. И, в-третьих,— самое главное: о пустяке сказано таким значительным тоном! Дважды два — четыре снабжено «железным» ритмом и выдается за высшую математику.

Я считаю Марата Тарасова талантливым поэтом. Почему же именно на него я набросился со своими требованиями и упреками? Потому что, причалив к его «Малой пристани», вижу, что здесь занимаются малым каботажным плаванием. Уверенный в силе Марата Тарасова, я зову его в открытое море.

Поэт должен не констатировать, а вести. И когда Марат Тарасов это усвоит, у него исчезнут стихи, подобные вот этим:

В твоих садах
                        на юных кленах
Блестит вечерняя роса,
И всюду слышатся влюбленных
Взволнованные голоса...

Вместо того чтобы услышать, как и что говорят влюбленные, я должен утешаться тем, что их голоса «слышатся». Ветер должен быть пронзительным. И стихо-

творение тоже. Даже когда поэт притворяется очень спокойным.

Марат Тарасов способен сделать рывок, и он его сделает. Все данные для этого у него есть. Тогда хороший поэт станет близким читателю поэтом.

1960

К ЧИТАТЕЛЮ

Прекрасное можно и нужно исследовать и изучать. Но еще лучше им восхищаться. Я полюбил стихи Жака Превера.

Прочел я первое стихотворение, и мне вдруг показалось, что я иду по берегу Сены в обществе Франсуа Вийона, Артюра Рембо и Жака Превера. Куда могут направляться четыре поэта? Конечно, к площади Согласия.

Мои спутники обладают великолепным качеством — человечностью. И поэтому большой современный поэт Франции Жак Превер стал моим ближайшим другом.

У иных поэтов бывает назойливая социальность. И тогда мы их стихи больше понимаем, чем чувствуем. Жак Превер социален в лучшем смысле этого слова.

Сочувствовать страдающему человеку — не такая уж высокая квалификация для поэта. Высшее мастерство поэта заключается в том, что он умеет страдать и бороться за себя и за своих читателей. Он не подает милостыню нищему расслабленными пальцами. Он поднимает кулак против несправедливости. Именно так социален Превер.

В чем обаяние его творчества? В том, что миллионы незнакомых друг другу людей, читая его стихи, становятся близкими друг другу.

Я знал и знаю много хороших поэтов. Они хорошо писали и пишут. Жак Превер умеет *лепить* стихотворение. Стоит ли приводить цитаты? Я не пишу диссертацию о творчестве поэта, а только произношу вступительное слово. Стихи Жака Превера будут убедительнее меня.

1960

ИМ ПОМОГУТ НАЙТИ СВОЮ ДОРОГУ

Я уже привык к тому, что многие авторы значительно моложе меня. Но я никак не думал, что они могут быть настолько моложе. Дело в том, что один из авторов пьесы «Гамлет из квартиры № 13» — А. Вейцлер сидел за одной партой с моим сыном, и они вместе окончили школу. Этой молодостью и объясняются достоинства и недостатки пьесы А. Вейцлера и А. Мишарина, премьера которой недавно состоялась в театре имени Ленинского комсомола.

Вернее, я буду говорить не о недостатках, а о тех неловкостях в искусстве, которые всегда сопровождают раннюю молодость, еще не умеющую точно отобрать материал и желающую обо всем сказать сразу. А когда говоришь обо всем сразу, то, как говорят артиллеристы, начинаешь бить по площади, а не по мишени. В театре, да и в любом искусстве, нужно бить только по мишени. Поэтому, скажем, сцена ожидания — достигла ли наша ракета Луны — напоминает сигарету, вставленную в обойму, где уже есть четыре настоящих патрона. Не нужна эта сцена в данной пьесе: она искусственна.

Так же не нужна сцена, где Седая женщина вспоминает погибшего сына и, как видение, возникает бой, в котором ее сын погиб. Я понимаю желание автора показать, что наш народ понес великие жертвы вовсе

не для того, чтобы наши «Гамлеты» культивировали свое «возвышенное» одиночество. Но сделано это приемом, который, как говорится, лежит рядом. Это уже очень изношенный прием. Сколько мы видели на сцене и в кино ветеранов войны, диалог которых неизменно начинался с фразы: «А помнишь?..» И затем возникали батальные сцены. Этих «А помнишь?» в искусстве так много, что нужен арифмометр, чтобы сосчитать их.

Я нарочно начал с недостатков, чтобы поскорее отделаться от них. Считаю, что и пьеса и спектакль «Гамлет из квартиры № 13» очень талантливы. Во многих сценах спектакля возникает атмосфера доверчивости, связывающая воедино зрителей и актеров. Главное, что все это *интересно*, а это бывает далеко не в каждом спектакле.

Условное решение спектакля (постановка О. Ремеза, художник — И. Сумбаташвили) нисколько не мешает, а, наоборот, помогает самочувствию актера и восприятию зрителя. Актеры делают несколько шагов, и мы видим их уже в совершенно другой обстановке, хотя для перемены декорации достаточно появляющихся у кулис часов, или светофора, или указателя троллейбусной остановки. Конкретность небольшой детали делает жизненной как бы абстрактную сценическую площадку. На такой площадке должна быть еще более достоверной и игра актеров. Поэтому мне куда больше нравится артист М. Державин (Алексей), когда я вижу в нем девятнадцатилетнего мальчика, а не в минуты, когда его раздумья становятся более пафосными, чем полагается юноше такого возраста. И как хорошо, что у него первое преобладает над вторым!

Родителей Алексея играют Е. Фадеева и В. Соловьев. Это давно знакомые и любимые нами артисты. Им автор всегда может доверить роль, как бы она

сложна ни была. Я бы, например, вложил свой текст в их уста безбоязненно, как в сберкассу, убежденный в том, что они мне вернут его с процентами. Их игра доставила мне искреннюю радость, настолько они напомнили многих знакомых мне родителей, в том числе, наверное, и меня самого.

Мария (арт. М. Струнова) и Федор (арт. В. Мащенко) полны молодого обаяния, и часто кажется, что они сидят рядом с тобой в зрительном зале. Ими любуешься, как людьми, которые в те же девятнадцать лет, что и Алексей, нашли свою дорогу.

Алексей на протяжении спектакля встречается со многими людьми, хорошими и плохими, не очень хорошими и не очень плохими, более удавшимися и менее удавшимися автору и театру. Из этих людей больше запоминается И. Мурзаева, гротескно и вместе с тем очень человечно сыгравшая Домоуправа.

Я не могу перечислить всех артистов, но они все очень помогли успеху спектакля. А успех — заслуженный, ибо нам с полной убедительностью доказано, что советские люди всегда помогут найти свою дорогу мятущимся мальчикам — и не только из квартиры № 13.

1961

СТИХИ ВЛАДИМИРА ЛЬВОВА

Как-то вошло в традицию молодому талантливому поэту желать «Доброго пути!». Но как бы мне этого ни хотелось, я не могу сегодня сказать эти слова Владимиру Львову. Его нет среди нас. Глупая случайность рано оборвала его жизнь.

Поэта нет, но остались его стихи. Это уже очень много. Мы почти не знали его, и знакомимся с ним только теперь. Мы знали тоненькую книжку стихов «Без отдыха» и не знали сотен стихотворений, с которыми он шел к нам.

Я думаю, что его творческая биография только начинается. Он жил, как надо. Солдат и научный работник, каменщик и переводчик с французского и литовского... И это не противоречия. Это жизнь одного из многих наших современников. И стихи, которые дала его жизнь, сегодня у меня в руках.

То нервно-прерывистые, то широкие и звонкие строки живут как черты характера, из которых складывается образ автора:

Это прекрасно, что жизнь
тяжела!
Значит, она не пуста, не
напрасна.
Значит, она не бесследно прошла.
Горе и ненависть — это
прекрасно...

И рядом:

Я совсем не мечтатель,
Я труженик этой планеты...

Всего несколько строк, а мы уже видим облик современника. Он становится нашим другом, собеседником, советчиком. И он еще не раз поможет нам, и в трудную минуту мы ощутим рядом его крепкое и верное плечо.

К счастью, стихи Владимира Львова не нуждаются в рекомендации. Они говорят сами за себя. Но так как я не могу обратить свои слова к автору, пожелаю его стихам доброго пути!

1961

«ЖИЗНЬ В ДВИЖЕНЬЕ ВСЕГДА...»

Я могу сказать о поэзии Тагора, о тех его стихах, которые доходят до нас, не владеющих языком оригинала, в переводах, что она не может, конечно, не волновать, не трогать каждого, кто чувствует прекрасное. А нет такого человека, кто был бы совсем лишен этого чувства. Афористическая лирика Тагора — это совершенно особая область его творчества. Как правило, это четверостишия, где глубокая философия и чудесный пейзаж связаны в единый жгут.

Стихотворения из сборника «Искры», которые вы прочтете ниже, представляют собой пример того, как поэт яркую и тонкую мысль может облечь в одежды зримых картин и, наоборот, в зримых, повседневных картинах, мимо которых так часто проходим мы с вами,— увидеть вдруг прекрасную и удивительную мысль.

Нужно, очевидно, сильно любить жизнь и понимать людей и в их самом хорошем и самом плохом для того, чтобы видеть мир таким, каким видел его Тагор.

1961

ЕЩЕ ОДИН ОГОНЕК

Таланты не находятся случайно. Таланты находятся в поисках. Как часто мы бродим по пустыням поэзии — и ни листочка оазиса! Со мной это длилось довольно долгое время, и вдруг я увидел теплый и приветливый огонек. Этот огонек горел в одиннадцатом номере журнала «Литературная Грузия», издающемся в Тбилиси на русском языке. Фамилия этому огоньку — Чиладзе.

Чем меня пленил этот молодой поэт?

Многие видят одно и то же. Но если обозреваемый предмет ты видишь точно так же, как твой читатель, то почему ты считаешься поэтом, а твой читатель таковым не считается? Если ты не подскажешь читателю точку зрения, угол зрения, если не заставишь его увидеть предмет «по-твоему», то ты читателю окажешься просто ненужным.

Видеть одинаково умеют все зрячие. Поэт создает как бы обновление привычного предмета, он должен уметь присматриваться и рассматривать.

Этими качествами и обладает Тамаз Чиладзе.

Платаны подъема Петриашвили,
на мостовых была ваша тень.
Платаны подъема Петриашвили,
на стенах, машинах была ваша тень,
но главное, то, что вы совершили,—
на платье любимой была ваша тень!

Стояли себе эти платаны на подъеме, и все их видели одинаковыми глазами. Но вот пришел Чиладзе — и платаны перестали быть только деревьями, простыми деревьями.

Вам, самым главным моим деревьям,
Я посвящаю свои стихи.

В следующем стихотворении очень мне запомнилась энергичная строфа:

Я хочу твой портрет
написать на века.
Напишу я его
и вслепую.
Я хочу, чтоб любая была строка
вбита в звезды,
как пуля в пулю.

А вот в концовке мне не понравилось следующее:

Я прошу вас, стихи мои,
дети мои,
вы звучите
и грозно и нежно.

Это старомодно. Такое впечатление, что к только что сорванным цветам поэзии Чиладзе прибавил мертвый, засохший букет «его бабушки».

И не надо было в очень хорошее стихотворение «О, как похоже море на бессонницу» вставлять этакое «изъячное»:

...И морю тоже
плачется и стонется...

Может быть, в этом вина переводчика?

Тамаз Чиладзе — повелитель своих образов. Он подчиняет их своей мысли, и они на нее работают:

О, сказки, как они близки —
толкутся, трогают за локоть.
Я пиво пью — и вдоль щеки
летит их старомодный локон.

Обычно я, высказываясь о стихах моих товарищей по профессии, мало цитирую. В данном случае я изменил себе, но измена имеет свои пределы.

Я не могу, например, процитировать полностью великолепное стихотворение «Мост Ватерлоо». Мои комментарии к стихам выглядели бы тогда как спицы в быстро вертящемся колесе — то есть их совсем не было бы видно.

Я познакомился с очень интересным поэтом. Теперь, что бы он ни написал, я буду стремиться прочесть.

Несколько слов о переводах.

Есть много противников «отсебятины». Я сам принадлежу к числу этих противников. Но когда индивидуальность переводчика сливается с индивидуальностью переводимого им поэта и когда эти индивидуальности превращаются в один художественный слиток, то разве можно возражать против этого?

И Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина хорошо перевели Чиладзе. Слиток получился неразделимый. Я узнаю своеобразие молодого грузинского поэта и своеобразие двух молодых русских поэтов. Только нехорошо, когда рифмуются «глине» и «другими» или «заморочь» и «заморозь». Это не рифмы, а только воспоминания о рифме.

А в целом и поэт, и его переводчики на высоте. Я очень рад за них.

1961

СТИХИ ГЕННАДИЯ АЙГИ

Юность поэта — это еще закрытые ставни, сквозь которые пробивается солнечный свет. В Литературном институте, где я вел семинар, я был убежден, что вижу в Геннадии пробивающееся солнце.

Дело не в том, владеет ли молодой поэт в достаточной степени ямбом, хореем или какими-то еще стихотворными размерами. Владеть этими размерами я берусь научить любого более или менее культурного человека в короткий срок и за весьма недорогую плату. И мне не это важно в молодом поэте. Мне важно, чтобы он, преодолев сумбур своей ранней молодости, стал *явлением* в советской поэзии.

С Геннадием сложно было работать. Я даже в шутку называл его «советским Бодлером», что практически невозможно. Он, допустим, не мог бы показать обыкновенную собаку. Он обязательно должен был сделать из нее какого-нибудь ихтиозавра только для того, чтобы его собака лаяла не так, как другие ее сородичи.

Я на несколько лет потерял из виду своего ученика. Я слышал, что он много пишет, вообще много работает, в Чувашии вышел в прошлом году переведенный Геннадием Айги на свой родной язык «Василий Теркин» А. Твардовского. Сейчас я прочел новые стихи Генна-

дия. Спасибо ему за то, что он оправдал мои надежды. Хотя, в общем-то, этого и следовало ждать. Кроме всего прочего, еще и вот почему: когда я встретил Геннадия, он еще слабо владел даже русской речью, а сейчас он прочтет вам в подлиннике Луи Арагона. А как обстоит у него сейчас дело с русским поэтическим языком, вы увидите здесь сами, поэтому мне и хотелось, чтобы эта подборка выглядела не совсем обычно, чтобы в ней присутствовал и авторский дословный перевод («Сказка о Шлагбауме...»).

Прочтите эти несколько стихотворений. Это умно, талантливо и необыкновенно свежо. И главное, это по-человечески. Я и добивался того, чтобы в стихах Геннадия поэт и человек слились в едином сплаве. А раньше он был только поэтом, что опять-таки практически невозможно.

1961

ПИСЬМО ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

Когда мне предложили высказать свое мнение об этой книге, я сразу увидел сноску в конце первого столбца: «Петрусь Бровка. А дни идут... Стихи и поэмы. Авторизованный перевод с белорусского Якова Хелемского (издательство «Советский писатель», Москва, 1961)». И я заскучал. Заскучал потому, что мне не хочется писать рецензию.

Дело в том, что я знаю и люблю Бровку сто лет. И я буду знать и любить Бровку еще двести лет. И меня и его это вполне устраивает. Вот почему я предпочитаю не столько говорить о нем, сколько говорить с ним. Это можно сделать в форме письма.

Дорогой Петрусь!

Я внимательно прочел твою новую книгу и задумался — что является главным в нашем ремесле? Рифма, образ, метафора? Уж, казалось бы, лучше и нет образа:

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

А между тем не это у Лермонтова главное. Главное заключается в том, что я беседую с ним спустя сто с лишним лет после его смерти. Значит, всякое искусство, будь это музыка, живопись или стихи, всегда — бе-

седа. Характерность этой беседы заключается в том, что все время говорит автор. Выслушав или познав его, ты имеешь возможность вдоволь самому наговориться.

Я тебя люблю за то, что ты умеешь беседовать. Будь ты в Полесье или в Америке, ты беседуешь со мной. Это драгоценный дар.

Ни к чему мне выдирать отдельные строчки из твоей книги. Это вот хорошая, а эта плохая. Я не редактор твой, а друг твой.

Ценность поэта заключается в его особенности. Если все говорят звонким голосом, говори с хрипотцой. Но только твой голос не должен звучать, как простуженный. Это должен быть голос не много говорящего человека, а хорошо и убедительно говорящего. Когда ты говоришь:

Не хватало, конечно,
Тем стихам красоты,
Но внимал им орешник,
Подпевали кусты.
Над гнездом наклоняясь,
Осененный сосной,
Добрым клекотом аист
Соглашался со мной,—

я сразу вижу тебя. Тебя, умеющего писать только добрые книги. Тебя, который может завоевать любую аудиторию. И я, и мои друзья — русские писатели — убедились в этом, когда ездили с тобой по Беларуси.

Много, очень много хорошего в твоей книге. Главное в ней — это пульсация щедрого сердца. Это мое письмо тебе еще и упрек Книготоргу — нельзя в нашей огромной стране издавать тебя только пятитысячным тиражом.

Когда ты пишешь:

Росли мы... Дни текли за днями,
Окрепли руки, плечи, грудь,
Омыты щедрыми дождями,
Утершись чистыми ветрами,
Мы выходили в дальний путь,—

мне кажется, что ты и меня имел в виду. Мы с тобой — люди одного поколения. А вот когда ты пишешь: «Роща дремлет в тиши средь безжизненной хмури, но в глубинах души продолжается буря»,— ты меня в виду не имей — я терпеть не могу банальностей. Но таких строк в твоей книге ничтожное количество. А общее впечатление от книги такое — как будто я сам ее написал. Такое впечатление должно быть у читателя от каждой хорошей книги.

Я желаю тебе счастья. Но я эгоист — я желаю себе того же. Будем жить и творить на земле и будем счастливы вместе со своими товарищами.

P. S. Еще я забыл сказать, что тебя очень хорошо перевел Яков Хелемский.

1961

ДРУЖЕСКАЯ РУКА НА ПЛЕЧЕ

Под лирикой многие подразумевают рифмованное изложение чувств. В конце концов, такого мастерства нетрудно добиться. Стоит только научиться хорошо подражать. А в искусстве можно подражать чему угодно, только не темпераменту. Вот почему все слепые подражатели Маяковскому и следа о себе не оставили.

Поэтический голос Льва Озерова мне всегда нравился. Это был тихий голос хорошего человека. А вот новая его книга «Светотень» мне просто удивительно понравилась. Тридцать хороших стихотворений в одной книге — это очень высокий процент. Этой книгой Лев Озеров завоевал себе прочное место в советской поэзии.

Главное в книге — это ее точная афористичность.

Я брел по улице в мечтах
О сем, о том.
Я говорил себе: вот — свет,
А это — тень,
Дом, не наполненный людьми,
Еще не дом,
День, не заполненный трудом,
Еще не день.

И вся книга полна таких хороших раздумий. Я нашел в ней несвойственный ранее Озерову юмор. Пусть это только шутка — его стихотворение «Читая классиков»,— но она запоминается:

Сквозь пламень строк душа пропущена.
Ну а царей-то помним много ли?
Из Александров — только Пушкина,
Из Николаев — только Гоголя.

Конечно, не эти стихи главные в книге. Главное в ней — ясность мыслей и точность чувств. Нет у автора желания быть оригинальным во что бы то ни стало. Мне приходится читать стихи многих молодых поэтов. Многие из них, убегая от банальности, убегают и от жизненной правды, и убегают они все в одном направлении, так что начинает казаться, будто все эти стихи написаны одним человеком. Если можно так выразиться, получается банальное убегание от банальности.

А вот что пленяет в Озерове — это естественность его интонации. Никакими фокусами он меня и не пытается удивлять. Он просто положил мне руку на плечо и повел меня, читателя, по всей книге. Это очень большое достоинство поэта.

В каждой книге хороших стихов скрыт свой, пусть небольшой, но конфликт. Это не обязательно конфликт между поэтом и людьми, это еще может быть конфликт разных душевных состояний. И тогда книге не грозит монотонность, она становится интересной читателю.

Чувства-друзья в книге Льва Озерова не надоедают нам своим однообразием. Скажем, «Зачем нужна земная ось...» отличается от «В мастерской скульптора».

Чуть перефразируя Маяковского, можно сказать, что стихи в книге хорошие и разные.

Я поздравляю Льва Озерова. Его новая книга — огромный шаг вперед. Есть в книге отдельные нарочитые стихи и строчки, но я не стану останавливать на них внимание читателя.

1961

МИР, ОТКРЫТЫЙ ПОЭТ

Бывают люди красивые, но не обаятельные. И наоборот, бывают лица некрасивые, но весьма обаятельные. А когда лицо и красиво и обаятельно, тогда совсем хорошо. Если принять природу за красоту, а лирику за обаяние, тогда сплав этих двух великолепных качеств называется поэзией.

Навела меня на эти мысли только что вышедшая в Гослитиздате книга стихов Миха Квливидзе «Надпись на камне». Для того чтобы передать мои ощущения при чтении этой книги, приведу целиком небольшое стихотворение «Детство»:

Я помню детство: искорки росы,
Друзей и песни. Речки синеву...
Приснились мне огромные часы,
Каких я и не видел наяву.
Приснилось мне: привставши на носках,
Давясь от слез, в обиде сам не свой,
Зажал мальчишка маленький в руках
Конец тяжелой стрелки часовой.
Хотел сдержать он мерный ход времен,
Забыв про книжки, игры и дела...
Но стрелки шли, и громко плакал он,
И в ссадинах ладонь его была.

(Перевод с грузинского Евг. Винокурова)

Прочтя одно это стихотворение, хочется прочесть всю книгу, и веришь в то, что она написана талантли-

вым поэтом. Квливидзе избегает банальных фраз, банальных мыслей и, значит, банального отношения к жизни. У него, как и у всякого поэта, есть стремление неодушевленные предметы сделать одушевленными (а плохие поэты, наоборот, одушевленные предметы делают неодушевленными). Говорит ли он о природе или о лирике, он придает им те качества, о которых я говорил выше. Он всегда остается поэтом и очень бережет это свое звание. Прочтите его книгу — и вы в этом легко убедитесь.

Как водится, в конце отзыва я должен был поговорить и о недостатках. Но дело не в них. Дело в приобретении новых качеств. Природа и любовь — это еще не все, что есть на свете. Есть и сегодняшний день, есть борьба, есть подстерегающие нас опасности, есть труд. Не надо думать, что лирика живет в отдельной от жизни комнате. Короче говоря, и лирика нуждается в широком диапазоне. И в следующей книге наш поэт должен сбросить присущий ему некоторый налет камерности, расширить свое видение мира и активней участвовать в этом мире. Это не так просто, но я убежден, что Квливидзе с этим справится.

Переводы сделаны очень хорошо. Молодые переводчики работают не хуже старших, но я не стану никого называть. Их много, и все они подтверждают, что дело с переводами у нас на высоте.

1961

ДРАГОЦЕННЫЙ СПЛАВ

Самое большое счастье для писателя — если его произведения станут знаменем поколения. Но если и его жизнь становится таким же знаменем, то и самый образ писателя становится близким, родным многим и многим людям.

Я был знаком с Николаем Островским, и мне до сих пор кажется, что до встречи с ним я не обладал некоторыми хорошими качествами, которые приобрел после встречи с ним.

Жизнь и творчество Николая Островского — это как бы сплав драгоценных металлов. Если кто-нибудь из вас станет писателем, старайтесь, чтобы и ваше творчество было так же тесно слито с жизнью.

Пожалуй, я вам не сообщу ничего нового, если скажу, что люди делятся на плохих и хороших. Я лично достиг уже почтенного возраста, но так и не выяснил — плохой я или хороший. Но я всегда делил людей на устремленных и не устремленных. И мне хотелось бы, чтоб устремленность Николая Островского сопровождала и меня и вас всю жизнь! Тогда ваша жизнь, ваш труд, ваше вдохновение будут интересны не только вам самим, но и всему народу.

1961

[О СТИХАХ ЮННЫ МОРИЦ]

Приятно, когда рядом с собою ощущаешь дыхание молодого, умного и талантливого человека. И особенно приятно, когда длительное время следишь за его бурным творческим ростом.

Юнна Мориц добилась уже таких достижений, что если бы даже случайно забыли поставить ее подпись под стихотворением, то читатель все равно понял бы, кому принадлежит это стихотворение. Это значит, что она не только обрела свою манеру письма, что у нее свое пристальное поэтическое зрение, но это еще главным образом значит, что она научилась естественно и искренне беседовать со своим читателем.

Много я читал стихов о нашем советском севере. Разные поэты писали о нем, но часто казалось, что их писал один и тот же поэт — и форма и темперамент были очень схожи. Юнна Мориц избегла этого. Это *ее* север, *ее* сердце, *ее* мужество. Вот, к примеру, как она показывает Карское море:

И светится моря таинственный кубок,—
В нем ломтики льда и напиток зеленый.

Или вот еще образец пейзажа:

Полярный круг — гончарный круг.
И море ледяное немо.

И ни куска земли вокруг.
И солнце вдруг исчезло с неба,
Как птица из ребячьих рук.

Совершенно прелестно стихотворение «Свадьба во льдах». Оно довольно длинное, а цитаты не дадут полного представления о нем. Здесь и народность, и юмор, и удивительно хорошее отношение к людям.

И так почти во всех стихах. Большой свежестью веет от творчества Мориц. И я могу с уверенностью сказать, что ее стихи о севере лучшие из тех, что я прочел за последние годы. Я очень рад, что в начале ее творческого пути я помог ей кой-какими советами, и так же рад тому, что в моих советах она уже не нуждается — она вполне самостоятельный мастер.

Счастливого творческого пути, Юнна Мориц!

⟨1961—1962⟩

[О КНИГЕ Э. МЕЖЕЛАЙТИСА «ЧЕЛОВЕК»]

Поэт бывает разным. Он может быть и трибуном, а может быть и собеседником. Я прошу никоим образом не рассматривать то, что я пишу, как рецензию. Не может же Межелайтис беседовать со мной, а я в это время буду читать ему рецензию о его новой книге. А эта его новая книга — беседа, а не трибуна.

Да и беседы бывают разные. Можно оживленно спорить, а можно и так говорить, будто ты сам выясняешь что-то для тебя очень важное и никого, кроме тебя, на свете нет.

Таким образом мы устанавливаем, что книга сугубо лирическая. И я, всей душой принимая Межелайтиса как поэта, все же хочу поспорить с ним о его лирике. До меня никак не доходит такая строфа:

Нет лиры у меня.
Но есть священный жребий
В просторе полевом,
Где росы так свежи,
Задумать песню о насущном хлебе,
Перебирая струны спелой ржи.

И «лира», и «священный жребий», и «полевой простор», и «струны спелой ржи» мне категорически не нравятся. Это какое-то очень недорогое эстетство. Ведь

вот же те же «струны» через строфу звучат куда выразительнее:

Там белокрылый голубь над трубой
Взмыл и связал собой трубу завода
С необозримой высью голубой, —
И дотянул струну до небосвода.

Тут я сразу вижу того дорогого мне Эдуардаса, с которым я так люблю беседовать за столом. Исчезает «изящное», и появляется жизнь. Лучше некрасивое яблоко, которое можно есть, чем красивое, но нарисованное.

Я говорю об отдельных неудачных строчках Межелайтиса, как о своих собственных. Я это делаю только потому, что хочу обладать его достоинствами. Я очень люблю его глубоко человеческое отношение к жизни, я люблю в нем всегда и во всем присутствие советского поэта. И поэтому я к нему отношусь куда более требовательно, чем к любому другому поэту.

О, сколько вам песен пропето,
Валы океана!
Что нужно тебе от поэта,
Волна океана?
Зачем тебе гнаться за мною,
Дробить, словно остров,
И бить то высокой волною,
То галькою острой?

Я очень хочу дружить с человеком, который умеет так хорошо чувствовать.

⟨1961—1962⟩

С ДАЛЬНИМ ПРИЦЕЛОМ

Десять лет назад вышла первая книга Евгения Винокурова «Стихи о долге». Конечно, радуешься каждому новому вспыхнувшему таланту, но я лично больше люблю таланты разгорающиеся. И это побудило меня тогда написать первую рецензию на первую книгу молодого поэта.

Сейчас вышла новая книга его стихов — «Лицо человеческое». Она составлена из четырех вышедших за десятилетие книг («Стихи о долге», «Синева», «Признанья» и «Лицо человеческое»). А на самом деле это итог пятнадцатилетней работы. Передо мной в одной книге развернулась судьба поэта, его радости и огорчения, его большие достижения и небольшие срывы.

Конечно, и самому поэту стало многое и виднее и яснее. Но мне важно другое: верно ли я поступил десять лет тому назад, поверив в дарование нового для меня поэта, или, как это часто бывало со мной, ошибся?

Нет, не ошибся. Сейчас мне еще больше, чем прежде, приятно видеть Евгения Винокурова в числе своих друзей по ремеслу, и если раньше у меня была только надежда на него, то сейчас у меня полная уверенность в нем.

Сейчас 1961 год. Стихотворение «Уголь» было написано в 1953 году. Как же за эти прошедшие восемь лет

развивался и развился талант чумазого мальчишки, показанного в стихотворении. Для этого (прошу прощения у читателя!) надо еще раз внимательно его прочесть:

В работе не жалея сил,
Веселою весной
Я уголь блещущий грузил
На станции одной.

А было мне семнадцать лет,
Служил я в артполку,
Я в легкий ватник был одет,
Прожженный на боку.

Я целый день лопатой скреб,
Я греб, углем пыля.
И были черными мой лоб
И щеки от угля.

Я запахом угля пропах,
Не говорил, не пел,
Лишь уголь мелкий на зубах
Пронзительно скрипел.

Когда ж обедал иль когда
Я чай из банки пил,
То черною была вода
И черным сахар был.

С лицом чумазым, средь трудов,
Я рад был той весне.
Но девушки из поездов
Не улыбались мне.

Вдаль улетали поезда,
Как в фильме иль во сне,
Мелькнут, и только и следа —
Дымок на полотне.

Хотелось крикнуть что есть сил:
— Постойте, поезда!

Постойте! Я ведь не любил
На свете никогда!

Только талантливый человек может так резко «повернуть» стихотворение. Много мне приходилось читать стихов о таких чумазых мальчишках, и обычно эти стихи кончались тем, что бывший мальчишка становился сознательным и вполне благонамеренным человеком. А Винокуров как нельзя лучше «сконтрастировал». Оказывается, это не умильные стихи о своей молодости, а стихи о первой любви, или, вернее, стихи о жажде первой любви. Мысль не катится по обычным рельсам, а грудью и плечами пробивает себе дорогу. Неожиданность поворота поднимает это стихотворение над многими другими, написанными на ту же тему.

Такие же тонкие и точные «ходы» мы заметим и в стихах «Акыны», и во многих других.

Первая и самая главная, мне думается, задача поэта в том, чтобы тебя было интересно читать. Читатель должен знакомиться только с таким поэтом, которого он никогда не спутает с другим. Винокуров принадлежит к числу таких поэтов.

Сейчас я перехожу к самому главному. Чем мне дороги и чем нам всем дороги наши любимые поэты? Богатством своих чувств? Конечно, они потрясают нас этим. Но это не самое главное. Хорошие и интересные люди жили во всякое время, и, может быть, мы о них ничего не знаем. Тем, что они звали вперед? Но и любая кляча, еле передвигающая ноги, движется вперед. Много я знаю поэтов, таким несложным способом двигающихся в бессмертие. Вот почему я не доверяю поэтам, которые в миллион первый раз уверяют меня и других читателей, что они идут «к вершинам будущего». Это может понравиться только плохому редактору.

Я ищу в поэте совсем другое. Я ищу в нем одного из лучших представителей своего времени. Возьмем Лермонтова, Блока, Маяковского. Время видно в них, и они видны во времени. Предел моих мечтаний: когда-нибудь читатель, наткнувшись на мою книжку стихов, поймет не только меня, но и время, в которое я жил. А это может произойти только в том случае, если я дорогие нам всем лозунги буду не машинально повторять, буду носить не как носильщик носит тяжелый чемодан, а как солдат несет свое знамя. Даже в последние минуты жизни знамя не может стать тяжестью. И поэтому, как бы ни было тебе иногда тяжело, не перекладывай свое усталое состояние на плечи читателя. Короче — мы знаем и любим своих больших поэтов не только потому, что они гениальны, но главным образом потому, что мы видим и понимаем то время, в которое они жили. Историки констатируют, а поэты показывают.

Почему я с такими требованиями подхожу к Евгению Винокурову? Потому, что я сам вот уже которое десятилетие бьюсь как рыба об лед над этим. А раз он меня — требовательного читателя — навел на такие мысли, значит, он — поэт настоящий. Я бы мог, конечно, указать на отдельные неудачные строчки в его стихах (у кого их не бывает?), но задача моя на примере одного из моих любимых молодых поэтов указать на необходимость дальнего прицела. Иначе ты останешься поэтом местного значения. Их много. Стоит ли увеличивать их число?

Ясная душа Евгения Винокурова видна в его книге. Его цели мне ясны. Я могу опереться на его плечо. Хотя надеюсь, что и мое плечо не стало настолько трухлявым, чтобы на него нельзя было опереться.

1961

ЛИРИКА ЕВГЕНИЯ ВИНОКУРОВА

Вот уже в третий раз пишу отзыв о книгах поэта Евгения Винокурова. В первый раз я написал о его творчестве более десяти лет тому назад и поздравил нашего читателя с появлением нового талантливого поэта.

Затем, сравнительно недавно, весьма положительно высказался о его книге «Синева». И вот сейчас постараюсь проанализировать его последнюю книгу «Лирика» — большой однотомник.

Что же заставило меня трижды высказываться о нем? Я ни разу так не поступал. А вот что.

За мою долгую жизнь через мои руки прошли сотни книг молодых поэтов. Не все их авторы достигли многого, но некоторые шагают в первых рядах советской поэзии, уровень которой в наше время поднялся высоко. И, естественно, повысился интерес к ней. На вечерах поэзии залы переполнены. Но я заметил в молодых поэтах одну особенность и постараюсь вам рассказать о ней.

Вы, наверное, видели силомер. На его циферблате четыре слова: «Слабо», «Средне», «Сильно» и «Очень сильно». В районе «Слабо» стрелка бежит с головокружительной скоростью. В районе «Средне» — значительно медленней. В районе «Сильно» — почти незаметно. А до-

стигнуть «Очень сильно» у человека частенько сил не хватает. А ведь кажется все очень просто — преодолеть всего лишь несколько миллиметров. Но вот на эти самые миллиметры не у каждого человека хватает сил.

То же самое происходит и с молодыми поэтами. По шкале «Слабо» они бегут взапуски, по шкале «Средне» — медленнее, но все же бегут, задыхаясь, взбегают на «Сильно», но преодолеть миллиметры, ведущие в «Очень сильно», далеко не каждый может. Вот почему у нас много хороших поэтов и сравнительно мало очень хороших. От этого многие книги стихов похожи друг на друга.

Я люблю Евгения Винокурова за то, что он уже довольно давно живет в районе «Очень сильно». Он ни на кого не похож. Многие молодые для того, чтобы быть непохожими, начинают фокусничать, жонглировать словом, прибегать к необычной рифмовке (они рифмуют примерно «корова» и «кошка» только потому, что эти слова начинаются на «ко»).

Евгений Винокуров не такой. У него единый сплав мысли, чувства, мастерства и человечности. Для доказательства обратимся к самой книге.

В ней пять разделов: «Стихи о долге», «Синева», «Признанья», «Лицо человеческое» и «Слово». У меня нет возможности привести хотя бы по одному стихотворению из каждого раздела. Это заняло бы очень много места. И я прибегну к еще не практиковавшемуся приему: я приведу по одной строфе из каждого раздела. Причем не буду тщательно отбирать их, а буду действовать наугад. Это происходит от моего убеждения в том, что у Винокурова не может быть пустой строфы. Можете мне верить, я никого не собираюсь обманывать.

Из раздела «Стихи о долге» (тема войны):

Сейчас, сжав автомат в руках
И сдвинув брови с жесткой волей,
Стоит он, бронзовый, в веках...
Его мы звали просто — Колей.

Из раздела «Синева» (раздумья о жизни):

Шла девочка со мной
Когда-то, где-то,
Беспечная.
Мы плыли по реке...
Пять лет уже ночами до рассвета
Моя жена спит на моей руке.

Из раздела «Признанья» (стихи о природе, о детстве, о любви):

Я все сумею вынести,
Лишь выстой
В те дни сама,
Спокойствие храня.
Одной лишь я страшусь,
Родной и чистой,
Слезы твоей.
Она убьет меня.

Из раздела «Лицо человеческое»:

Мы шли. Дорога далека!
Держались мы тогда непрочной,
Мгновенной сложности цветка
И синей звездочки полночной.

И, наконец, из раздела «Слово»:

Стихам своим служу. Я, как солдат, пред ними
Навытяжку стою. Как я дрожу
Под взглядом их. С ребячьих лет доныне
Им, своенравным, я принадлежу.

Почему же я прибег к такому необычному и весьма странному приему? Казалось бы, читатель по одной строфе не сможет вникнуть в суть самого стихотворения. А сделал я это по нескольким причинам.

Мне думается, что так же, как я по одному стихотворению могу установить мастерство поэта, так и читатель по одной или нескольким строфам может уловить атмосферу книги. Он может угадать интонацию творчества поэта. А угадать интонацию — это значит заинтересоваться. А интонация Винокурова — это лицо человеческое. Он хочет, чтобы, прочтя его стихи, так же как и любую хорошую книгу, человек стал хоть чуточку лучше. Убежден, что он достиг этой цели. По крайней мере, в отношении меня. И я очень рекомендую читателю новую книгу стихов Евгения Винокурова.

1962

МОИ МЫСЛИ О ПУШКИНЕ

Особенность гения заключается в том, что он сопровождает нас всю жизнь. Поэт, в свои юные годы написавший «Руслана и Людмилу», постоянно со мной. Любовь Татьяны учит меня любви: любая осень для меня болдинская.

Я обменял бы самую несчастную судьбу Пушкина на свою самую счастливую. Я так хочу, чтобы любое чувство мое стало пушкинским. Я хочу, чтобы любой наш комсомолец вел себя так, будто рядом живет Пушкин.

Сто двадцать пять лет прошло после того, как мы потеряли Пушкина, но мне все время кажется, что Пушкин впереди. Пушкин — это непримиримая борьба со злом, это непобедимая талантливость во всем, что мы делаем.

Я давно пишу стихи. Но я не знаю, что бы я стал делать без Пушкина. Может быть, при нем я совсем не стал бы писать стихов. Слава богу, мои современники пишут так, что мне есть с кем соревноваться.

Пушкинская слава освещает нашу советскую Родину. Я не хочу быть звездой, я хочу быть фонарем, освещающим дорогу моему современнику. Пушкин — это не только памятник. Это подошедшая к нам мечта, это четыре времени года, это всегда хорошо. Я кладу

к подножию этого памятника свою жизнь. И я абсолютно убежден в том, что поступаю правильно.

Пушкин! Бесконечно дорогой! Стойте на площади, пусть не во плоти, и учите нас быть прекрасными, учите любить человечество так, как вы любили. А большего нам и не надо. Мы ведь коммунисты.

1962

ПАРОДИИ АЛЕКСАНДРА АРХАНГЕЛЬСКОГО

Пародия — не шутка. Если собрать пародии в хронологическом порядке, то можно в известной степени познать историю советской литературы. И в этом смысле очень важно обратиться к первоисточникам.

До сих пор чтецы с чувством восхищения и благодарности вспоминают Яхонтова и Закушняка. С таким же чувством и пародисты, и все мы вспоминаем Александра Архангельского.

Особенно остро ощущаю это чувство я. Мы вместе начинали, как бы вместе трудились и вместе, улыбаясь, встречали любые жизненные невзгоды. Он приходил к нам в писательское общежитие на Покровке, 3, и сейчас, уже на склоне лет, мне все еще кажется, что он постучится в мою дверь. Это происходит потому, что талант, как и дружба, незабываемы.

Бывают два рода пародий. Одни скользят по объекту и все же вызывают улыбку, другие вникают в объект и тоже вызывают улыбку. Но пародии второго рода имеют колоссальное преимущество. Они дают возможность читателю познать пародируемого писателя.

Этим даром, как никто, обладал Александр Архангельский. Так же как на эстраде мы встречаем настоящих великолепных артистов, мы в пародисте Архангельском видим настоящего писателя. Если можно

так выразиться, наша литература скучает без него. И я, и мы все очень хотим, чтобы современный читатель знал о нем, любил его — этого очень талантливого зачинателя нового жанра в советской литературе.

Литературное наследие оставить после себя имеет право не каждый писатель. Александр Архангельский в полной мере имеет это право. Как хорошо было бы полностью опубликовать это наследие. Это доставило бы радость многим и многим.

И особенно радостно будет мне. Я буду вечно признателен издательству, выпустившему в свет полного Архангельского. Этим самым оно как бы омолодит меня на парочку десятилетий.

1962

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОГОДА

Сдержанный темперамент вовсе не означает отсутствия темперамента. Конечно, пылкий темперамент слышнее, он больше обращает на себя внимание, но ведь тихие дожди приносят земле не меньшие урожаи, чем грозы. Лично я не поклонник страстного крика, переходящего в шепот. Ровный и добрый голос друга чаще необходим людям, чем набат. Набат — это исключительный случай; голоса друзей ежедневны.

У Марка Шехтера ровный и добрый голос, крепчающий от книги к книге. Пишет ли он о родном городе, пишет ли о природе, он обладает чувством глубокого убеждения. Особенно хорошо он показывает природу, очеловечивая ее. Маленькое стихотворение «После грозы» заканчивается так:

Славно дышится на рассвете!
Сизый лес и зеленый сад
Со слезами в глазах,
как дети
Провинившиеся, стоят.

А вот как показан тюльпан:

Как в позавчерашнем столетье,
Стоит он, в шелка разодет.
Точь-в-точь на дворцовом паркете
Обласканный славой поэт.

Но не только мягкая лирика свойственна поэту. Интонация крепнет, когда он говорит о родном городе:

Пойте, трубы Брянского завода,
Говори, днепровская вода,
Запорожской смелости природа,
Занимай сердца, как города!

Есть в этой книге прекрасное, на мой взгляд, стихотворение. В нем всего двенадцать строк, и я не могу удержаться, чтобы полностью не привести его:

ДОМ НА УЛИЦЕ ГЕРЦЕНА

Вот в этом доме жил Суворов!
Простецкий,
Цвета елки
Дом...
Неукротим солдатский норов,
Что бился в сердце молодом.
Снимите шапки, россияне,
Минуя старый особняк.
Там,
Вечной славой осиянный,
Еще звучит владельца шаг.
Вот-вот откроется окошко
И закричит хозяин сам:
«Эй, поворачивайся, Прошка,
Я по державным зван делам!..»

Мы видим, что диапазон поэта весьма широк — от лирического откровения до гражданской взволнованности. И мне хочется эти короткие заметки закончить обращением к автору:

Дорогой Марк! Ты никогда в поэзии не кричал. Продолжай говорить своим тихим и убедительным голосом. Тебя все равно слышно.

1962

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Когда над обычными человеческими качествами — честностью, благородством, мужеством — вьется еще дымка очарования, тогда такой человек становится нам необыкновенно дорогим. Такая дымка очарования вьется над всеми семьюдесятью годами жизни эстонского поэта Иоханнеса Семпера.

В поэте, кроме его устремленности, я больше всего люблю неожиданность образа.

Чей запах вдаль зовет теперь?
Оп с нефтью, рыбой, углем слит...
И море, как горбатый зверь,
Чуть ухом бухты шевелит.

(Перевод Б. Томашевского)

Мужики огромны, словно горы,
Что вершиной подпирают тучи.
Будто клинья крепкие — их взоры,
А слова, как кулаки, могучи.

(Перевод Н. Яворской)

По поэзии нужно блуждать, как по незнакомому городу — за каждым углом тебя ждет радостная неожиданность. Таких радостных неожиданностей в поэзии Иоханнеса Семпера сколько угодно. И родина этих неожиданностей вовсе не желание во что бы то ни стало

быть оригинальным (вот я какой!), а неугасимое молодое стремление общаться с людьми и любовь к ним. И конечно же, переводчики с большой радостью переводили этого поэта.

Какова конечная цель поэта? Чтобы Родина гордилась им. Иоханнес Семпер в полной мере достиг этого. Познавая его от истоков его творчества до нынешних дней, мы в большой мере узнаем историю радостей и страданий эстонского народа. Я и не собирался писать рецензию на его новую книгу стихов. Я только (беру на себя смелость) от имени всех советских поэтов хочу поздравить нашего старшего по ремеслу очень необходимого нам товарища. Вся его жизнь и все его творчество в радужных красках предстают передо мною. И если говорить о маяках в поэзии, то Иоханнес Семпер светит и светит нам. И пусть эта моя короткая заметка будет одним из цветков в венке, который возлагает на него сегодня моя Родина.

⟨1962⟩

[О ПЕРВОЙ КНИГЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ]

Я никогда не держал в руках соловья. Он, должно быть, теплый. Иначе как бы он мог так замечательно петь?

Я держу в руках очень теплую книгу стихов Беллы Ахмадулиной «Струна». Это ее первая книга. Если считать, что своей книге надо отдаваться всем сердцем, то эта книга — ее первое сердце.

Лучший способ познать человека — через его профессию. Особенно это относится к писателям и в первую очередь к поэтам. Я вот уже несколько лет знаком с Беллой Ахмадулиной, всегда мне нравился ее талант, но только прочтя ее книгу, я понял: до чего же это необходимо — существование такого человека.

Нас, много познавших в жизни, на мякине не проведешь. Мы мгновенно отличаем искусственное от искусства. Главное качество поэта Беллы Ахмадулиной — чистота ее творчества. Она не боится смелого обобщения, неожиданных сравнений. К примеру, неискушенного читателя могут смутить такие строки:

Гранёная вода Кизира
Была, как пламень, холодна.

«Как же так? — подумает неискушенный читатель,— пламень-то горячий, а не холодный!» — и тут же за-

будет о том, что сам рассказывал: «Понимаете, кидаюсь я в речку. Вода такая холодная, что меня прямо обожгло». Это тот же «холодный пламень», но читатель привык к старой формулировке. По таким же причинам некоторым читателям непонятны революционные методы в поэзии Маяковского.

Необычная рифмовка также не является недостатком этой книги. Стихи так насыщены настоящими человеческими чувствами, когда ее замечаешь, то начинаешь понимать, что это очень органичная рифмовка. Вот, скажем, Ахмадулина показывает пёсика японской породы:

...И голова его мигала.
Он горестный был и седой,
Как бы поверженный микадо,
Усталый и немолодой...

Вас смущает рифма «мигала» — «микадо»? Меня нисколько. Такая рифмовка признак силы поэта, а не его слабости. Она — такая рифмовка — подчеркивает мягкое, может быть, чуть наивное, доброе отношение поэта к описываемому. Именно поэтому Маяковский в стихотворении о лошади рифмовал «стойло» и «стоило». Именно поэтому Есенин писал:

...И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове...

Сравните цитируемое мною стихотворение Ахмадулиной со стихами Маяковского и Есенина о животных — и вы убедитесь, что они все стоят в одном ряду. То же мастерство, та же человечность.

Может показаться, что я останавливаюсь на частностях и не касаюсь главного. В поэтическом мастерстве не бывает частностей. Все должно быть подогнано с

микронной точностью. Песчинка — это «частность» дюны, но она создает ее громадность.

И еще я остановился на частностях для того, чтобы показать, что первая книга поэта не обязательно книга начинающего поэта. Это может быть и книга мастера, что и произошло в данном случае.

Я еще постараюсь в более широкой статье проанализировать творчество Беллы Ахмадулиной и необходимость ее творчества. А пока я на короткий вопрос: «Для кого пишет Ахмадулина?» — коротко отвечу: «Для молодых, мятущихся, не всегда находящих ответа, душ».

Редко я встречал такое органическое сплетение лирики и гражданственности. Круг тем поэтессы обширен. И месяц для нее не только одна двенадцатая часть календаря. Прочтите хотя бы «Сентябрь» и «Декабрь» — и вы убедитесь в этом. Смелых ассоциаций у Ахмадулиной сколько хочешь. Официантку, например, она показывает как королеву, и мы больше видим королеву, чем официантку. К своей сверстнице — советской молодежи — Белла обращается просто, естественно и непринужденно. Общность задач, общее теплое дыхание их согревают нашу действительность и наше будущее. И если задача советского поэта [в том, чтобы] читатель, прочтя твою книгу, стал хоть чуточку лучше,— то Белла Ахмадулина со своей задачей справилась блестяще.

Этим своим коротким отзывом я не хлопаю ее по плечу — я опираюсь о ее плечо.

⟨1962—1963⟩

СТАРОСТИ НЕТ!

Ярославу Смелякову

Ярослав!

Наступивший 1963 год чреват тяжелыми последствиями — тебе исполняется пятьдесят лет, мне — шестьдесят. Я совсем не убежден в том, что эти два исторических события будут отмечены всенародными празднествами. Все будет протекать нормально. Ни один ребенок не заплачет, ни один милиционер не дрогнет. Ни один автомобиль не забудет, что он двигатель внутреннего сгорания. Поэты часто об этом забывают.

Ты родился зимой, а я — летом. Твои снежинки начинают таять, мои капли — испаряться. Печально ли это? Нет. Нисколько. Давай разделим наши с тобой сто десять лет честно пополам. И тогда не будет ни наступившей старости, ни ушедшей молодости. Что же будет?

Будут молодые поэты. У поэзии масса преимуществ. Первое и самое главное ее преимущество — находить не для себя.

Сколько я тебя ни помню, ты всегда искал для будущего. Это вовсе не значит, что ты забывал свое поколение.

Я хочу, чтобы к тебе все чаще приходили таланты. Ты создан для их прихода.

Считай, что я одновременно и Иван Поддубный и Юрий Власов. Так крепко я тебя обнимаю.

1963

МАЯКОВСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Что такое большой художник? Это человек, у которого потолок выше неба.

Природа создала Маяковскому лучшую мебель на свете — звездную люстру, высокие горы, меняющиеся облака, грузинскую бурную речку.

Гору нельзя разменять на холмы, а бурную речку — разливать по бутылкам.

Маяковский — это самая обширная на свете комната, у которой нет стен. Мне скажут: но ведь человек не может жить без стен — они предохраняют, на них висят портреты великих, фотографии погибших друзей и родных.

Значит: да здравствуют стены, которые нас не отделяют от мира. Стены, загораживающие мир,— это уже тюрьма.

Маяковский для меня — стена, соединяющая со всем миром.

Я смотрю на фотографию: двенадцатилетний мальчик, ученик 3-го класса Кутаисской гимназии. Она выснята из групповой фотографии: отец, мать, сестры. Казалось бы, обычное фото, какие бывают в домашнем альбоме.

Но это уже 1905 год. Уже слышатся выстрелы и революционные песни и крики «Долой!» — по-грузински и по-русски.

А вдали — бушующий 1917-й.

Буря не может написать свою автобиографию. Не чернила ей нужны, а ливни, не восклицательные знаки, а — никаких знаков препинания!

Иные стихи поэтов об Октябре — чистописание. А поэзия Маяковского — это «бурописание».

У Лермонтова написано:

А он, мятежный, просит бури...

Маяковский никогда не просил бури,— она сама потребовала его. И он оправдал великое доверие революционной бури.

Литературоведы, авторы монографий делят Маяковского на раннего и на позднего. Не знаю, для меня Маяковский никогда не был ни ранним, ни поздним.

Я смотрю на фотографию двенадцатилетнего мальчика, который уже прожил треть жизни. И думаю о своей шестидесятилетней жизни, которая уже не треть.

Когда мой читатель мне скажет:

— Расскажите о себе.

Я отвечу:

— Лучше я расскажу о нем.

Кажется, в книге Василия Каменского я читал о том, как Маяковский, уже взрослый, снова приехал на родину, в Грузию. Он побывал в родном Кутаиси, был в Тбилиси, читал стихи, веселился и даже несколько раз порывался сплясать лезгинку. С большой компанией он поднялся на фуникулере на гору Давида и, озирая горы с высоты, сказал:

— Вот это — аудитория! С эстрады этой горы можно разговаривать с миром. Так, мол, и так — решили тебя, старик, переделать.

Это было в 1914 году. Три года отделяли его от того часа, когда началась переделка старого мира.

Моей задачей было рассказать о детских годах Маяковского в грузинском селе Багдади, которое теперь носит его имя, о Кутаисской гимназии, о том, чем был 1905 год для будущего огромного поэта революции.

И я с грустью констатирую, что с этой задачей я не справился. Может быть, другие, те, кто продолжит «Маяковское путешествие», окажутся счастливей и удачливей меня.

Единственное, что у меня дома висит на стене,— портрет Маяковского. И поэтому мне кажется, что у моей комнаты нет стен.

1963

[ОБ ИРИНЕ РАКШЕ]

По алтайской степи на взмыленном коне пронеслась мимо меня «амазонка»...

Так состоялось мое первое знакомство с семнадцатилетней Ириной Ракшой.

Я приехал к ее отцу, директору строящегося совхоза. Я тогда никак не думал, что буду писать вступительное слово к ее рассказам. Она тогда была никаким писателем, так же как я сейчас никакой наездник.

Но я считаю, что недаром вспомнил об этой первой встрече. Потому что свойство Ирины — неутомимость в движении. Потому что, разбуди ее глубокой ночью и скажи: «В Ледовитом океане белые медведи соскучились по тебе»,— она, надевая башмаки, спросит: «А туда как лучше добираться — поездом или самолетом?»

Она исколесила Сибирь, не устала, а наоборот, рвется в новые пространства. И эти ее путешествия вовсе не для того, чтобы потом похвастаться: «Я была там-то и там-то». Нет, вовсе не для этого.

Есть два рода наблюдателей. Есть наблюдатели «ума холодных наблюдений»: «Вот я поеду в Париж, обязательно посмотрю на Эйфелеву башню, сбегаю в Лувр и, конечно, накуплю кой-чего из мелочишек».

А Ирина, скажем, поедет на север. Она поедет туда вовсе не для того, чтобы увидеть только северное сия-

ние. Она поедет туда для того, чтобы увидеть и *узнать* чукчей под северным сиянием. И поэтому у нее так много в рассказах хороших деталей.

Не всегда в произведении нужен образ. Точная деталь часто заменяет образ. Точная деталь становится биноклем, приближающим предметы и делающим их выпуклыми. И тут не нужны никакие романтические слова. Наоборот, бытовая деталь помогает романтике. Если бы я был сказочником, я бы первую свою сказку начал так: «Студент надел калоши и пошел в царство фей». То есть я бы к небесам пристегнул землю.

Я не буду вас утомлять многими цитатами. Приведу только одну деталь и один совсем краткий диалог.

«Но стрелочник отвернулся и, сунув флажки в сапог, пошел в будку».

Больше нигде в рассказе этот стрелочник не появляется, но это «сунув флажки в сапог» делает стрелочника видимым и запоминающимся.

А вот диалог — разговор девушки и девчонки:

«— Уехать бы куда подальше. Да вроде незачем. Платят хорошо.

— А я бы задаром по красоте такой ездила,— глядела вдаль девчонка».

Больше я цитат не привожу, потому что это не разбор творчества Ирины Ракши. Это только мое напутствие ей.

И я так обращаюсь к Ракше:

«Ирина! Я в очень популярном молодежном журнале назвал тебя талантливой. Смотри не подведи меня!»

1963

[СКАЗКИ ЖАКА ПРЕВЕРА]

Имя французского поэта Жака Превера стало широко известным нашему читателю после того, как вышла небольшая книжка его стихов. Она разошлась в рекордные сроки и стала библиографической редкостью.

И вот один из лучших поэтов Франции написал сказки. Я с большим любопытством приступил к чтению их. В чем их достоинство?

Детская манера разговора вовсе не заслоняет социальной направленности произведения, а, наоборот, часто помогает выявить его. Великие сказочники придерживались этого. И поэтому они одинаково дороги и детям и взрослым.

Публикуемые здесь сказки предназначены не только для детского журнала. Взрослый читатель «Огонька» получит не меньшее удовольствие. В круг его любимых писателей войдет и Жак Превер.

1963

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

Учитель, по установившейся вульгарной традиции,— это человек, которому надо подражать.

Я с этим не согласен. Учитель в искусстве — это человек, который помог тебе стать самим собой.

За примерами идти не далеко. Пушкин никак не похож на Державина, но если бы не было Державина, я не знаю, что было бы с Пушкиным.

И тут моя жизнь начинает о себе напоминать. И вот я снова, как в 1923 году, приезжаю в Москву и знакомлюсь с великолепным советским поэтом Василием Васильевичем Казиным. Это был лучший поэт литературного объединения «Кузница». Это был первый поэт, поразивший меня своим мастерством.

Пройден длинный путь от первой книги «Рабочий май» до пока что последней «Великий почин». То же мастерство, та же лаконичность, тот же выпуклый образ, та же необыкновенная доброжелательность.

Я читал много стихов о первом ленинском субботнике, но такого добротного произведения на эту тему я еще не читал. Ленин описан скупо, но очень доходчиво. Строфы предельно насыщены. Я приведу несколько, покоривших меня.

...Уж быть бы не могло морозов,
Но, знать, Республике назло,

Разруха, все перекорежив,
И маю срезала тепло...

И вдруг «Интернационал»
Казанцы грянули — и хора
Взволнованность и слов накал
Величественный поднял вал,
Понес всей бурей в ширь простора,
Как будто в роли дирижера
Сам грозный век наш выступал.

...Как ныне в свет лица родного —
В страну всмотрюсь я и назад
Вдруг оглянусь, то, право слово,
Я просто как мальчишка рад,
Что красоту ее, наряд
От мусора, хламья дурного
В тот день очистило в Перово
Немало и моих лопат...

А вот о Ленине:

...Он, как орел высокогорный,
Провидел то сквозь даль дорог,
Что даже и с трубой подзорной
Наш глаз увидеть бы не мог.

Такими сердечными строфами пересыпана вся поэма. Она принесет колоссальную пользу, ибо Василий Васильевич Казин при всем своем мастерстве никогда не выпускает из виду человека. Он настолько своеобразен, что, если бы даже под его стихотворением не было подписи, я бы все равно узнал, кто автор.

Поздравляю тебя с новой хорошей книгой, дорогой мой Василий Васильевич!

1963

В НОЧЬ ПОД ПЯТЬДЕСЯТ

За многие годы моего существования я выработал рецепт человеческого счастья: стань на место очень хорошего и обязательно очень талантливого человека — и никакого тебе больше счастья не надо. И вот я становлюсь на место очень любимого мною человека и поэта Александра Яшина. И я действительно счастлив. Потому что я забыл, что приближается моя ночь под шестьдесят. И сейчас я в образе Александра Яшина помолодел на десяток лет, а в моем возрасте это не так уж мало.

Большой, сложный и не всегда точный путь прошел этот хороший поэт. Но если бы этот его путь был асфальтированным, то на кой черт ему моя помощь.

Я произвожу впечатление весьма скромного человека. Но тот, кто обо мне так думает, глубоко ошибается. Эгоист я порядочный. И сегодняшний мой эгоизм заключается в том, что я от всей души, *первый* хочу поздравить Александра Яшина с его пятидесятилетием.

И еще мой эгоизм заключается в том, что я всегда хотел прикурить от божьей искры. В этом смысле я противоположен Александру Яшину. Его творчество напоминает мне хорошо натопленную печь, где с каждым годом все лучше и лучше выпекается свежий пахучий хлеб советской поэзии.

Мне очень много приходилось работать с молодыми поэтами. И очень, очень редко для меня их творчество было как открытие Ермаком Сибири. Я проезжал станции, давно отмеченные на географических картах. Иногда мне даже казалось, что эти станции существовали до изобретения паровоза.

А Сашу Яшина я знаю уже не первый год. И люблю я его не только потому, что мы ехали с ним в одном поезде, а потому, что мне удивительно нравится ходить с ним пешком по тому удивительному пути, который ведет к поэзии.

И вот, состоя с ним в одном Союзе советских писателей, я очень хочу, чтобы нам надолго, надолго хватило мускулатуры и энергии для нашего великого дела.

1 апреля 1963 г.

БЕСЕДА С ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ

Язвительность — не единственное оружие сатиры. Вспомним великого сатирика Гоголя с его огромной доброй душой. Когда я читаю сатирические стихи Бориса Котлярова, мне кажется, что он в процессе письма часто задумывается: «Ох, я, кажется, сейчас недостаточно язвительный!» Не надо ему этого бояться. Не всегда лекарство действует путем уколов. Иногда его просто принимают внутрь. Эффективность не меньшая.

И, перечитывая изданную в «Библиотеке «Крокодила» небольшую книжечку Бориса Котлярова «Вовка «Дон-Жуан», я еще больше убеждаюсь в этом. В самом стихотворении «Нетайная тайна, или Вовка «Дон-Жуан» нет и следа язвительности. А, скажем, в стихотворении «Отдаленная наука» этой язвительности хватит на несколько сатирических стихотворений. Даже свирепейшим образом поднятый кулак не может заслонить большой и доброй души. Душа шире и крепче.

Книжка — это подарок. Но чаще всего мы любим дарить уже износившиеся вещи. И самому не в убыток, и другому радость. «Вовка «Дон-Жуан» — не такого рода подарок. Я хорошо знаком с Борисом Котляровым, и его книжка очень похожа на него самого. И повеселишься, читая, и познакомишься с хорошим человеком.

Конечно, я мог бы сочинить подробный разбор этой книги. Но мне кажется, что это не нужно. Нужно передать читателю то хорошее душевное состояние, в каком я пребывал, читая новую книгу моего друга.

Главнейшее в искусстве (я это уже неоднократно говорил) — беседа, обмен чувствами, переживаниями, радостью и горестями. И вот беседуют два хороших человека. Один хороший человек — это автор. А кто же другой хороший человек? Догадайтесь!

Я очень рад тому, что новая книжка Котлярова помогла мне снова побеседовать с ее автором. Это была очень полезная беседа двух друзей.

1964

[О ВСЕВОЛОДЕ БАГРИЦКОМ]

Прочел книгу Всеволода, сына моего друга Эдуарда Багрицкого, и подумал: сколько же еще не совсем раскрывшихся цветов таланта сожгла война! И поэтому книга Всеволода — это борьба за мир. Она вопиет о мире.

Сейчас Всеволоду было бы уже за сорок. Но ушедшие всегда остаются в том возрасте, в каком они оставили нас. И Всеволод для меня всегда был и навсегда останется тем беспокойным, жаждущим мальчиком, с которым я познакомился у его отца. Поколение, пришедшее после нас, достойно своего предыдущего поколения.

Я не собирался ни рецензировать, ни редактировать эту книгу. Я ощутил ее человеческое благородство и хочу это свое ощущение передать читателю.

Судьба Всеволода складывалась нелегко. В двенадцать лет он потерял отца. Ему было пятнадцать, когда несправедливо арестовали мать. Через год погиб любимый брат. Всеволод с горечью писал: «Мне скоро восемнадцать лет, но я уже видел столько горя, столько грусти, столько человеческих страданий...»

И вот перед нами книга Всеволода. Не забудьте, он не думал о ее издании. Самое замечательное в этой до конца правдивой книге — то, что Всеволод не потерял веры в жизнь и в будущее. 1 августа 1940 года он писал матери: «...Мы с тобой заживем счастливо и за-

будем обо всем: о пяти годах разлуки, о тяжелых днях, о тоске. Будущее наше, наше, и никаких гвоздей! Верь в это...»

В жизни Всеволода бывали минуты растерянности. Из-за плохого зрения он был освобожден от службы в армии, попал в эвакуацию, рвался на фронт, тосковал, и это настроение его отразилось в записях. Когда он наконец добился отправки на фронт, первое столкновение с войной потрясло его своей жестокостью: беженцы, замерзший ребенок, мать, укрывающая его ковриком, убитый, полузанесенный снегом солдат... Все это вместе с нелегкими довоенными воспоминаниями порой вызывало у Всеволода тоску.

Но это были только минуты, они проходили, и к Всеволоду возвращалось его молодое отношение к жизни.

16 февраля 1942 года он писал: «Чужие люди окружают меня. Мечтаю найти себе друга и не могу... И я жду пули, которая сразит меня». Но как характерно, что в тот же день он писал: «Очень трудна и опасна моя работа, но и очень интересна. Я пошел работать в армейскую печать добровольно и не жалею. Я увижу и увидел уже то, что никогда больше не придется пережить. Наша победа надолго освободит мир от самого страшного злодеяния — войны».

Это написано за десять дней до смерти.

Мужество и трогательность, неуклонность и застенчивость, любовь к друзьям и ненависть к врагу — этим волшебным светом просвечивает книга Всеволода Багрицкого.

Молодежь! Прочти ее, и ты сразу подружишься с молодым, талантливым, безвременно ушедшим от нас поэтом. Дружба с ушедшим ничуть не слабее дружбы живых.

1964

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ

Немало лет прослуживший в авиации, Борис Дубровин сумел создать стихи о людях наших Военно-Воздушных сил. Воздушный простор для героев стихов — «небесная лаборатория, где мы исследуем себя». Вот этому-то исследованию сердец, познавших меру опасности и отваги, посвящает поэт свое творчество. И когда мы читаем о летчике-испытателе, открывающем в машине такое, «о чем конструктор даже и не ведал», мы невольно задумываемся о судьбах героев этой книги. Мы теперь лучше знаем, глубже понимаем их высокий нравственный мир. Нет, не пешки, не роботы, а живые, интересные, своеобразные люди встают перед нами. Это те, кому доверено счастье планеты.

Расширился, углубился показ воинов-современников: в момент наивысшего напряжения боя, в час отдыха, в минуты раздумий. Вот почему стихи о любви и природе нашли в этом сборнике свое место.

Пример творческого пути Бориса Дубровина символичен: армия натолкнула его на первые поэтические строки, армия много лет — главная тема его произведений, армия помогает ему становиться глубже, зорче, строже к себе. Так преданность теме вознаграждает поэта. Хочется верить, что читатели тепло примут этот новый сборник стихов поэта, верного любимой теме — армии.

1964

ПОЭТ-ПЕСЕННИК

Поэт-песенник — высокое звание. И Михаил Матусовский с полным правом носит это почетное звание.

Цитата может обойтись без продолжения. Но если ты услышал хотя бы две строки мгновенно полюбившейся тебе песни, ты категорически требуешь продолжения. Поэтому я не буду цитировать ни одной песни Михаила Матусовского — таких популярных, таких полюбившихся. Их поют люди всех возрастов и всех профессий. Но особенно я люблю, когда их поют наши воины. Я много раз слышал их пение. И перед боем, и в дни мирной учебы. Михаил Матусовский — знаменосец этих песен. И мне радостно, что я где-то с ним рядом...

Часто бывает, что поешь любимую песню и не знаешь, кто ее автор. Так вот я во всеуслышание заявляю: «Автор этой, второй, третьей и многих других песен — Михаил Матусовский! Скажем ему за это свое солдатское спасибо! Пожелаем ему, чтобы этот бурный поток ни на минуту не ослабевал».

Песня — это и мать, и сестра, и любимая. И молодости без этих трех женщин никак нельзя обойтись. И если кто-нибудь с ними в разлуке, то песня — кратчайший путь общения с ними. Вот почему Михаил Матусовский нам с вами так дорог!

1964

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ РАБОТЕ ПИСАТЕЛЕЙ В ГАЗЕТЕ

Мне кажется, что самым большим недостатком всей советской поэзии является то, что мало пытаются создать новое, свежее. Скажем, такой факт: присоединение Западной Белоруссии и Западной Украины к Советскому Союзу — это же в истории нашей жизни единственный факт, первый такой факт; казалось бы, если послать туда человека, то он оттуда должен привезти совершенно замечательные вещи, потому что, когда видишь человека оттуда, свеженького, из-под помещика, то можно написать что-то замечательное.

И вот я читал все эти стихи. Ей-богу, я бы мог, сидя здесь, написать не хуже, даже не стараясь. Уж если ты ездил, то ты можешь и не сейчас написать, мы потерпим... Это грустный факт, даже непонятно, как о таких событиях можно писать столь посредственно. И я думаю, что это болезнь не только этой минуты, а, очевидно, общая болезнь нашей поэзии и наших поэтов; это, по-видимому, значит, что мы разучились самостоятельно подходить к этому делу...

Надо сказать, что у нас вообще существует ложное представление о том, что писать надо большие полотна... А получается не полотно, а просто много ситца, целые кипы ситца, а полотно не получается, потому что

к полотну нужно подходить с умением писать; у нас же эскизов, этюдов не делают, нет у нас этюдов, а пишут прямо на полотно. Вот откуда идет вся эта беда...

Мне кажется, когда собрались поэты из многих городов, то нужно подумать, как избежать этого производства ситца...

Вот произошло присоединение Белоруссии и Украины — и все стараются писать об этом. А между тем ни одной настоящей строчки об этих событиях, а эти события сами по себе необычайно волнуют. Поэзия находится ниже этих событий...

Я не сомневаюсь, что Джамбул очень хороший поэт, но переводчики думают, что Восток это обязательно рахат-лукум, поэтому они не делают разницы между Стальским и Джамбулом, а между тем она должна быть и, безусловно, есть. А в переводах все это очень расфасовано, нет типичного, которое свойственно этим народам. Очень жаль, что я не знаю этих стихов в оригинале, я не знаю языка, но мне жаль, что нет Брюсова. Мы бы тогда в его переводах поняли всю величину, всю художественную свежесть этих поэтов.

Я не люблю переводить, всегда от этого отказывался, а когда переводил, то посредственно. Переводчику тоже нужно быть талантливым...

Мы неправильно понимаем свою задачу. Мы обслуживаем население, а поэзия должна обслуживать поколение. Мне кажется, что вся наша беда именно в этом и заключается!

Товарищи говорят, что советские поэты ничего не сделали за десять лет, а ашуги есть. Ашуги это не наша заслуга, это заслуга времени, роста Советского Союза, роста народов. Мы в этом ничуть не повинны. Мы только посредственно переводим их. Это совсем другое явление, это явление национального роста наших народов.

Когда мы говорим о Западной Белоруссии, об Октябрьских праздниках, мне кажется, что мы их обудняем, они поэтому выглядят буднично в наших стихах. А задача поэзии показывать будни так, чтобы они выглядели как праздник.

Многие говорят, пусть будет девяносто восемь строк плохих и две гениальных, тогда все будет хорошо. Это неправильно. Мы созданы не для отдельных строк, а для стихов.

И еще одна страшная вещь происходит в поэзии: когда человек напишет плохие стихи о празднике, о параде, говорят, что это халтура; но стоит только написать что-нибудь о «любимой», то никогда не скажут, что это халтура; между тем есть страшно распространенный вид лирической халтуры, но этого мы еще не понимаем. У нас происходит дикая лирическая халтура, на которой люди выезжают, причем про них не говорят, что такой поэт — это халтурщик, но что он теплый человек; но ведь это же не тепло — это паровое отопление.

Так вот, борьба с такой лирической халтурой, которая обманывает подчас и довольно опытных людей, необходима, нужно бороться против нее, с тем чтобы не допустить такого лирического халтурщика к овладению поэтическим хозяйством.

Еще говорят — по кому равняться, у кого учиться? Но, честное слово, никто этого не знает. Все это, может быть, очень пессимистически звучит, но черт его знает, как мы на самом деле учимся. Для меня, например, Маяковский любимый поэт с 1920 года, но я никогда в жизни ему не подражал. Восхищаться им я могу, но я не могу сказать, что я у него учился, потому что я поэт совсем другого плана.

⟨1939⟩

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД КОМСОМОЛЬЦАМИ КРАСНОПРЕСНЕНСКОГО РАЙОНА Г. МОСКВЫ

Три десятка лет тому назад в Днепропетровском (тогда Екатеринославском) молодежном клубе раздался громкий мальчишеский голос: «Ребята! Знаете, как мы теперь называемся?»

Мы обернулись. Это был Миша Леонов — наш делегат на всеукраинский съезд молодежи. Он только сейчас вернулся из Харькова.

Мы с огромным любопытством смотрели на него. Он медленно и торжественно произнес: Мы теперь называемся... И замолчал. Он умел выдержать паузу — этот семнадцатилетний парнишка. Мы сгорали от нетерпения. И наконец он произнес полностью всю фразу: «Мы теперь называемся — Комсомол». Мы ровным счетом ничего не поняли. Мы этого слова никогда раньше не слышали. Уже через полчаса нам это слово стало близким и родным, настолько близким, что мы до конца дней с любовью пронесем его, настолько родным, что оно будто сопутствует нам с самого дня нашего рождения, но тогда... тогда мы умоляли Мишу сообщить нам секрет этого таинственного слова, и наконец он сжалился:

«Комсомол — это значит — Коммунистический Союз молодежи!»

И вот прошло уже тридцать лет с тех пор, как я впервые услышал это слово. Из безусого мальчишки я

успел превратиться в весьма пожилого товарища, многих из моих тогдашних друзей уже нет на свете — комсомольская школа борьбы не обходилась без жертв, кулацкие восстания в то время происходили одно за другим, гражданская война продолжалась, партия вела Комсомол через испытания к победам.

А в тот день ребята взяли с меня обещание немедля написать торжественные стихи, посвященные Комсомолу. Я их читал на следующий день...

Стихи были наивные, но моим молодым друзьям они казались классическими. Ведь Комсомол только рождался, комсомольские поэты были на вес золота, а на весь Днепропетровск было всего три комсомольских поэта: я, ныне здравствующий поэт Михаил Голодный и погибший в Отечественную войну Александр Ясный.

Тридцать лет прошло с тех пор, как мы посвятили свои жизни Комсомолу. Эта кровная связь никогда не прервется. Тема — Комсомол — для поэта это тема на всю жизнь. Комсомол, с достоинством носящий оружие советского воина, строящий города, ближайший помощник великой партии...

Тысяча девятьсот сорок восьмой год. (Это уже, безусловно, не воспоминания, это действительно происходит сейчас!) Ярко освещенный электричеством клуб писателей. Вечер для комсомольцев Краснопресненского района. Секретарь райкома представляет меня собравшимся. Аплодисменты.

По всем законам природы — прошло тридцать лет. Но если эти годы для меня как для художника действительно *прошли*, значит, я как художник кончился. Тема комсомольской юности всегда со мной, и я эту тему никому отдавать не собираюсь. Я могу ее только разделить с товарищами.

Но как бы там ни утешаться, а непосредственность, ясность и широко открытый взгляд на мир, свойственные Комсомолу, с годами у нас несколько притупляются. В моей работе порыв иногда заменялся пафосом, широко открытый взгляд нуждался в очках, и как только я это замечал, я старался беспощадно изгонять это. Сердечную теплоту никогда не заменишь теплотой парового отопления.

В очень хорошей кинокартине «Молодая гвардия» есть, мне кажется, один недостаток. Не знаю, правильно ли я выражаюсь, но этот недостаток — «нарочность» некоторых мизансцен. Я вижу подсветку, вижу предварительную работу над кадром, вижу артиста, а не комсомольца. Это очень красиво и впечатляюще, но здесь искусство заменило жизнь, а не вошло в нее. Так мне кажется. Во всяком случае, при этих кадрах я не сидел зачарованным. Чувствовалось превосходство романа над картиной, чего в других местах не замечалось.

Юность — это то волшебство, без которого наше искусство жить не может. Не надо забывать о том, уже, правда, архаическом, но необходимом для художника чувстве, которое наши классики называли вдохновением. Что-то мало мы говорим о нем. Оно и приводит к тому волшебству, которое покоряет нашего зрителя и читателя.

Комсомол — неисчерпаемый арсенал этого волшебства. И если вы хотите, чтобы на весах были уравновешены искусство и те грандиозные события, свидетелями и участниками которых мы являемся, то положите на одну чашу весов народную любовь, а на другую — свою непрекращающуюся юность.

⟨1948⟩

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ ДЖЕКА АЛТАУЗЕНА

С большой грустью я узнал о гибели этого молодого, талантливого и удивительно жизнелюбивого человека. Это был хохотун в самом лучшем смысле этого слова. Он смеялся неудержимо, необычайно по-доброму и так заразительно, что человек с самым дурным настроением в его присутствии становился таким же веселым, как и сам Джек Алтаузен.

Его необычное для России имя Джек произошло оттого, что он родился в Лондоне, где он прожил не дольше своего ясельного возраста.

Я познакомился с ним в Москве, когда он только начал складывать азы в советской поэзии. А затем весь процесс его творческого роста происходил на моих глазах. И все время, от ученической поры до овладения мастерством, его никогда не покидало чувство гражданственности в своей литературной работе. Не тихая венозная, а кипучая артериальная кровь билась в его творчестве.

И, думая о моем большом, пусть и более молодом друге, я благоговейно склоняю голову перед памятью о нем. И в заключение я хочу прочесть отрывок из его поэмы «Безусый энтузиаст», в котором очень четко видна та преданность делу, которому отдал Алтаузен всю свою жизнь.

⟨1940—1950-е годы⟩

СЛОВО ПОЭТА

...Я буду говорить о том, что меня волнует и о чем мы мало говорим, когда собираемся вместе.

...У нас немного потребительское отношение к поэзии. Вот сегодня где-то происходит «то-то», а завтра в другом месте — другое, и мы спрашиваем: «Поэт, где твой отклик?» Но ведь бывают разные люди. Маяковский откликался мгновенно. А я — не могу, не умею.

Однажды Маяковский встретил меня и говорит:

— Я читал ваши стихи в «Известиях». Это — гадость. Вы не умеете писать агиток. И не пишите! Я умею — я пишу!

...Мы требуем положительного героя везде и во что бы то ни стало. Но вот Гоголь написал «Ревизора» против взяточников. Прошло сто с лишним лет. Как мы оценим конкретную пользу «Ревизора» или «Мертвых душ»? Ведь там нет ни одного положительного героя! Так неужели Гоголь любил Россию меньше нас с вами?!

Значит, и со знаком минус можно писать большие произведения. Это моя точка зрения. И я хотел о ней сказать.

Я пишу пьесу. Какова моя задача или, вернее, «сверхзадача»? Я хочу, чтобы зритель, уйдя из театра,

стал на полногтя лучше. Если слепить каждые «полногтя», то в общей массе это «лучшее» достигнет немалой величины.

...Вот Москва — святое для нас место. В Москву можно приехать из Архангельска и из Харькова, то есть существуют совершенно разные подъезды к одной и той же цели. В поэзии — как и в жизни.

Я себе представляю дело так: заседает правительство, говорят — у нас в Союзе столько-то миллионов пенсионеров, обдумывают — как сделать, чтобы они жили лучше? Выступает министр финансов, говорит: «Это дело трудное, нужны миллиарды!»

Я художник. Но я не вижу ни миллионов, ни миллиардов. Я вижу одну нашу уборщицу, которая весьма довольна, что получает сейчас 300 рублей, вместо прежних 215. От нее я иду к общему.

Вы понимаете, насколько это разные подходы. Я не могу представить себе трех миллионов жаждущих, если не вижу конкретно трех из них. Мне необходимо видеть трех из трех миллионов!

...Если лимонад притворяется шампанским, я все равно от него не хмелею. Как часто это бывает у нас в поэзии! Когда встречаешь знакомого, спрашиваешь: «Как твоя жизнь?» А художник, встречая художника, должен спрашивать: «Как твоя бессонница?» Я так люблю, когда художник — нервный, восприимчивый, острый!

...У нас говорят — «отряд советских поэтов». А поэт — это командир отряда. Он ведет читателей за собой. А если наш Союз писателей — отряд, ну ладно, пойду в президиум заседания — постою на часах и уйду... Настоящий художник — не рядовой в отряде. Я хочу, чтобы мы по-серьезному определяли роль писателя.

...Когда поэт сам про себя говорит: «Я пишу на пользу отчизне»,— мне странно слушать эту нескромность. Ты должен быть до краев наполнен любовью, не подозревая этого. Тогда получатся стихи. Иначе они не получаются!

...В общем, какие бы мы слова ни придумывали, чтобы поднять еще выше нашу поэзию, дай нам бог одного — настоящей творческой бессонницы.

1957

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО ЛЕНИНГРАДСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ

Прошло много лет с тех пор, как я впервые приехал в Ленинград. Это было в 1925 году. Я был тогда еще совсем молодым. А сейчас, мягко говоря, я не совсем молодой. А зачем же говорить жестко? Говорите мягко — не совсем молодой. У молодежи есть такое свойство — она считает, что старики так и родились стариками, а молодость всегда была и будет молодой. Так и я считал. Никогда я не думал, что я доживу до того периода, когда людям понадобятся мои воспоминания. А ведь дожил! Так и вы доживете!

Я мог бы вам рассказать о том, как я в девятнадцатом году на Украине вступил в Комсомол, как я прожил последующие годы, как строилась Советская страна, что было хорошего и что было плохого, что я видел на Отечественной войне, но ведь у телевидения ограниченные сроки, так же как у нашей жизни.

Чем хорошо телевидение? Тем, что я сразу беседую с миллионом друзей. В чем его недостаток? В том, что меня видят и слышат, а я никого не вижу и не слышу.

Вернее, слышу, но не вижу. Глядя на ленинградский Комсомол, я продолжаю слышать голоса девятнадцатого года. Я вспоминаю героических комсомольцев Триполья, которые были моими друзьями. Я вспоминаю

комсомольцев, строивших Комсомольск-на-Амуре, которых я знал по имени, отчеству и фамилии...

Всегда старики брюзжат: «Эх, в наше время!» Позвольте же и мне сказать: «Эх, в наше время!» В наше время на любимую смотрели, как на мировую революцию: Ты — самая желанная! А сколько я сейчас знаю случаев, когда любимый смотрит на любимую, как на революцию местного значения! Не правда ли, что многие Ромео и Джульетты стали обывателями?

Не сдавайся, Комсомол! Если благородство перестанет быть твоим знаменем, ты перестанешь быть Комсомолом. Если Ленин — чистейший человек на свете — перестанет быть твоим зеркалом, от твоего зеркала останутся только осколки. Относись к борьбе, к идеям, к самопожертвованию, к любви, к женщине так, чтобы самые изысканные английские джентльмены почувствовали себя рядом с тобой самыми обыкновенными дворняжками.

Я очень люблю Комсомол. Если я даже, допустим, достигну возраста Джамбула, я все равно буду участвовать в комсомольских кроссах, и я не добуду первенства только потому, что я все время буду наступать на свою длинную, седую бороду.

Ленинград двадцать шестого года! Я был секретарем комсомольской газеты «Смена».

Секретари! Любые секретари! Не учитесь у меня образцовой работе. Вы не заслужите благодарности читателя.

И все равно я любил. Не умеючи, угловато, с пятого на десятое, но я любил. Я любил эти сырые гранки, в которых я что-то сообщал комсомольцам, любил развешенную на стендах газету, в создании которой я принимал какое-то участие, любил кировцев, которых раньше называли путиловцами, любил белые ночи,

любил красное знамя, под которым погибло так много моих товарищей, и над этим знаменем светило солнце. И лучше бы погасло солнце, чем померкло мое знамя.

Ох, и брюзжат старики! Я принадлежу к их числу. Когда-то я думал, что старые люди не оценивают моих комсомольских достоинств, а сейчас, я уверен, вы убеждены в том, что я не оцениваю ваших достоинств.

Вы не правы. Я оцениваю ваши достоинства. Чтобы точнее определить их, я поехал на целину, на Алтай. Я там увидел очень много хорошего и довольно много дурного. Но, несмотря на дурное, я видел знамя, которое ничуть не склонилось, а поднялось еще выше. И может быть, я (обращаюсь к вам, комсомольцы) слишком льстиво о вас написал? Не повредит ли это вам? Есть ведь такие домашние хозяйки, которые воображают, что они своим обедом кормят все человечество. А все человечество для них заключается в муже, который не представляет никакого интереса для человечества, и в детях, которых они испортили по мере возможности.

Идея — это океан. И как только делаешь из нее бассейн для домашних потребностей, вода сразу мутнеет. Куда идешь? Для чего живешь? Не считаешь ли ты тропиночку главной дорогой? Стоит только одной параллельной линии хотя бы на одну сотую миллиметра отклониться от другой — и через некоторое время между линиями появляется страшное расстояние. Идея параллельна жизни. Не допускайте, чтобы они отклонились друг от друга.

Почему я вам все это говорю, ленинградские комсомольцы? Потому что я принадлежу вам, как старый мотор новому автомобилю. Я еще послужу вам, ребятки! На счетчике уже много тысяч километров, а мотор

фыркает, а тянет. Ну и пускай фыркает, брал бы высотки!

В прошлом году исполнилось тридцать лет со дня написания мною «Гренады». Это было задолго до исторических событий в Испании. *(Читает стихотворение «Гренада».)*

Прошло время. Каховка, которую я знал как плацдарм гражданских боев, стала гордостью Советского Союза, символом его побед, радостью его граждан. И я о ней — о старой Каховке — написал песню. *(Читает «Песню о Каховке».)*

О гражданской войне, о героическом Комсомоле, плотью от плоти которого я являюсь, я написал пьесу «Двадцать лет спустя», которая шла у вас в Ленинграде дважды: в 1940 году и недавно, в 1956 году.

А скоро, через неделю, вы сможете увидеть в театре Ленсовета мою новую пьесу «С новым счастьем». Она поставлена молодым режиссером Оскаром Яковлевичем Ремезом. И эта пьеса посвящена комсомольцам, с которыми я, наверное, никогда не разлучусь.

Легенды имеют одно свойство — их не замечаешь, когда они творятся. Но пройдет короткое время, и об историческом подвиге Комсомола — об освоении целины родятся легенды. Я постарался в меру своих сил показать этот подвиг в своей новой пьесе. На роль Алексея приглашен артист Ленинградской эстрады Герман Орлов. Это его первая роль в драматическом театре. Роль Кати исполнит артистка Агния Еликоева. *(Исполняется отрывок из спектакля.)*

Вы видите, что я — автор пьесы о молодежи — на самом деле являюсь весьма пожилым товарищем. Я принадлежу к поколению, предшествовавшему вашему. Но ведь и мое поколение в свое время было молодым, и ему также предшествовало старшее поколение — по-

коление старых большевиков, поколение людей, ковавших Октябрьскую революцию. И сейчас я с любовью уступаю трибуну одному из представителей этого славного поколения — старому большевику Евгению Петровичу Онуфриеву — делегату Пражской конференции, которая собралась сорок пять лет назад.

1957

ПРИВЕТСТВИЕ Л. С. СОБОЛЕВУ

Дорогой Леонид Сергеевич!

Ты сегодня находишься в обществе своих шестидесяти лет. Все эти годы — твои старые и верные друзья. Они наденут свои чистые добротные костюмы, повяжут галстуки (никоим образом не пестрые) и придут в тот зал, где тебя будут чествовать. Они будут гордиться тобой.

Не было среди твоих лет полустанков. Бывали станции, но, как известно, на самой большой станции поезд стоит не больше двадцати минут. Все время — движение!

Тебе — шестьдесят. Ты меня объехал на пять станций. Это вовсе не значит, что мы с тобой не встретимся — дорога-то у нас одна, направляемся-то мы к одной цели.

Где бы я тебя ни встретил — дома ли, на улице, в Союзе писателей,— мне всегда кажется, что я стою на борту корабля — уж больно ты просолен морским ветром! Не помню, в каком чине ты был на флоте, но в нашей литературной эскадре ты — капитан одного из наших лучших кораблей. Пусти меня на свой капитанский мостик! Меня уже давно не обдавали соленые брызги.

Я не знаток в морском деле. Мое плавание всегда было каботажным, твое — в открытое море.

Мы всегда смотрим в прожитые годы, как в телевизор. Много помех (память не всегда точна), но изображение прошлого довольно точное. Сегодня передача, посвященная тебе. Наконец-то телевидение стало работать лучше!

Но не нужно слишком увлекаться прошлым. Посмотри вокруг себя. Ты окружен читателями. То, о чем мечтал в детстве, достигнуто. Ты мечтал плавать по морям. Ты плавал. Ты никогда не мечтал стать Робинзоном Крузо. Ты бы задохся без человечества. Ты мечтал стать хорошим писателем. Ты им стал.

Для того чтобы взрастить сады, надо сначала завоевать землю. Ты ее завоевывал. Для того чтобы покорить океан, надо стать сильнее его. Ты был одним из тех, кто стал сильнее.

Передо мной такая картина. Мой друг — старый, добрый моряк после долгого и бурного плавания пришвартовывается к моему стихотворению:

Сады пред бурей не склонили ветки,
Они в борьбе с ветрами не устанут.
И наши годы, не как птицы в клетке,
Они летят, лететь не перестанут.

Не тихонькими жителями плеса
Живем, и штормы нас не покорят...
Над палубой несутся альбатросы,
Мы сосчитаем их — их ровно шестьдесят.

⟨1958⟩

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕКЦИИ ПОЭТОВ

Весьма часто и в передовых статьях «Правды», и во всей нашей печати мы можем встретить фразу: «вдохновенный труд советского человека». Касается ли это какого-нибудь экскаваторщика, или колхозного бригадира, или мастера обувной фабрики — все равно, партия зовет к *вдохновенному* труду, и только наша поэтическая секция постоянно избегает и боится этого понятия.

Я говорю о вдохновении не как о «божественном глаголе». Я подразумеваю под вдохновением просто-напросто творческое возбуждение. Оно, это возбуждение, также отнюдь не божественного порядка, оно является в результате накопленного опыта, богатства познанного материала, а также присутствия такого незначительного фактора, как талант. Поскольку я уже упомянул о таланте, мне хочется сказать о нем несколько слов. Я в советской поэзии, должен прямо сказать, прожил не всегда полезную, но долгую жизнь. И сколько раз мне приходилось, да и сейчас приходится, быть свидетелем того, как видимость таланта заменяла собой самый талант...

Мало того, часто бывает, что талантливые поэты пишут неталантливые стихи. Почему это происходит?

Потому что они приступают к своей работе с недостаточной наполненностью, без которой нет вдохновения, и вместо хорошо оснащенного судна получается примитивная лодочка. Поэт не сообщает нам ничего интересного, а только изрекает давно нам известные истины, да и истины подаются не всегда точно. В данном случае поэта постигает незавидная судьба того известного мальчика, который считал, что белые коровы дают молоко, а черные коровы дают кофе. И еще почему у талантливых поэтов получаются неталантливые стихи? Потому что для убедительности своей работы они ищут доказательств извне, а не изнутри, а это всегда неубедительно. Скажем, можно перечислить и зарифмовать массу туркменских или азербайджанских населенных пунктов, но Туркмению или Азербайджана мы не увидим. Можно в стихотворение десять раз вставить слово «коммунизм», но дорога к коммунизму от этого не станет короче. Декларативность не может заменить большого волнения. И если нашу работу сравнить с работой парового двигателя, то как часто сила нашего пара уходит на гудки, а не на движение.

И еще вот о чем мне хочется сказать — о нашем взаимном общении, творческом общении. Как известно, вся наша работа перенесена в секции. Это очень правильно, но и этого явно недостаточно. Все равно у наших поэтов продолжает доминировать хуторское хозяйство. Сейчас я объясню, что я под этим подразумеваю. Когда напишешь хорошее стихотворение (а когда оно хорошее, почти всегда чувствуешь), нет у тебя желания побежать к товарищу и поделиться радостной новостью, ждешь очередного собрания секции. А это ненормально. Кроме Союза, кроме клуба, кроме секции, существуют еще наши дома, и если бы мы по-настоящему вдохновенно работали, то живые ручейки бежали бы от дома к дому.

Наша проза завоевала любовь массового читателя, наша поэзия сделала это только частично. Получилось парадоксальное положение — мы у читателя можем узнать больше, чем он может узнать у нас...

Может показаться, что я говорю слишком абстрактно — ни одного примера, ни одного доказательства, я не привожу ни одной цитаты из публикуемых в печати стихотворений. Я это делаю сознательно, делаю не потому, что я боюсь испортить отношения с кем-либо из товарищей-поэтов. Гораздо хуже, если можно так выразиться, испортить отношения с самим собой. А они у меня, опять-таки если можно так выразиться, прочно испорчены. У меня в столе сейчас лежит восемь незаконченных стихотворений. Почему я их не могу закончить? В силу выше описанных свойственных нам недостатков — много пара истратил на гудки, мало угля подкидывал в топку. А ведь в этих стихах есть отдельные по-настоящему хорошие строфы и даже кое-где бьется неплохая мыслишка. Поэтому очень прошу вас — не подумайте, что я с годами становлюсь все более брюзгливым. Я по-прежнему такой же доброжелательный к вам — своим товарищам, но боюсь, что я эту доброжелательность начинаю терять по отношению к самому себе.

Я завидую, безмерно завидую товарищам, написавшим стихи о наших великих стройках. Мне кажется, что эти стихи недооценены, что не учтены обширность и величие темы, что вообще очень трудно впервые писать о новом. Конечно, эти стихи не во всем совершенны, но те, кто их написал, проложили пути и спасибо им за это — по лыжне легче идти, чем по свежему насту.

И закончить я хочу тем, с чего начал,— давайте делать то, к чему давно и настойчиво призывает нас пар-

тия,— давайте вдохновенно трудиться. И тогда все станет на место.

Вот те отрывочные мысли, которые я не сумел собрать воедино, но которыми я очень хотел поделиться с вами.

⟨1950-е годы⟩

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОБСУЖДЕНИИ ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЫХ СИБИРСКИХ ПОЭТОВ

Я очень внимательно прочел стихи сибирских поэтов. Как и в прошлый раз, когда обсуждался журнал «Сибирские огни», и я сейчас думаю, что сибиряки — это наши поэты первой категории. И я очень жалею, что все мои пометки на их рукописях пока что не реализованы. Нужен был подробный и продолжительный разговор, а получилась скомканная беседа.

И когда я председательствовал на этом собрании поэтов, я сразу все понял: подробно мы поговорить не успеем, и моя задача — создать такую атмосферу для сибирских поэтов, чтобы они этой атмосферой могли еще долго дышать. И поэтому я повел речь об общих задачах нашей поэзии, стараясь вместе с тем коснуться творчества отдельных поэтов.

Вывод, в общем, сводится к следующему: когда каждый из поэтов старается быть оригинальным, тогда эта оригинальность уже становится шаблоном. Сколько бы раз я ни употреблял слова: «кедрач», «мохнатый» и «сохатый» и в каком бы ракурсе я их ни показал, словарь мой будет тождествен словарю моих товарищей по ремеслу. И тогда меня не отличишь от других. Я не буду сейчас называть ничьих фамилий (я могу кого-то забыть, и, главное, я говорю, предупреждая многих

молодых поэтов), но я предупреждаю об опасности для поэтов общего словаря. Если язык обладает десятками тысяч слов, опасно эксплуатировать какую-нибудь одну-две сотни слов. Эта опасность угрожает многим поэтам, и, конечно, не только сибирским. И поэтому я, как говорится, «рыдая и ликуя», констатировал и одаренность этих поэтов, и опасности, которые их подстерегают.

Еще не все сибирские поэты уехали. Оставшиеся в Москве, в частности Перевалов, еще встретятся со мной для подробной и точной беседы. И после этой беседы я смогу более развернуто рассказать обо всех достоинствах и недостатках поэтов, с которыми я познакомился. Это послужит и на пользу молодым сибирским поэтам, и на радость нашей бухгалтерии, которой надо же что-то прикалывать к своим официальным документам.

21 марта 1961 г.

ПРИВЕТСТВИЕ Б. М. ФИЛИППОВУ

Дорогой Борис Михайлович!

Мы с полной серьезностью встречаем ваше шестидесятилетие. Но серьезность одна, сама по себе, существовать не может. Тогда она напоминает ЦДРИ или ЦДЛ в ночное время, когда там обитают только дежурные.

Улыбка и шутка должны пронизывать серьезность, как лавсан шерстяную ткань. Тогда человеческие отношения не будут мяться.

Мы хотим, чтобы вы в ваши шестьдесят лет гонялись за своим семидесятилетием, как мальчишка за футбольным мячом — весело, непринужденно и счастливо.

Сильные люди всегда добрые. И вы — добрый император двух царств — ЦДРИ и ЦДЛ. Вы всегда были за их сосуществование.

В нашем обширном словаре русского языка есть два самых красивых слова: «ПРАВЛЕНИЕ» и «ДИРЕКТОР». Так вот Правление приветствует своего директора. Одна звезда приветствует другую. Один океан приветствует другой. Только Правление — океан Атлантический, а вы — Тихий.

И вы нас, и мы вас хорошо знаем. Вы очень любите, когда начинающий писатель следует по стопам своего

талантливого старшего учителя. Но вы терпеть не можете, когда он следует по его стопкам.

Ваша жизнь, как яблоня, на которой созрело шестьдесят яблок. И ни одно из них не моченое.

Ваша жизнь, как шестьдесят экспрессов — при чудовищно быстром передвижении пассажиры спокойно спят.

Если бы мы писали детектив, мы бы вас сделали главным преступником — то вы скрываетесь под личиной ЦДРИ, то под личиной ЦДЛ. Но никогда еще на земле не было и никогда не будет более милого, доброго и честного преступника.

Обнимаем вас, дорогой Борис Михайлович!

⟨*1963*⟩

НЕДЕЛЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ!

Ребята!

Мне кажется, что вся моя долгая жизнь — это неделя детской книги. Потому что незабываемы и всегда со мной герои тех книг, с которых я начал свою жизнь, свое воспитание, свое отношение к людям и действительности. И чеховский Ванька Жуков, пишущий письмо «на деревню дедушке», и Гулливер Свифта, осмеивающий человеческие пороки,— мне кажется, что они не покидали меня ни на минуту. А что уж говорить о Томе Сойере и Геккельбери Финне Марка Твена!

Наши советские писатели, пишущие для детей,— прекрасные писатели. Я дружил с Аркадием Гайдаром и с его семьей. По-моему, не было лучше человека и детского писателя лучшего, чем Аркадий Гайдар. Я знаком и дружу почти со всеми современными советскими детскими писателями. Но ведь до победы Советской власти в России были считанные детские писатели, да и те куда слабее наших современных советских. Поэтому я в своем детстве читал больше зарубежных писателей. Я завидую вам, современные дети. Вы можете через книгу больше вникнуть в свою жизнь, острее понять, что происходит на свете, вам книга современного советского детского писателя поможет прочнее и сердечней общаться с товарищами.

Ваши каникулы начинаются на границе зимы и весны. Таким образом вы сразу завоевываете два государства — Зиму и Весну. Поздравляю вас, победители! И в эти каникулы вы справляете «книжкины именины». Убежден, что вы их справите не хуже, чем свои собственные. Книга заслуживает этого.

Нескончаем порыв единый,
Громогласно звучит «ура!»,
Справить книжкины именины
Собирается детвора.

Пусть же будет наш праздник ярок,
Флаги радости мы взовьем,
Мы любовь нашу, как подарок,
Каждой книге преподнесем!

⟨1950 — нач. 1960-х годов⟩

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО МОСКОВСКОМУ РАДИО

...Сейчас я обращаюсь к нашей молодежи. И, честно признаюсь, с большой печалью вспоминаю о том времени, когда ко мне обращались как к молодому гражданину, как к молодому поэту. У меня были чудесные современники в моем ремесле. Такие замечательные наши поэты, как Маяковский и Есенин, обращались со мной, как с молодым. И вот прошло время, и я, наполненный возрастом человек, сам обращаюсь к молодежи. Границы между возрастами я так и не заметил. Что же я могу сказать молодежи? Что бы вы ни делали, чем бы ни занимались, старайтесь создать такую атмосферу, чтобы творческое состояние заняло большую часть вашей жизни. Я, к сожалению, не всегда соблюдал это необходимое правило. Соблюдай я его, я бы сделал куда больше полезного, чем сделал.

И еще одно необходимое правило — не соблюдайте принципиальность в мелочах. Принципиальность в мелочах — это оружие обывателя. Как часто мы слышим: «Нет, это я принципиально!» — а речь идет о каких-то пустяках. Принципиальность — это оружие, которое, как всякое оружие, нужно держать в чехле. Обнажать это оружие нужно только для большого сражения или для опасной разведки. Сколько мы ни знаем великих людей — это люди великой и гордой принципиально-

сти. Годы, которые мне еще предстоит существовать рядом с вами и для вас, я и думаю посвятить этой большой принципиальности. Я очень хочу, чтобы вы поверили моим желаниям и их осуществлению.

На этом я и кончаю свои старческие рассуждения и перехожу к стихам.

⟨1950—нач. 1960-х годов⟩

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ ПО СЛУЧАЮ СВОЕГО 60-ЛЕТИЯ

Если бы мне тридцать лет назад сказали, что вы меня спустя тридцать лет так встретите, то я бы и тогда понял, что я жизнь проживу не зря.

Я даже могу вам точно объяснить, почему вы меня любите. У меня есть одно волшебное качество — я могу прожить без необходимого, но без лишнего я прожить не могу. И вот так я и живу всю жизнь. Это мне никаких затруднений не доставляет. И вот так я и живу, и пишу, никто другой за меня не пишет.

Не так все легко пишется. А иногда мне кажется, когда не работается, что-то не получается, что жизнь — это густо заселенная пустыня. Без людей я не могу. И с людьми я не всегда могу.

Поэтому не хочу вас задерживать, рассказывая вам какие-то основные принципы моего бытия. Может быть, я их не осознаю, может быть, с хода их придумал. Но думаю, что я работаю правильно и доставлю вам еще немало радости.

Для того чтобы вам доказать, что я говорил, я вам прочту какие-то смешные и странные стихи, но они в моем плане, их надо еще немного делать, но это не имеет значения.

1963

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ

Я вам очень благодарен за все те теплые слова, которые вы мне сегодня сказали. Признаться честно, я даже несколько удивлен таким хорошим вашим отношением ко мне, ибо, как вам известно, последние годы я писал непростительно мало. Единственным моим утешением является сознание того, что писать непростительно мало все же несколько лучше, чем писать непростительно много. И вообще если бы стихи стали принимать на вес, то я по лености своей просто стал бы писать их на более плотной бумаге.

Я хочу обратиться главным образом к людям своего поколения. Тридцать лет мы провели вместе, товарищи! Мы были спутниками нескольких поколений в советской литературе, и тридцать лет — это уже такой срок, что почти невозможно покинуть друг друга. Мы — коллектив навеки. Мы часто встречаемся на разных собраниях, главным образом на общих. Но на общих собраниях нас интересует главным образом повестка.

А вот на таких собраниях, как наше сегодняшнее, будь это мой юбилей или чей-нибудь другой, мы начинаем понимать, как мы друг другу дороги. И вот сейчас, глядя на вас, собравшихся поздравить меня с невеселой датой, я думаю: не дай бог мне потерять кого-

нибудь из вас! И так же, я полагаю, думает каждый из вас. За житейскими волнениями не всегда разглядишь душу товарища, а разглядеть ее нужно. Будем преуспевать в этом деле, товарищи! Можно общаться не только через Союз, не только через секцию, но есть еще самый простой и самый лучший способ общения — личный. Я помню те времена, когда, бывало, напишешь стихотворение и тут же бежишь к товарищу, спрашиваешь: «Ну как? Ничего?» Может быть, это можно объяснить тем, что тогда не было секций. Но секция плюс личное общение — это не так уж плохо. Я свой первый именинный бокал подниму за личное общение. Человеческий век короток, и нельзя встречаться только на общих собраниях.

⟨1963⟩

СКАЗКИ

ПОВЗРОСЛЕВШИЕ СКАЗКИ

Человек в своей короткой жизни бывает счастлив дважды: в первый раз, когда он слушает сказки, во второй раз, когда он их сочиняет.

Наша денежная реформа не застала меня врасплох. Уже несколько лет я мечтал написать повесть о том, как некий Рубль разбился на десять гривенников, и о невероятных приключениях этих гривенников. И — вдруг денежная реформа. И число «10» в этой реформе.

Думается, что это не случайное совпадение. Много лет тому назад я написал «Гренаду», после чего произошли всем известные события в Испании. Затем я написал «Каховку», после чего там выросла великая гидростанция. И вот совсем недавно я написал стихотворение «Голоса», которое удивительно подошло к запуску нашей ракеты на Венеру, хотя ни я, ни редактор об этом событии даже не подозревали.

Все это я говорю вовсе не из хвастовства. Просто мне кажется, что во мне есть нечто от прорицателя. И я искренне удивляюсь тому, что ко мне не съезжаются политические деятели разных стран, с тем чтобы я предсказал им их будущее.

Хорошие люди, когда приходит их смертный час, предпочитают, чтобы их хоронили в ненастную погоду. Они любят, чтобы ноги друзей и родственников, про-

вожающих их в последний путь, чавкали по грязи или мерзли от свирепого холода.

Они любят, чтобы в автобусе, в котором они приехали на кладбище с Ним и уехали без Него, было очень душно или очень холодно.

И в этом нет никакого эгоизма. В этом есть свой благородный человеческий расчет.

Они хотят, чтобы тряска автобуса, чтобы неожиданный прокол шины, чтобы ругань шофера, чтобы возмущение пассажиров (поскорее бы очутиться в тепле!) или неожиданно хлынувший ливень задержали друзей и родственников в пути. Они хотят, чтобы все эти мелкие неприятности отвлекли близких живых людей от их большого горя.

И они правы. Разве мы не замечали, что на обратном пути наступает момент какого-то странного веселья, что пассажиры оживленно разговаривают и что некоторые поминки звучат сильнее, чем некоторые свадьбы.

Лил проливной дождь, когда Никанор Иванович Пастухов, работающий официантом в кафе на пятнадцатом этаже гостиницы «Москва», хоронил свою жену. Он равнодушно прожил с ней около сорока лет, но смерть заставила его полюбить ее. И вот он уже два дня плакал искренними слезами, чего никогда не делал при живой жене.

Он посмотрел на свои ботинки. Они были сплошь в мокрой глине. Да и костюм был в глине.

«В таком виде нельзя являться на работу»,— подумал он. Потом он подумал, что у него нет средств на поминки, потом он подумал, что шеф Петр Семенович не сделает ему выговора (смерть жены — уважительная причина), что инвалиду выдали специальный автомобильчик, потом он вспомнил, что для детишек его

дома строят спортивную площадку, потом он вспомнил, что у чистильщика обуви на углу есть специальная будка, и только потом он вспомнил о своем горе. Он окликнул свое горе, но оно не откликнулось, оно осталось на кладбище.

Он посмотрел в окно. Он увидел огромные, недавно выстроенные кварталы домов.

«Почему же я их раньше не заметил?»

Он был простой человек и не знал, что на пути к прощанью ничего не замечаешь, а на обратном пути начинаешь кое-что замечать. Он увидел, что дома построены квадратами и в каждом квадрате зеленеет большая площадка, а на одной из площадок он увидел бассейн, в котором, несмотря на дождь, плескались ребятишки.

Никанор Иванович заметил, что ни у одного дома нет ворот. «Да и к чему они — ворота!» — подумал он.

Дождь прекратился, когда он подъехал к Охотному ряду. На углу рыли тоннель для прохожих, и так как Никанор Иванович принадлежал к племени прохожих, он подошел посмотреть.

Фыркали какие-то машины, скидывали бедную землю с ее вековой постели, и какой-то человек бегал по краю огромной ямы и что-то кричал.

«Должно быть, прораб»,— подумал официант, но тут же вспомнил, что опаздывает на службу...

Швейцар сочувственно встретил его.

В служебной комнате он увидел накрытый стол. Его украшали несколько бутылок вина, блюдо с ветчиной и неожиданная ливерная колбаса (в кафе ее не подавали). Стол был рассчитан, как говорится, на восемь кувертов.

— Натюрморт,— сказал Никанор Иванович.

Этому слову научили его знакомые художники, посещавшие рестораны. Как-то он встретился с ними

в вестибюле, где действительно висел натюрморт. Художники, подвыпив, решили позабавиться и хоть вскользь посвятить официанта в тайны своего искусства.

— Это натюрморт,— сказал один из них, указывая на картину.

Никанор Иванович ничего не понял.

— Натурморт? — спросил он.

— Натюр, а не натур!

— Натюрморт,— согласился официант.— А вот скажите, если бы вместо этого жареного тетерева на столе была бы нарисована вареная курица — это тоже натюрморт?

— Тоже.

— А если было бы нарисовано обыкновенное мясо, говяжье там, баранье или телячье,— тогда как?

— Натюрморт.

— А если бы никакого мяса не было?

— Натюрморт.

И тогда он понял, что в живописи произошла большая перемена — любая картина теперь называется «натюрморт».

И когда он однажды, работая не в ресторане, а разнося блюда по номерам в сопровождении начинающего официанта, увидел на шестом этаже какую-то батальную картину, он торжественно произнес: «натюрморт».

Начинающий официант притворился, что понял...

Никанор Иванович снова удивился накрытому столу и главным образом тому, что за этим столом никого не было.

Он сел, склонил голову на руки и слегка задремал. И ему показалось, что весь его сегодняшний день перенесли на холстину:

дождь — натюрморт,

дорога — натюрморт,

автобус — натюрморт,
гроб — натюрморт,
кладбище — натюрморт,
и вся его прошедшая жизнь — натюрморт,
и его покойная жена Евдокия Марковна, уроженка Смоленской области,— самый главный натюрморт.

Полусонные слезы потекли по его щекам.

Его разбудили приближающиеся голоса. Вошло несколько официантов во главе с метрдотелем.

— Не удивляйся, мы решили устроить поминки по твоей Евдокии Марковне. Пусть мы с тобой находимся на разных служебных ступеньках, но все мы детали одной лестницы, называемой жизнью,— несколько высокопарно произнес метрдотель, недавно прочитавший четыре стихотворения Рабиндраната Тагора.

Все уселись за стол.

— Не больше, чем по одной,— сказал метр.— Вы на работе. А тебе можно и вторую — у тебя горе.

Вино разлили по бокалам.

— Памяти Евдокии Марковны! — сказал метр. Какой-то официант потянулся к нему чокнуться.

— На поминках не чокаются,— строго сказал метр.

Выпили тихо.

— Постарайся забыть свое горе,— продолжал метр.— Но это вряд ли тебе удастся. Я вот уже двадцать лет не могу позабыть собственное горе.

Но один молодой, уже подвыпивший официант пафосно произнес:

— Не желаю я пить за покойных! Я желаю поднять тост за живых, за их дела, за их будущее! Ура-а-а! — завопил он во всю свою молодую силу.

— Дисциплинированный официант не имеет права кричать,— получил он замечание от метра.— Дисцип-

линированный официант даже слово «ура!» должен произносить тихо.

— Ура! — шепотом прокричал дисциплинированный официант...

В ресторане наступили часы «пик». И если до этого официанты покидали подсобку небольшими группами, то сейчас, подчиняясь авралу, они оставили бедного Никанора Ивановича в полном одиночестве.

За стеной играла музыка, веселилось подобие человеческого счастья, а он, грустный, сидел за столом и получал удовольствие от своей грусти. В таких случаях всегда тянет к поэзии.

Он помнил только две строки двух разных стихотворений. И сейчас он вычерпал до дна весь свой кладезь поэзии.

«Средь шумного бала, случайно...» — подумал он о себе под музыку и под шелест танцев в соседнем зале. И выпил.

— Извиняюсь, что без тебя, Евдокия Марковна,— сказал он и налил следующую. Он вспомнил начало своего романа с покойной супругой.

Она полюбила его как поэта. Дело в том, что Никанор Иванович (тогда еще Никочка) вычитал где-то стихотворную строчку «Встречая новую зарю» и подгонял эту строчку под все случаи жизни. Скажем, его угощали вином. И тут же рождался экспромт: «Встречая новую зарю, вас за вино благодарю». Угощали папиросой, и к неизменной строчке «Встречая новую зарю» прибавлялась новая: «Вас за табак благодарю». Когда давали чаевые: «За денежки благодарю»... И так во всех случаях жизни.

Это покорило Евдокию Марковну (тогда еще Дусю). Рифма есть, значит, и поэт есть. И она согласилась совершить с ним загородную прогулку...

Вечерело. Облака — эти одеяла господа бога — накрывали землю. Было очень тепло.

На пустынной лужайке в лесу они уселись на траву. Никанор Иванович любил траву больше деревьев. На деревьях объясняются в любви только птицы и обезьяны. На траве в любви объясняются люди. И Никочка объяснился. Набравшись храбрости, он предложил:

— Не разделите ли вы со мной свое будущее?

Любовь была велика, но Дуся все еще сопротивлялась:

— А если ваше будущее — тюрьма, так мне что — вам передачи носить?

Никанор растерялся, но спасительная поэзия пришла ему на помощь. «Встречая новую зарю, вас за любовь благодарю»,— выпалил он, и Евдокия сдалась. И сейчас же ему расхотелось жениться. Греческая богиня любви Афродита была тут ни при чем, но они поженились и прожили вместе около сорока лет. Детей у них не было...

«Как там они без меня справляются?» — подумал Никанор Иванович и нетвердыми шагами покинул подсобку.

Он мутнеющими глазами осмотрел зал. Почти всех танцующих он знал. Они были ему неинтересны. И скучно, невыносимо скучно стало ему. Хоть бы какой настоящий авантюрист попался! Он продолжал озирать зал в поисках какого-нибудь настоящего авантюриста.

Его внимание привлек весьма пожилой, одиноко сидящий за столиком человек. Две опорожненных бутылки коньяка стояли перед ним. К нарезанному лимону он, очевидно, и не притронулся. Он лениво смотрел на танцующих и думал какую-то никому не известную думу.

Никанору Ивановичу этот человек показался подозрительным.

Почему люди пьют? Потому что, когда они выпивши, им кажется, что они обладают неограниченной властью. И Никанор Иванович решительно подошел к незнакомцу:

— Ваш паспорт!

— А вы кто такой? — безразлично спросил незнакомец.

— Я работник одного учреждения,— смело ответил официант и тут же поправился: — Этого учреждения.

Незнакомец безразлично протянул паспорт, и Никанор Иванович прочел:

— Иван Иванович Рубль. Год рождения 1473.

Никанор Иванович во все глаза уставился на незнакомца. «Для своего возраста неплохо выглядит»,— подумал он, сказал: «Извиняюсь»,— и ушел обратно в подсобку.

Хмель как будто начинал проходить, и еще одна стопочка подкрепила гаснущие силы официанта. Душевное состояние восстановилось, и он готов был участвовать в любых сказочных приключениях. Он вынул сигарету, а спички выскользнули из его дрожащих пальцев и рассеялись по полу. Он встал на колени, пытаясь собрать их. И ему показалось, что спички убегают от него. И не мудрено! Надоело им жить в этой чудовищной тесноте, в бараке, именуемом коробком, и каждая из них решила пойти по свету искать отдельную однокомнатную квартиру.

Не успел Никанор Иванович собрать все спички, как голову его просверлила пронзительная мысль: «Не может быть, чтобы нормальному человеку было без малого пятьсот лет! Пойду-ка еще раз проверю!»

Страшное зрелище ожидало его. Незнакомец, по-

шатываясь, ходил по самому верху балюстрады. Официант бросился было к нему, но было уже поздно. Никанор Иванович склонился над балюстрадой и посмотрел вниз. Он ничего не увидел. Он только услышал тихий звон. Это Рубль, ударившись о тротуар, разбился на десять гривенников.

О дальнейших судьбах этих гривенников, каждой в отдельности, и пойдет мое повествование.

1

Мой первый Гривенник, освободившись от родительской опеки Рубля, фланировал по улице Горького.

Он остановился перед магазином готового платья. За стеклом стояли хорошо одетые манекены и, как всегда, загадочно смотрели вдаль.

Гривенник постоял, постоял и пошел дальше. Вот он оказался перед кафетерием и сразу почувствовал, что очень голоден. Он увидел выходящих из кафетерия довольных и улыбающихся людей, и, как всякий голодный человек, он счел всех сытых людей негодяями: «Небось, паразиты, икры нажрались!»

Бунта против сытых он не стал устраивать, а просто подумал, как ему при весьма скудных средствах утолить свой голод. «Только не надо унижаться. Надо всегда быть гордым!» И с видом двугривенного Гривенник вошел в кафетерий.

Свободных столиков не было. Он подсел к какой-то пожилой женщине в платье, какие наши женщины не носят. Ему захотелось побеседовать с нею, но из иностранных слов он знал только фамилии приключенческих писателей: «Майн-Рид», «Жюль Верн», «Брет-Гарт». На таком языке много не наговоришься.

Иностранка расплатилась и ушла. И тогда официантка обратилась к нему:

— Вам чего, молодой человек?

— Меню!

В прейскуранте все было выше его возможностей. Цены доходили до рубля и выше.

— Выбрали, молодой человек?

— Я еще подумаю.

Как бы ища выхода, он осмотрелся вокруг. Кругом ели. Кто жадно, кто равнодушно, а кто даже презрительно. Кошка под столиком уминала брошенный ей кем-то остаток котлеты. Она на минуту оторвалась от еды и посмотрела на голодного мальчика. «Бывает же счастье!» — внутренне промяукала она и снова принялась за трапезу.

В полном отчаянии Гривенник взглянул на дородную буфетчицу и затем на покрытый изогнутым стеклом прилавок. Цифра «8» привлекла его внимание.

«Не восемь же рублей,— подумал Гривенник.— Такого дорогого блюда и на свете нет!»

Он небрежной походкой подошел к прилавку и убедился в том, что сдобная булочка стоит восемь копеек.

Теперь он уже уверенно сидел за своим столиком. Подошла официантка.

— Ну как, выбрали, молодой человек?

— Знаете, мне как-то расхотелось есть. Но, пожалуй, вон ту булочку я съем. Принесите.

Эту булочку он мог бы проглотить в секунду, но подчинился ресторанному ритуалу. Минут десять он пощипывал булочку, пока от нее следа не осталось.

— Девушка! — громко позвал он. Так подозрительные юноши и девушки кличут официанток. Мой Гривенник хотя и был мал, но успел много чего наслышаться.— Сколько с меня?

— Восемь копеек,— равнодушно сказала официантка, поняв, что чаевых не будет. Но мой Гривенник был не такой.

— Получите девять! — небрежно сказал он. И как только в его руке очутилась сдача, произошло редчайшее на земле явление: мальчик превратился в девочку — Гривенник стал Копейкой.

И вот девочка Копейка стоит на углу Пушкинской площади и не знает, куда ей деваться. Она неумело поправляет на себе плиссированную юбочку, проверяет пуговицы на кофточке, лишь бы убить время...

Из кондитерского магазина вышли двое влюбленных. Трагедия их заключалась в том, что оба работали в вечерней смене, а днем им негде было встречаться.

— Эврика! — воскликнул влюбленный, увидев одинокую девочку Копейку. Его подруга была менее образованна и подумала, что девочку зовут Эврикой. Мало ли какие имена напридумало человечество за последние десятилетия!

— Ты куда идешь, девочка?

— Мне все равно, куда идти. Я сейчас свободна,— ответила девочка Копейка.

— Тогда едем с нами!

Он поднял руку. Проезжавшее мимо такси заскрипело тормозами.

— Эврика! — повторил влюбленный, обрадовавшись своей неожиданной выдумке, суть которой мы скоро узнаем.— Ты, девочка, сядешь с шофером. Ты ребенок, а детям всегда хочется быть впереди.

— Куда? — спросил шофер.

— На Курский вокзал.

Девочка следила за счетчиком, за быстро мелькающими копейками, и ей показалось, что это ее сверстницы взапуски бегут одна за другой.

Потом она вспомнила, что ее тетя — ее единственный родственник на земле — живет в городе Курске на углу Сказки и Большой Почтовой улицы. «Может быть, они едут через Курск и возьмут меня с собой?»

— Куда ты меня везешь? — спросила влюбленная.— Я никуда не поеду. У меня вечерняя смена.

— И у меня, ты знаешь. Мы никуда не поедем.

— Зачем же тебе Курский вокзал?

— Мне не весь вокзал нужен. Мне нужен только перрон,— таинственно сообщил влюбленный.

На вокзале он, оставив девочку Копейку на попечение своей подруги, побежал к расписанию поездов дальнего следования. Он скоро вернулся.

— Поезд на Симферополь отправляется через час с лишним. Значит, нам с тобой минут сорок нечего делать.

— А мне уходить? — спросила девочка Копейка.

— Нет, нет, ты побудь с нами. Ты, наверное, голодна?

— Я бы что-нибудь поела,— скромно ответила девочка.

В ресторане он спросил:

— Так что бы ты поела?

— Все! — не задумываясь, ответила Копейка.

После хорошо прожаренного бифштекса и двух бутылок крем-соды девочка задумалась. Она пыталась представить себе свою тетю, которая, думается, не случайно живет на углу Сказки. Да и сам угол, упирающийся в Сказку, должен быть чрезвычайно интересен. Но все представления были у нее от прочитанных книжек. А ее тетя и угол, на котором она живет, должны быть ни на что не похожи. А непохожего она ничего не могла представить себе.

Втроем они вышли на перрон. Пассажиры и провожающие только еще собирались, и влюбленные вместе с девочкой начали вдоль пересекать перрон.

Но вот толпа стала гуще, начались объятия и поцелуи. И наши влюбленные стали так обниматься и целоваться, как будто они прощались навеки. И поезд уже давно отошел, и разошлись провожающие, а ненасытные влюбленные не отрывались друг от друга.

Подошел дежурный по вокзалу:

— Это что такое, граждане?

— Мне дали билет не на тот поезд,— нашлась девушка.

— А что это за девочка?

— Я — их девочка,— помогла влюбленным Копейка.

Дежурный отошел.

— Приходи каждый день к Симферопольскому поезду,— ласково сказал влюбленный, и девочка осталась одна.

Она дошла до конца перрона и увидела надпись: «Ходить по железнодорожным путям воспрещается». Ей показалось, что в этой надписи чего-то не хватает. Ну конечно же, должно было быть: «Детям до 16 лет ходить по железнодорожным путям воспрещается». Она себе не представляла, что людям старше шестнадцати лет может быть что-нибудь запрещено.

Тетя в далеком сказочном Курске мерещилась ей. Конечно, она могла бы на электричке на добрых несколько десятков километров приблизиться к своей мечте, но Гривенник числился в родословной Копейки. А Гривенник был очень гордый мальчик и ни за что не стал бы ездить зайцем. И девочка спрыгнула с перрона и пошла в далекий путь, который даже паровозы заканчивают пыхтя.

Сначала она шла очень весело и жалела о том, что у нее нет веревочки. Она бы через эту веревочку прыгала со шпалы на шпалу и так бы, играючи, прибыла в Курск. Но, дойдя до станции «Москва-Товарная», она почувствовала себя так, как автор этого произведения, написавший только первую строчку своих предстоящих десяти сказок. Хватит ли у меня сил, возможностей и фантазии дойти до последней станции-страницы, на фронтоне которой гордо высится название «Конец»? И я не поеду зайцем, потому что все мои герои — гордые, а гордые они потому, что я — автор — числюсь в их родословной.

Не сердитесь, читатель. Чем дальше я буду углубляться в свои сказки, тем реже будет мое вмешательство.

Девочка Ко́пейка остановилась. Ей с небольшого холмика было видно, как рельсы извиваются большим полукругом, и она решила пройти полем. Это километра на два сокращало дорогу. После хождения по шпалам ноги ее чуть не закричали от радости — трава была такой мягкой, человечной и ласковой! Девочка положила на траву свои ладошки, и они тоже очень обрадовались. Потом девочка легла на траву. И все тело — и родинка на правом плече, и косички ее, и все двадцать ноготков на руках и ногах ощутили безмерную радость. Девочка заснула.

Ее разбудил какой-то старичок. Он был чуть-чуть неправдоподобен, то ли из легенды, то ли из ближайшего колхоза. Глаза у него были выцветшие и тусклые, как и полагается их возрасту, а руки у него были беспокойные. Они все время двигались, они жестикулировали, они как бы жаловались: «Зачем нас отдали этому старому телу? Мы еще, ох, чего можем сотворить!»

— Куда ты идешь, девочка?

Девочка не ответила. Она только спросила:

— Скажите, старый человек, вы когда-нибудь были мальчиком?

— Не помню,— угрюмо ответил старик.

— А мы помним! — закричали его руки.

— А вы помните девочку, которую вы полюбили?

— Давно это было,— неохотно ответил старик, и пальцы его рук сцепились, как в объятии.

— Куда же вы идете?

— Я иду за пенсией,— ответил старик, и руки его безмолвно повисли.

— До свиданья! — сказала девочка и пошла дальше.

— До свиданья! — сказал старик и пошел дальше в противоположную сторону.

Он очень устал. Он присел на пенек и положил голову на руки. И тогда руки напомнили ему о его молодости. И он вспомнил точно такую же девочку, которую он встретил шестьдесят семь лет тому назад. Она была такая милая, что ей с первого взгляда хотелось писать письма.

Больше он эту девочку не встречал.

«А сегодняшнюю девочку я обязательно встречу на обратном пути и расскажу ей о том, что я вспомнил».

Но встреча эта не состоялась. Когда он возвращался обратно, девочка была уже где-то возле станции «Стальной конь»...

Она остановилась на берегу какого-то озера. Был поздний час. Над Россией висела луна. Лунный столб рассекал озеро на две неравные части. Этот лунный столб был какой-то необыкновенный...

Девочка разделась и вошла в воду. Ее серебряное тельце бесшумно поплыло по золотой поверхности.

Она легла на спину и увидела луну, на которой скоро будут находиться люди.

«К тому времени,— подумала девочка,— наверно, изобретут такие сильные телескопы, что я увижу, как мои знакомые машут мне оттуда руками».

Вдруг ей показалось, что луна повернулась оборотной стороной. И вместо привычной в небе матрешки девочка увидела носатый профиль старого колдуна.

Она в ужасе закрыла глаза, а когда открыла их, луна была такой же, как всегда...

Она оделась и опять пустилась в путь-дорогу. Луг кончился. Девочка снова подошла к железнодорожной насыпи. Шло время. Заря, как русская женщина, просыпалась медленно. Она чуть приоткрыла глаза, и на земле стало светлее. Запели птицы. Они своим пением как бы доказывали прелесть человеческого существования.

Девочка шла и шла. Потом она присела на рельсы отдохнуть и задумалась. Думы детей! Это целая треть дум всего человечества...

Два поезда, как две кавалерийские армии на рысях, яростно мчались навстречу друг другу. Два паровоза для поддержания боевого духа вагонов до хрипоты трубили в свои широкие горны.

А девочка Копейка сидела на рельсах задумавшись. Атакующий клич паровозов заставил ее мгновенно подняться и отскочить. Но отскочила она не в сторону насыпи, а в сторону соседнего пути. Еще секунда, и встречный поезд раздавил бы ее. Невероятным усилием она остановилась между путей.

Она стояла на узеньком-узеньком участке земли между двумя мчащимися поездами. Она была как разведчик на ничейной полосе между двумя сражающимися армиями. Поезда были длинные, и девочке показалось, что она уже начала дышать грохотом.

Поезда прошли, и на земле стало совсем тихо, как после празднования Дня Победы.

Девочка продолжала идти...

В двенадцати километрах южнее станции «Стальной конь» путевым обходчиком служил царский Полтинник. Советская власть давно простила его, и он оправдал доверие.

Его участок пути был всегда в полной чистоте и исправности. Дважды он обнаружил лопнувший рельс, за что ему начальство дважды выразило благодарность.

А жил он на свете один-одинешенек. Его последний дальний-дальний родственник — голландский Полудукат — уже давно умер...

В это воскресное утро он проснулся, как всегда, в седьмом часу утра. Он тут же поднялся, сделал несколько приседаний, произвел определенное число вдохов и выдохов. Если бы царский Полтинник ежедневно не занимался гимнастикой, он бы не дожил до наших дней.

Потом он отправился со своим длинным молоточком выстукивать рельсы: «Как вы себя чувствуете, стальные полосочки мои? Гаечки не побаливают?» И рельсы отвечали ему веселым звоном: «Крепкие наши гаечки, крепкое наше здоровье!»

Так, постукивая молоточком и слушая ответный звон рельсов, царский Полтинник дошел до конца своего участка.

Он уже собирался повернуть обратно, но обратил внимание на небольшой сине-белый, чуть шевелящийся холмик...

Вконец обессилевшая от усталости и голода девочка Копейка увидела склонившееся над ней странное и удивительно привлекательное лицо. Ей показалось, что какой-то рисунок из детской книжки пришел к ней

в гости. Под огромными, все еще молодыми глазами висели набухшие старческие мешки. Они были похожи на спущенные чулки. Толстые седые усы были настолько длинными, что концы их владелец загнул за уши. Изо рта, невидимого под усами, донеслось:

— Ты это что, нарочно тут улеглась, девочка? Дома в кроватке надоело?

— Надоело,— солгала девочка.

— Может быть, тебе и питаться надоело?

— Не совсем надоело,— кокетливо ответила очень голодная девочка. Так бы на ее месте ответила каждая, даже не очень голодная женщина.

— Помочь тебе подняться? — спросил незнакомый человек с зачесанными за уши усами.

— Не надо, я сама!— ответила Копейка, но не в силах была подняться.

— Я понимаю, что ты — самолюбивая. Это очень похвально. Поэтому я не возьму тебя на руки, я тебя буду только поддерживать.

Так новое поколение, поддерживаемое старым поколением, подошло к будке путевого обходчика.

Знаменитой русской печи в этой будке не было. Да и где ей было поместиться в таком крохотном помещении! Газовый баллон снабжал горючим самодельную плитку.

Царский Полтинник недолго повозился у этой плитки, готовя завтрак для себя и для девочки Копейки. Затем достал из шкафчика небольшую странную бутылку.

— Из царских погребов! — сказал он.— В семнадцатом году одна фрейлина обменяла ее на буханку хлеба.

— Фрейлина была из сказки?

— Нет. Из Зимнего дворца. Выпей. Это тебя подкрепит.

Ликер был такой старый, что никак не вытекал из бутылки. Он превратился в желе. Царский Полтинник разбил бутылку и нарезал ликер кубиками. Один из этих кубиков он молча протянул девочке. Она проглотила кубик и тотчас же почувствовала себя как в царских покоях. Глаза ее заблестели, ей захотелось общения и захотелось узнать — кто же этот удивительно милый, ни на кого не похожий старый-старый человек?

— Вы, наверно, в молодости были пажем и были очень богатым?

— Не был я пажем и не был я очень богатым. Я был ямщиком. Должность не так уж хорошо оплачиваемая... Что ты еще скажешь, девочка?

И девочка произнесла много раз слышанную ею фразу: «Повторим?»

— Согласен! — сказал царский Полтинник и протянул ей второй кубик. И серая комнатка показалась девочке голубой. Ей все больше нравилось, становилось близким и родным круглое лицо царского Полтинника.

Слеза карлика ничуть не меньше слезы великана. Пьяная девочка не менее сентиментальна, чем взрослый мужчина:

— Знаете, вы необыкновенно добрый! Я еще таких добрых людей не встречала.

— В этом нет ничего удивительного,— изрек царский Полтинник.— Все люди к старости становятся добрыми. Нет на свете человека добрее палача на пенсии...

Вода в котле уже давно забулькала, картошка сварилась, и гостеприимный хозяин выложил на стол редкую рыбу — шемаю. Он был страстным рыболовом и в течение всего завтрака жаловался девочке на то, как хищнически ведется рыбный промысел в Азовском

море, как скоро, наверно, исчезнет такая волшебная рыба, как рыбец и шемая. Он с горечью констатировал, что этой рыбы осталось так мало...

Честно говоря, он совсем не был заинтересован в судьбе этой редкой рыбы. Он просто хотел отвлечь девочку от горя, если оно у нее было. Стремясь к этой цели, он мог бы с таким же успехом рассказывать девочке об исчезновении тигров в индийских джунглях или об инвалидности рифмы в современных стихотворениях.

Но девочка заинтересовалась:

— А в ваше время было больше этой шемаи-рыбца?

— Куда больше! Почти задарма продавалась.

— А почему так?

— Потому что вместе со всей техникой растет и техника уничтожения. Вот, скажем, каспийский лосось... Плотина — это, конечно, великая вещь. А лососю что — плотина? Для лосося плотина все равно что для человека высотный дом без дверей. И вот люди будут жить в светлых домах, а кушать они будут вяленую треску. Может, когда и стерлядка попадется.

Но девочка уже не слушала. Глаза ее смыкались. Ей показалось, что она взлетела высоко-высоко в небо и потом плавно опустилась на землю. Это царский Полтинник взял ее на руки и уложил на единственную в своем домике лежанку. Затем он уселся на табуретку и стал напряженно, не мигая, смотреть на девочку Копейку. Что ждет ее? Какие люди, какие напасти, какая любовь?

Девочке приснилось, что она приблизилась к концу своего путешествия. Вот она уже в городе Курске, вот он — заветный угол Сказки и Большой Почтовой улицы. Тетя ушла на рынок, но навстречу ей выбежал пестрый котенок и приветственно замурлыкал. Она взяла

его на руку и потерлась щекой об его шерстку. А на самом деле это царский Полтинник поцеловал ее. Его усов хватило бы на добрую сотню котят.

Девочка спала. А легендарно старый человек с неустанной любовью смотрел на нее. Он завидовал людям, общающимся с ней, он завидовал дому, где она постоянно живет, он завидовал воздуху, который несет ее голосок. Так был одинок этот царский Полтинник!

Ну хорошо! Он, чтобы позабавить ее, рассказывал ей всякие небылицы о рыбах. О чем он ей еще будет рассказывать, когда она проснется, и как будет забавлять ее?

Девочка спала долго, и у царского Полтинника было время принять правильное решение.

Когда девочка проснулась, он повел ее ознакомиться со своим хозяйством. Он дал ей в руки длинный молоточек, девочка с наслаждением стучала по всем рельсам, и ей казалось, что она дирижирует хором, где все голоса одинаковы.

Затем он повел ее километра за два от железной дороги. Пасека помещалась так далеко, потому что пчелы не выносили шума железной дороги, не подозревали о ее назначении и поэтому избегали ее. Этим они резко отличались от многих людей, более всего активных в деле, которого они не понимают и назначение которого для них весьма туманно.

На пасеке он объяснил девочке, что пчелы создают мед все теми же допотопными способами. Прошли тысячелетия, никаких усовершенствований в их деле не было, и тем не менее меда хватает.

И он сравнил добычу меда с любовью. Пусть бы современные молодые люди любили так, как Ромео любил Джульетту, или кавалер де Гриё Манон Леско, или князь Андрей Болконский Наташу Ростову, или Катю-

ша Маслова Нехлюдова, и никаких новаторств тут не нужно. Усовершенствование в любви ведет только к ее испорченности.

Девочка любила слушать про любовь, и если кое-что она иногда не понимала, то это не имело никакого значения. Важен был предмет обсуждения.

На обратном пути царский Полтинник все время молчал. Для него тоже любовь была только предметом обсуждения. И он когда-то был молод и, старея, не заметил той грани, когда страстная любовь переходит в любовь родительскую. Это бывает даже у бездетных людей, у них особенно. Старые девы в таких случаях разводят кошек, а старики ждут у своих будок — может быть, и к ним забредет девочка Копейка...

И опять газ зашипел на самодельной плитке, и яйца, не успев стать цыплятами, заверещали на сковородке.

— Дать тебе еще кубик ликера? — спросил царский Полтинник.

— Не надо. Я не хочу спаиваться,— резонно ответила девочка.

Царскому Полтиннику показалось, что электрическая лампочка светит слишком резко и не создает нужного девочке уюта. Он вынул из шкафчика гильзу от зенитного снаряда, найденную им при отступлении немцев, зажег прикрепленный к ней фитиль, погасил лампочку, и тени, как трусливые великаны, забегали по стенам. Затем он вызвал сверчка. Сверчок был очень старый, старше царского Полтинника, но он все еще мог стрекотать.

Девочке сверчок очень понравился, и ей захотелось, чтобы у каждого ребенка было по сверчку. Конечно, глупо было бы создавать специальные фермы для разведения сверчков, но если записать это стрекотание

на граммофонную пластинку, то один сверчок мог бы обслужить все детское население земного шара.

— Ложись и спи,— предложил царский Полтинник девочке Копейке.

— Да ведь тут всего одна лежанка.

— Ты ложись и спи.

— А вы?

— Я сам о себе позабочусь.

За окном накапливалась гроза. Вдалеке мелькали еще молчаливые молнии. Они, как ораторы, тихонько откашливались прежде, чем заговорить. И они громко заговорили. Но девочка уже спала. Ежеминутный гром и шум падающей с неба воды казались ей музыкой какого-то необыкновенного бала, на котором она обязательно будет танцевать. Не какой-нибудь фокстрот или танго, а именно тот вальс, который после Золушки вышел из моды.

Царский Полтинник, усевшись на табуретку, долго и напряженно смотрел на девочку. Ему очень хотелось узнать, кто она, куда и зачем идет.

«Ладно, утром узнаю»,— решил он, медленно засыпая на табуретке.

Он протер глаза и снова взглянул на девочку.

«Странно,— подумал он вслух, считая, что девочка не услышит,— днем на ней были веснушки. Куда же они делись?»

Особенно страшный удар грома разбудил девочку. Она услышала слова своего гостеприимного хозяина.

— А они — эти веснушки — они у меня дрессированные,— сказала она.

— Это ты какой-то сон видишь? — скептически улыбнулся царский Полтинник.

— А вот я и не сплю,— возразила девочка.— Веснушки, ко мне! — приказала она. И под тонкой кожи-

цей ее лица забегали божьи коровки, потом каждая уселась на свое место. Девочка платочком вытерла лицо, и оно опять стало чистым и гладким.

— Прямо Дуров какая-то! — удивился царский Полтинник.— Что ты еще можешь?

— Больше я ничего не могу,— призналась девочка.— Кошки и собаки меня не слушаются. Вы спите. И я тоже засну.

Она повернулась на бочок и заснула. Царский Полтинник тоже постепенно погрузился в сон. Из старинных часов выскочила кукушка, прокуковала двенадцать раз, поняла, что тут ей больше нечего делать, и скрылась в своей будочке.

Страшный удар в дверь потряс домик до основания.

— Кто там? — проснулся царский Полтинник.

— Отвори! Это я — Михаил Иваныч! — донесся густой бас из-за двери.

— Сейчас отворю!

В комнату вошел таежный Медведь. Шерсть на нем была всклокочена, маленькие глаза тревожно смотрели:

— Я продрог от этого проклятого ливня. Обогрей меня!

Пока растапливалась печурка, они оба долго молчали.

— Давно мы с тобой не видались,— сказал царский Полтинник, когда веселые огоньки отразились в глазах. Медведя.

— Да! Еще задолго до того, как меня на своей картине нарисовал художник Шишкин.

— Чем тебя угощать? Медом или водкой?

— Водкой! — категорически ответил таежный Медведь.— Медом закусывать будем.

— Ты только веди себя потише. Видишь?

Медведь посмотрел на спящую девочку:

— Правнучка?

— Вроде, — уклончиво ответил царский Полтинник.

Он поставил на стол бутыль самогона, бочонок солений и кварту меду. А Медведь уже сам разлил по стаканам вино.

— За встречу! — тихо пробасил он.

— За встречу! — пробасил царский Полтинник.

Выпили. Девочка повернулась во сне. Оба испуганно оглянулись.

— И за следующую встречу! — предложил царский Полтинник, вновь наливая стаканы.

— Боюсь, что не будет нашей следующей встречи,— грустно и не сразу произнес таежный Медведь.

— Почему так?

— Я верю в предчувствия,— еще грустнее произнес таежный Медведь.

— А кто тебя выгнал из тайги и почему ты сюда приплелся?

— Техника меня выгнала. В тайге уже осталось всего шестнадцать медвежьих берлог. И все на учете. Я не стал ждать, когда меня выгонят, я сам ушел.

— Так, так...— сочувственно покряхтел царский Полтинник.— А почему ты ко мне приплелся?

— В сказке ничего объяснять не надо,— мудро ответил таежный Медведь.

— Что же ты думаешь делать?

— Не знаю... Не знаю, не знаю, не знаю,— трижды повторил Медведь, налил третий стакан, сам его выпил и стал совсем грустным.— Хотя...

Царский Полтинник выжидательно посмотрел на него.

— Ты помнишь,— продолжал таежный Медведь,— в раздевалках больших ресторанов стояло чучело медведя с подносом и пьяные купцы бросали двугривенные

на этот поднос? Живы еще в ресторанах эти медведи с подносами?

— Давно ликвидировали.

— Жаль, а то бы я ежедневно по нескольку часов притворялся чучелом, и у меня были бы средства к существованию.

...Он проливал пьяные слезы. Когда он особенно громко всхлипнул, девочка проснулась.

— Я еще спать хочу,— капризно сказала она,— а вы тут шумите.

— Прости меня, девочка,— извинился таежный Медведь,— я сейчас уйду.

Он обратился к царскому Полтиннику:

— Пока темно, я пойду. Я не хочу, чтобы меня заточили в какой-нибудь зоопарк. Я терпеть не могу эти вечные дома отдыха.

— Я пойду с вами,— сказала девочка Копейка.— Мне нужен надежный защитник. Вы меня проводите только до Курска. Там моя тетя живет. Она живет на углу Сказки и Большой Почтовой улицы. Седьмое почтовое отделение. Туда же можно посылать письма до востребования. Можно и фототелеграммы. Это большое достижение современной техники — фототелеграммы. Телевизор — тоже большое достижение техники. Наверно, у моей тети есть телевизор.

Девочка говорила без устали. Ей очень хотелось показаться Медведю интересной. Но ее перебил обратившийся к Медведю царский Полтинник:

— Чего возьмешь в дорогу?

— Буханку хлеба, кусок сыра, банку меду и лопату,— последовал ответ.

— К чему лопата?

— Нужна. И все!

— А тебе, девочка, что нужно в дорогу?

— Ничего не нужно. Мы будем делиться продуктами. Не правда ли?

— Безусловно, будем делиться,— согласился таежный Медведь.

— Нет, я тебя так не отпущу. Я тебе обязательно что-нибудь подарю. Вот возьми эти часы. Они очень большие, и поэтому их в народе зовут луковицей.

— А как же вы без часов?

— А у меня вот эта кукушка остается. А потом, я по проходящим поездам легко узнаю время...

Долго еще стоял у порога царский Полтинник, глядя вслед уходящим. Его длинные усы от тяжести слез пригнулись к земле.

— Двух девочек Копеек ни в чьей жизни никогда не бывает. Спасибо судьбе, если бывает хоть одна.

Он вошел в комнату и запер за собой дверь. Больше его никто никогда не видел.

Машинист скорого поезда Москва — Симферополь не поверил своим глазам. У него было острое зрение, но то, что он увидел, показалось ему бредом.

— Смотри, Колька, смотри! — закричал он кочегару.— Ты видишь?

Но железная дорога в этом месте была извилистой, и когда поезд вышел на прямую, Медведя и след простыл. А у машиниста потом из-за этого было много неприятностей. Они кончились, когда он принес справку от районного психиатра. В этой справке значилось, что владелец ее страдает повышенным давлением (240 на 160), но ему все же можно доверить водить поезда...

Таежный медведь, сойдя с насыпи в ложбинку, уложил спящую девочку Копейку на траву и с облегчением вздохнул. Всю дорогу он, чтобы не тревожить

девочку, нес лопату под мышкой, и правая лапа его совсем закоченела.

Затем он, плюнув на лапы, принялся рыть землю. Земля была податливая, и минут через десять яма была готова.

Но Медведь продолжал трудиться. Шагов за четыреста от ямы он нашел большущий камень и, переворачивая его, докатил до ямы и на самом краю уложил его, предварительно подложив под него сосновый сук.

Затем таежный Медведь удобно уселся на краю своей будущей могилы и начал прощаться с жизнью. Сначала он посмотрел на небо. Сколько дождей и снега оно посылало ему! Сколько раз оно меняло цвета, чтобы ему, таежному Медведю, было жить веселее! Сколько звезд светило ему!

Потом он посмотрел на землю. Она посылала ему радости не как небо — сверху, а снизу. Сколько живых корней и безмолвных могил в ней было!

«Еще одной прибавится!» — равнодушно подумал он.

Он разбудил девочку:

— Срочное дело!

— Какое дело? — спросила девочка.

Медведь начисто был лишен чувства юмора и все же перед смертью он попытался сострить:

— Я отправляюсь в забавное путешествие. Проводи меня.

— Куда вы отправляетесь?

— Я умираю.

А для девочки смерть не была таким уж страшным явлением. Она ей казалась как бы какой-то частью света. Европа, Азия, Африка, Австралия, Америка и Смерть — шестая часть света.

— Я сейчас улягусь на дне этой ямы,— продолжал таежный Медведь,— и когда ты позовешь меня, а я

не откликнусь, дерни слегка вот за этот сучок, и камень обрушится.

— Зачем вам это нужно?

— Я не хочу, чтобы мое тело растерзали хищные звери.

— Хорошо. Я сделаю так, как вы говорите... А почему вы знаете, что сегодня умрете?

— Я — зверь. А звери всегда знают день и час своей смерти.

Он улегся на дне ямы и стал ждать. Девочка наверху тоже ждала.

Они молча провели несколько часов: Медведь — под землей, девочка — на земле.

Наступил вечер. Медведь не умирал. К полночи он убедился в том, что инстинкт обманул его. Конечно, он мог бы вылезть из ямы и дождаться более благоприятного часа для своей смерти, но ему не хотелось показаться симулянтом, и он продолжал лежать.

Так прошло несколько дней. Девочка непрестанно окликала его, и Медведь непрестанно откликался.

— Я боюсь, что моя тетя умрет раньше вас,— бестактно сказала девочка,— и тогда мое путешествие бесполезно.

Тут Медведь почувствовал близость своей кончины. Когда через двадцать минут девочка окликнула его, он не отозвался. Все было кончено. Девочка слегка дернула за сучок...

На этом огромном камне нет никакой эпитафии, так что без меня — сказочника — вы эту могилу никогда не найдете. Я могу вам только ориентировочно сообщить адрес этой могилы. Она находится в шестидесяти двух километрах южнее станции «Стальной конь». Там вам следует взять немного вправо и дойти до того места, где следы зайца пересекаются со следами лисицы...

Девочка почувствовала себя художником, когда посмотрела на украшенную ею могилу. Она переложила несколько полевых цветов и, сказав: «Все в порядке!» — пошла дальше.

Теперь она была совсем одна! Бедняжка, она не знала, что на следующий день ей предстоят еще похороны...

С утра к девочке Копейке привязалась бабочка Однодневка. Мне лень рыться в книгах по естествознанию, и поэтому я не могу вам точно описать ее. Знаю только, что она была величиной с лепесток сирени и что тяжелая пыльца на ее крылышках весила чуть меньше всего тела бабочки, поэтому она не могла далеко летать. А цвета она была такого, какой всем нравится.

С рассвета бабочка непрерывно летала перед лицом девочки. Она как бы изучала, с каким человеком она имеет дело. Потом доверчиво села девочке на плечо. Девочка притворилась, что не заметила этого.

Так они прошли до полудня. Жара в этот день была нестерпимой. Бабочка совсем обмякла. На ее бархатных крылышках потемнела пыльца, взгляд ее помутился, ножки были как чужие.

Долго они шли под этим зноем. Часы-луковица показали двенадцать часов.

— До чего же мне жить надоело! — сказала бабочка Однодневка.

Потом облако закрыло солнце, зной несколько спал, и бабочка развеселилась. Для нее настала пора любви. В такую пору всегда подворачивается какое-нибудь живое существо. Откуда-то появилась еще одна бабочка Однодневка, и обе они закружились в брачном танце. Так продолжалось несколько часов.

Измученная девочка шла и шла. И перед нею порхала чужая любовь.

Пролетавшая мимо ласточка устремилась на бабо-

чек, и в пятом часу вечера бабочка Однодневка стала вдовой.

Девочка Копейка еле передвигала ноги. Она уселась на какой-то пенек и задремала.

Когда она проснулась, уже темнело. Жизнь бабочки Однодневки приближалась к концу. Девочка посмотрела на подарок царского Полтинника. Часы, разведя руками, показали четверть десятого...

Сумрак густел. Он, как темный поток, следовал за девочкой. Когда она утром собралась продолжать путь, у ног ее лежала мертвая бабочка Однодневка.

Девочка в говорливом ручейке обмыла ее тельце, положила в заячий след и накрыла сосновой шишкой.

Проползавший мимо муравей застыл от любопытства.

Девочка обратилась к нему:

— Ты будешь стоять на часах у ее могилы. Я не хочу, чтобы ее тело растерзали хищные звери.

— Я — человек военный,— сказал муравей.— Я с поста не сойду!

Он поднял чуть видный сучочек и вскинул его на плечо...

Девочка продолжала идти к своей тете. Она прошла уже много километров. Водокачка ближайшего населенного пункта и самый населенный пункт все более и более уменьшались вдали. Потом они совсем исчезли. Уже ничего не было видно. А муравей, стоящий на часах, был виден...

В городе Курске нарастала тревога. Упорные слухи о совершенно измученной девочке, идущей из Москвы пешком к своей тете, живущей на углу Сказки и Большой Почтовой улицы, подтверждались.

Город Курск не был городом-героем, но он был советским городом, и он пошел навстречу девочке. Сначала, как водится, поднялись окраины. Одноэтажные домики

шли быстро, как юноши на футбольный матч. Двухэтажные шли, покачиваясь, как троллейбусы-империалы. А вот большие дома сильно отставали. Особенно отставал один громадный дом. У этого дома не хватало стен для вывесок — столько в нем было учреждений. Он так и застрял на восемнадцатом километре. И так как служащие не хотели работать на периферии, дом скоро опустел. Потом в нем устроили пансионат для проезжающих путешественников, и люди были очень довольны.

Только поэты знают, что город Курск сейчас находится много севернее того места, где он находился раньше...

Девочка Копейка неожиданно для себя очутилась в центре города. Окна во всех домах были раскрыты настежь, и люди в них пальцем указывали в одном направлении. Девочка поняла, что люди указывают, где живет ее тетя.

А тетя даже не вышла племяннице навстречу. Она в это время полоскала белье. У нее был сын-балбес. Он, даже не познакомившись с девочкой Копейкой, сделал ей подножку. Девочка упала. Потом она поднялась и стала жить-поживать у своей ничем не примечательной тети, живущей только своими рыночными интересами. У нее во время войны сгорел домик, и ей случайно по нерадивости дали комнату на углу Сказки.

Если бы девочка Копейка знала, что у нее такая неинтересная тетя, она бы и не начинала своего такого долгого и утомительного путешествия...

2

А второй мой Гривенник был очень порядочный мальчик. Он сразу же пошел в детский дом, где его воспитали... Он получил сначала среднее, а потом высшее об-

разование и стал инженером в каком-то тресте. И все же его потом арестовали за взятку, и он будет сидеть в тюрьме до самого конца этого моего повествования...

⟨1960-е годы⟩

ВАРИАНТЫ, ФРАГМЕНТЫ, НАБРОСКИ

...И тогда официант понял, что куда выгоднее быть землепроходцем. Вернее, он это не понял, но почувствовал. И тогда он, имея в запасе полчаса на службе, спустился вниз, и — это ему показалось странным — никто его не принял за официанта.

Люди рубили земную кору. Поскольку у него еще осталось двадцать восемь минут времени, он взял какой-то инструмент, напоминающий мотыгу, и начал ковырять землю. А незнакомый человек, проходивший мимо него, спросил:

— Ты ударник?

Проходивший мимо него другой человек спросил:

— Ты стахановец?

Проходивший мимо него третий человек спросил:

— Ты из бригады коммунистического труда?

Официант, усердно копающий лопатой на механизированном участке, был в это время куда более счастлив, чем я и вы, мои дорогие читатели. Ему казалось, что он весь во власти вольного труда. Ему показалось, что все молнии на небе это официантки, и они ему подадут то, чего он хочет. В крайнем случае он им задолжает. С одной из молний у него будут близкие отношения, ладно?

И ему показалось, что он с одной из молний давно в легкомысленных отношениях, а любовница куда требовательнее, чем жена, и молния спросила у официанта:

— Где ты, сволочь, был до четырех утра?

И тусклый официант ответил ослепительной молнии:

— Знаешь, я задержался!

И мне, автору начинающихся сказок, так хочется быть на свадьбе официанта с молнией, что я ему дам сейчас куда больше чаевых, чем я даю обычно.

Свадьба официанта с молнией!

Да это и есть искусство! Искусство — соединять несоединимое. Я лично не в силах сделать это сам, но ведь существует... Союз советских писателей. Члены этого союза очень мне дороги, и я их очень люблю. Но иногда они так тесно толпятся, что мне, их любящему, приходится идти по обочине, чтобы не мешать им идти по главной дороге.

— Идите, милые, идите по главной дороге, а я пойду по тропинке, но это будет моя, мною протоптанная тропинка! И я дойду не к высотным зданиям, я подойду к избушке, где живут ведьмы и лешие... И потом я получу повестку на заседание, где меня будут осуждать за мое легкомысленное поведение. И я себе представляю это собрание. Какое бы ни было это собрание, мне кажется, что это собрание моего детства. А в детстве у меня были родители, чего у меня сейчас нет и никогда не будет...

Бывают не только толстые и тонкие люди, бывают люди среднего веса. Людям среднего веса хочется быть одинаковыми по отношению к добру и злу, и слава богу, что они существуют. Они осуждают на собрании человека, совершившего худой поступок, они готовы с

ним разделить подушку во время сна. Но во время собрания они готовы поддержать резолюцию, осуждающую человека, спящего с ними на одной подушке. Но ведь, кроме подушки, есть еще мебель. Есть стул, на котором сидел твой умерший друг, есть еще выцветшая фотография, на которой изображены люди, уже давно умершие, есть еще часы со старинными курантами, которые ты случайно купил в комиссионном магазине, и они отзванивают время, которое будет так же равнодушно к следующим поколениям. Я себе представляю сейчас комнату, где я живу в своем великолепном одиночестве, и где будет сидеть мой абсолютно не видимый мною правнук, и где будут так же тикать мои, приобретенные в комиссионном магазине, старинные часы и вспоминать обо мне, о том человеке, который когда-то был их современником.

Идут миллионы световых лет. Свет проходит триста тысяч километров в одну секунду, а нам кажется, что законы света не подчинены закону нашей жизни. И тут я, конечно, не вспомнил, я не могу это вспомнить, как какой-то молодой кадет танцевал с Наташей Ростовой в Дворянском собрании, сейчас это называется Колонный зал Дома союзов. Он танцевал с Наташей Ростовой, и ему казалось, что любовь — это бесконечность. Он медленно шел по улице, по московской улице, где еще был Охотный ряд, и думал: «Как я ее люблю!» Но она вообще не существовала. Она была выдумана Львом Николаевичем Толстым.

А мальчик, влюбленный в нее, уже давно похоронен, как глубокий старец на мне неизвестном кладбище.

И все равно, да здравствует Наташа Ростова и влюбленный в нее случайный мальчик, похороненный, как глубокий старец, на неизвестном мне кладбище!

И мальчику стало очень грустно. Но он был гордый, он не заплакал, вся природа заплакала, а не он,— шел дождь.

Мальчик был кадет, а ты — слесарь. Клянусь тебе честью, что, несмотря на разные социальные прослойки, ты будешь так же несчастлив, как он. Как бы ни был ясен небосвод, дожди будут. И мое самое главное желание, чтобы и ты, и все люди на земле были счастливы даже во время дождей. Не было бы дождей, не было бы и радуги. Самая большая беда для хорошего художника, когда он рисует радугу во время дождя. Это вымышленная радуга.

Ты рисуй радугу, только когда ее видишь, ты даже выдумывай радугу, если ее и нет на свете. Но радуга может стать назойливой, тогда выдумывай дождь. Но если нет ни радуги, ни дождя, тогда выдумывай то, чего нет на свете...

Романтика — это есть реализм, который нельзя купить в магазине. Ссоры в коммунальной квартире происходят не от романтики, а от реализма. Стоило бы этим озлобленным соседям только подумать о том, что у каждого человека есть своя долгая и задушевная жизнь, то тогда бы ни один человек не подумал бы о том, что ему хочется жить в отдельной квартире...

С пятнадцатого этажа на тротуар падает человек. Подбегает милиционер и видит: лежит пиджак и десять гривенников. Упавшего человека нет. Но в пиджаке находят паспорт. Выясняется, что фамилия его владельца — Рубль. Рубль разбился на гривенники. (Начинается новый рассказ. О судьбах гривенников. О каждом гривеннике отдельно. У каждого своя судьба.)

Один захотел послушать курских соловьев. Билет в Курск стоит дороже гривенника. Пришлось добираться пешком. В Курске опять неприятности. Без командировочного не дают номера в гостинице. Заночевал на улице. Кто-то подобрал его и разменял в трамвае на копейки. Начались новые судьбы.

Судьбы копеек. Второй Гривенник стал большим начальником. Допустим, секретарем Союза писателей. Нелегкая задача для Гривенника. Но он справляется. Как? Да еще как! Теперь он выглядит важнее Рубля. Третий пошел работать шофером такси. Он начал размножаться. Повернул ручку счетчика — выскочил гривенник. Довез пассажира — получил на чай гривенник...

Девочка никогда не была на море. И вдруг ей показалось, что на морской глади возник лунный столб. Он был невероятный, этот столб...

Частная капиталистическая яхта рассекала этот столб. Владелец этой яхты был лично знаком с замечательным сказочником Александром Грином. Он страдал бессонницей и избороздил все моря в поисках страны, где можно задешево покупать сны.

И девочка через многие морские мили крикнула капиталисту:

— Я вам отдаю свои сны бесплатно, у меня их так много!

Нужно швыряться большими деньгами и уметь беречь маленькие. И тогда большие деньги становятся маленькими, а маленькие большими.

В искусстве обязательно должен наступить тот момент, когда золото начинает серебриться, и тогда оно становится еще дороже.

Строчки родились, дети выросли...

Теперь девочка увидела удивительное войско. Это не было войско, это не было ополчение 1812 года. Это было ополчение 1941 года...

Одним из еле выживших, но потом все равно умершим был восьмой Гривенник.

Подснежники боялись показаться из-под снега, потому что они считали, что снег — это мачеха.

Официанта райпищеторга обязали быть официантом на Олимпе. «Им, богам, хорошо,— жаловался официант.— А меня-то трест послал на высоту по службе, а на высоте чаевые дают облаками, а у меня двое детей...»

Чем хороша опасность? Тем, что от нее некуда деваться.

(Биография шестого Гривенника.)

Девочка стала фантазировать, Она приняла обыкновенную будку обходчика за волшебную, и, как это ни странно, будка оказалась действительно волшебной.

Кассирша, утомленная семейными дрязгами, взглянула на нее пьяными глазами, потому что и у пьянства и у горя глаза одинаковые.

— Девочка, я устала оттого, что все, буквально все приходят ко мне за звездами. Девочка, будь доброй, попроси у меня пылинку...

Девочка обнаглела:

— Дайте мне самую большую пылинку, какая у вас есть.

И тогда старая, утомленная кассирша, у которой плохие соседи и у которой всю ночь в ушах было трамвайное движение, выдала ей пылинку величиной с земной шар.

Девочка сказала:

— Пожалуйста, пригласите меня в гости.

И вот она пошла к ней в гости.

(Показать жизнь рядовой трудовой женщины. Малейшую трещинку в табуретке показать.)

А девочка идет. Ах, как здорово она идет! Я еле поспеваю за ней. Если бы я мог сообщить вам, о чем она сейчас думает, я стал бы великим писателем. Но я пока что только член Союза советских писателей, давно не вносящий членские взносы.

И вот посредине снежной России идет медведь и несет на вытянутых лапах девочку. Мне хочется сказать — на руках, но у медведя нет рук, у него лапы.

Медведь шел по шпалам.

Все шпалы, шпалы, шпалы,
Все спало, спало, спало.

Но медведь не привык ходить по шпалам, и потому он скоро устал. Впереди горел огонек. И вдруг огонек погас, и тогда всей грудью задышала сказка...

КЗП

Клуб Заплаканных Палачей.

Член Президиума КЗП.

Старый царский Полтинник — член Клуба Заплаканных Палачей. Он казнил Софью Перовскую и Желябова, похожего на Евтушенко.

Пятьсот Софий Перовских проходят через проходную каждое утро и раз в месяц получают зарплату.

Девочка написала изложение и после каждой фразы поставила вопросительный знак, ее хотели исключить из школы за хулиганство.

— Зачем ты это сделала? — спросила мать.

— Мама, но может быть это все было неправда.

«Лиса погналась за зайцем?» Я не знаю, погналась ли она. «Светило солнце?» — а может, оно тогда не светило.

Я продолжаю писать эту сказку, я очень устал.

Я так жалею, что эту самогонщицу Варвару Никифоровну придумал только в третьей главе. Как хорошо было бы, если бы она действительно существовала. Я бы у нее обязательно встретил участкового надзирателя Ивана Моисеевича Урядникова, который совершил столько преступлений, столько заблуждений и не арестован только потому, что он является участником моего повествования. И мы с ним сели бы за стол, который уже четвертый век существует без четвертой ноги. Но моя коленная чашечка уже привыкла к ее отсутствию и приспособилась, как всякое живое существо.

И вот выдуманная мною Варвара Никифоровна вносит прелестные суточные щи. И щи загрустили оттого, что они суточные, им захотелось жить дольше.

Были бы у меня такие сны, с каким удовольствием я бы выпил!

Заря была очень похожа на русскую печь, в которой пекутся булки для ангелов.

С правой стороны выскочил страдающий бессонницей заяц, с любовью поглядел на девочку и сказал:

— Ничего не бойся, девочка, во мне ты всегда найдешь верного защитника.

Стрекоза, усевшаяся на ее блузочке, между третьей и четвертой пуговицей, ничего не сказала, она от рождения была глухонемой.

Ночь была очень торжественна, девочка шла и шла, и луна возвышалась над нею, как старая вдовствующая императрица, которая все еще мечтает выйти замуж за какого-нибудь короля.

Шаги истории медленны, а мальчик бежит впереди...

Герцен и Огарев клянутся на Воробьевых горах,— Ленин — шаги истории медленны, а мальчик бежит впереди...

Строчки родились, стали детьми...

Вечность не переспоришь...

Сколько хочешь, столько будем ехать...

Я оказался на старом кладбище, рядом с декабристами (Рылеев, Каховский, Бестужев, Пестель, Завалишин).

Я решил перестукиваться с соседними могилами. Мне стали отвечать мои друзья. Я услышал, что на кладбище идет перестук, как в Петропавловской крепости, потому что для революционера могила — это одиночка.

(Перестук поколений.)

Я перестукиваюсь,
Я еще живу!

— Господи боже мой! Обратись ко мне! — сказал горячо любивший жену атеист.

Мне хочется выдумывать, но не как фокусник, а то, что есть на самом деле. Мне хочется выдумать сливочное масло, и я жалею, что оно уже есть. Мне хочется выдумать домоуправление, которое мешает жить жильцам.

Безработный Альфонс Доде.

В жизни, как и в искусстве, лучше всего видеть полузакрытыми глазами.

Звезды не хотели идти к ней, потому что боялись обжечь ее, а планеты не подходили близко, потому что

боялись, что ей будет холодно, так как они светят отраженным светом.

Тени были высокие, выше яблонь, и они думали, что это они приносят плоды.

И вдруг звезды показались ей покорными, и она сказала им:

— Подите ко мне!

И звезды пошли к ней, и никогда в астрономии звезды не были так близки к земле.

И тогда девочка, играя в скакалочку, на десять лет подпрыгнула вперед.

— Ты хочешь есть?

— Нет.

— И я не хочу. Давай закажем одно «хочу» на двоих...

Ночь. Не спится и не пишется. Достаю кошелек, вынимаю гривенник и кладу его перед собой. Гривенник стал одушевленным. Он встал на ребро и побежал по окружности стола.

Никто не видел на Гривеннике выражения страдания. Я первый увидел это выражение. И тогда я неожиданно увидел, что Гривенник такой же нищий, как я. И у него и у меня было не больше десяти копеек...

⟨Конец 1950— начало 1960-х годов⟩

* * *

...Еще в начале этой сказки я упомянул, что это была самая высокая на свете гора. С ее вершины был виден не только родной Рубцовск, но и остров Капри, на котором жил и работал Алексей Максимович Горький. Был виден также остров Куба, где береговая оборона стояла в полной готовности. Была видна оборотная сторона луны, где уже вовсю развернулось строительство гостиниц для приезжающих туристов.

Вся судьба человечества была видна с вершины этой горы.

Строить хижину не потребовалось. Выемка в небольшой скале вполне заменяла ее. Их трех одиноких деревьев часа за полтора были сооружены стол и скамья. И за этим столом Иван Андреевич рассказал молодежи, почему ему конец своей жизни захотелось провести в полном одиночестве.

— Это было еще в 1919 году,— начал он.— Мы гонялись за ускользающими бандами Махно, и во время этой погони я полюбил одну девушку. Ее звали Ольга. А фамилия у нее была какая-то непонятная — Мифузорина. Бог весть, откуда она взяла такую фамилию. И у этой девушки была какая-то странная особенность — она любила говорить старинные красивые слова. Это, конечно, недостаток, но, может быть, за

этот недостаток я ее и полюбил. Она любила слова: «кортеж», «крепостной вал» и «кавалергардия» (так она называла нашу кавалерию) и еще много таких слов из Дюма и средних веков.

Она была совсем девчонкой. Я был старше ее лет на пять.

— Оленька! — говорил я ей.— Зачем тебе все эти слова? Ты ведь не Луиза Мишель. Ты ведешь себя на войне, как в исторической пьесе. Ты останешься никому не известной актрисой.

— Неправда! — отвечала она.— Обо мне когда-нибудь обязательно напишут. Обо всех смелых напишут.

А она действительно была очень смелая. Она шла в полный рост там, где мы все пригибались к земле. Я пробовал заслонять ее.

— Не смей! — говорила она и отталкивала меня в сторону.

— Я тебя очень люблю, Оля. Я боюсь тебя потерять.

— И я тебя очень люблю. И я не хочу тебя потерять. Но из-за этого я не хочу трусить. Все на войне бывает. Может случиться так, что не ты меня, а я тебя потеряю. И тогда...

— Что тогда?

— И тогда в моем опечаленном сердце каждое воспоминание о тебе станет моим мужем, и я буду гордиться тобой.

Так она говорила. И я ничего не мог поделать с нею. Ничего, как я ни старался. Она продолжала говорить свои красивые провинциальные слова. Но разве лужайку в лесу или зяблика на ветке можно назвать провинциальными только потому, что их нет в столице? Она была и лужайкой и зябликом.

Когда она обнимала меня, она говорила: «Я сейчас помолчу. Ты не любишь красивых слов, и я могу пока-

заться тебе противной. Но ты меня, пожалуйста, люби!» И потом она долго молчала.

Однажды я пошел в разведку. Мне приказано было узнать расположение вражеских батарей. Я выполнил задание. Когда я возвращался из разведки, эти батареи открыли огонь. Я прилег на землю и дождался конца артналета. Когда я пришел в расположение своей части, бойцы старались не смотреть на меня. И я все понял. И я приготовился к похоронам. Я приготовился смотреть на ее неподвижное восковеющее лицо. Но и этого я был лишен. Она погибла от прямого попадания снаряда. Вы не знаете, что это такое, и я хочу, чтобы вы этого никогда не узнали. Я сорвал на огороде большие капустные листья и собрал в них разбросанные клочки ее тела. Потом я похоронил эти капустные листья. На следующий год я не нашел ее могилу. Все было затоптано и перетоптано. И вот прошло уже больше четырех десятилетий, а девочка, любящая говорить красивые слова, продолжает жить в моем сердце. Тень этой маленькой девочки накрывает всю мою жизнь.

Вот почему я, ставший уже старым, больным, бесполезным человеком, захотел жить в одиночестве. Я заслужил право на полное, ничем не перебиваемое воспоминание о своей Олечке с непонятной фамилией Мифузорина. Спасибо за то, что вы мне помогли в этом.

Я знаю, вы любите друг друга. Постарайтесь жить и умереть вместе. Тогда будет легче. Значительно легче. Полюбуемся закатом. Видите, какой он огромный? И всем показалось, что по окровавленным долинам заката мчится на коне девочка, любящая красивые слова. Только голоса ее не было слышно.

Комсомольцы попрощались с Иваном Андреевичем, обещав ему каждый выходной навещать его. Потом

вагончик фуникулера увез их. Это были последние живые люди, которых видел Иван Андреевич.

Однажды ночью он почувствовал приближение конца. Он вышел из пещеры и нисколько не удивился, когда задрожал канат фуникулера. Он знал, что к нему приближается Ольга Мифузорина. Ей осталось только несколько метров пути, когда канат оборвался. И вместе с канатом оборвалась жизнь Ивана Андреевича. До рассвета оставалось несколько минут. Эти минуты прошли. Вспыхнувшая заря всей своей мощью осветила лежащий на краю стола гривенник, который никто никогда не истратит.

⟨*Конец 1950-х годов*⟩

СКАЗКА ПЬЯНОГО ЧЕЛОВЕКА

Старый лифтер умер. Умер оттого, что он всех поднимал. Он умер оттого, что ему самому надоело подниматься. Ему надоели овощи в чужих корзинах. У него было много корзинок, а овощей почти не было. И этому лифтеру казалось, что он удивительный мичуринец, у которого никогда не было огорода, а были одни авоськи, и он из них развел удивительный огород, огород мечтаний.

И вдруг этому старому человеку показалось, что на его старом огороде уродилась удивительная девочка и что эта девочка мгновенно состарилась на шестом этаже. Так начинается сказка.

Однажды в семью бедного рыбака, который никогда в жизни не поймал ни одной рыбы, я принес рыбу, купленную в магазине. И тогда ему показалось, что у него есть сети. Ему показалось, что Атлантический океан — это его пруд. И однажды во сне ему послышалось, что господь бог ему сказал: «Хватит тебе разводить зеркальных карпов, разводи китов». Каким был первый китенок? Он был похож на рыбака, но ни разу в жизни не сказал ему папа. Он был кит, а отец у него — человек, благородный рыбак, воспитывал его в гуманитарном духе: никогда не виляй хвостом. Разве кит может не вилять хвостом? Вот отсюда и пошли мошенники.

Теперь перейдем к уголовному розыску. Старшему сержанту милиции позвонили, что известный преступник по прозвищу «Кит», имеющий связь с уголовным миром, но сам будучи по профессии сказочником, был влюблен в работницу сберкассы № 20034. Это не был номер его возлюбленной, это был номер сберкассы. На сберкнижке нужно иметь минимум пять рублей. А сын рыбака заработал честным путем за всю свою жизнь только четыре рубля. Как трудно человеку заработать последний рубль. Последний рубль — это всегда отдельные гривенники. И что такое последний гривенник? Последний гривенник — это для Кита последний планктон.

С последним гривенником старый кит, как блудный сын, поднялся на шестой этаж, а отец его давно умер. Мебель была цела, родных не было.

«Жизнь моя, как китобойный промысел, она мне ничего родного не оставила». И тогда ему показалось, что все соседи его родственники. Он удивительно вежливо стучал во все двери. «Я вас очень прошу меня извинить»,— сказал он, протягивая сервант, как будто совершая преступление. Этажом ниже он понял, что он одинок. И тогда он лениво позвонил, и ему открыл мальчик, впервые в жизни увидевший одинокого Кита. Удивленный мальчик, не столько хорошо воспитанный, сколько добрый, сказал: «Дядя Кит, я тебя провожу». Дядя Кит ответил: «Я еще достаточно силен, не нуждаюсь ни в чьей помощи».— «Дядя Кит,— сказал мальчик,— на тебе столько морщинок, будто ты жил 1000 лет».— «Ты меня пустишь?» — спросил Кит. «Нет,— сказал мальчик.— Я хочу с тобой в Атлантический океан». И сразу заплескались волны. И уже нет коммунальной квартиры. Над мальчиком летят альбатросы.

Начинается пятый этаж океана. Десять баллов. Мальчик в полном отчаянии. А на экзаменах тоже ставят баллы. И для любого ребенка все эти баллы — шторм.

Мальчик мой! Все твои штормы — это великое спокойствие по сравнению с моими бедствиями. Ты когда-нибудь терял друзей — вот это шторм. Ты когда-нибудь видел старую женщину, которую ты знал молодой?.. Так мне обидно, что я существую только для китобойных флотилий!

Кит продолжал спускаться. Какие еще дети ожидают меня? А его встретил пожилой человек. Это был очень несчастный человек, его только что покинула жена. Он открыл Киту дверь и с благодарностью спросил его: откуда вы знаете, что я одинок? А Кит подумал: он несчастнее его, он не знает, что мне спускаться еще три этажа. Но человек угадал, о чем думает Кит, и стал его сопровождать. И вот они оба стучатся во второй этаж. А все уехали на дачу. И они стали еще богаче одиночеством. Они хотели спуститься на этаж ниже. Но в это время автор этой сказки умер. Так они и стоят на своем третьем этаже. И мы не знаем, что с ними делать.

Одна за другой создаются китобойные флотилии...

〈Конец 1950-х годов〉

СМЕРТЬ БАБЫ-ЯГИ

Внуковский аэродром.

Поднимаются и снижаются самолеты.

Вокзал. Дремлют пассажиры. Голос диктора:

— Ковер-самолет по маршруту Москва — Харьков — Симферополь отправляется через восемь минут.

Некоторые пассажиры вскакивают.

Жена будит мужа:

— Слышишь? Ковер-самолет отправляется через восемь минут!

Муж протирает глаза:

— Дурочка! Ты опять ошибаешься. Мы летим на ТУ-104.

И опять засыпает.

В небесах ковер-самолет.

Стюардессой на нем — Василиса Прекрасная. Она обносит чаем пассажиров. Самовар настолько велик, что возвышается над ковром, как высотное здание. Из нижних его отверстий выглядывают румяные личики детей.

Пожилой человек вынул из баула колбасу.

— Где же твой Иван-царевич? — спрашивает он Василису.

— Он на границе отбывает военную службу,— отвечает Василиса.

Летит ковер-самолет. Пассажиры чувствуют себя очень удобно. Дети грызут леденцы, женщины штопают белье, а один писатель печатает на пишущей машинке.

К вокзалу аэродрома подруливает ТУ-104. Он взмывает в небо и набирает высоту.

Тучки. Среди них паника:

— ТУ-104 летит!

Они разбегаются в разные стороны.

Самолет устремляется в невероятно чистые небеса. Под ним далеко внизу вертится земной глобус.

Летит самолет.

Летит грозовая туча.

Из-за нее на традиционной метле появляется Баба-яга.

Вечереет. Баба-яга поворачивает выключатель, и метла расцвечивается многочисленными рождественскими лампочками.

Баба-яга никогда не была замужем, но у нее лицо вдовы. Она невероятно устала. Она заплакала.

Одна ее слеза еще в воздухе превращается в ручеек и, журча, ложится посреди равнины.

Две ее слезы падают на землю — и образуется большая река. По этой реке плывет пароход.

Баба-яга заплакала навзрыд — и образовался бушующий океан.

Моряки борются с бурей.

— Человек за бортом! — кричит вахтенный, и весь экипаж бросается в кипящие волны, чтобы спасти товарища. Спасли.

— Я сегодня наплакалась за всех людей. Вот и получился бушующий океан слез,— говорит Баба-яга и утирает слезы.

И мгновенно все успокоилось.

Удивительно тихая водная гладь. Корабль. Моряки, громко стуча костяшками, играют в домино.

Летит ТУ-104.

Летит Баба-яга. Она совершенно обессилела.

— Мне уже несколько тысяч лет,— говорит она.— Я уже настолько стара, что меня ни в одну сказку не пускают!

Она пролетает над огромным городом. Отчетливо видны многоэтажные здания.

— Где же избушка на курьих ножках? — грустно спрашивает Баба-яга.

И в это время она почти столкнулась с ТУ-104.

В кабине самолета. Стюардесса с подносом. И вдруг— застыла. Она увидела в окне безобразное лицо очень страдающей женщины.

Она бежит к пилоту и что-то нашептывает ему. Тот, очевидно, соглашается.

Самолет резко пошел на снижение.

Несмотря на сильное сопротивление ветра, стюардесса открывает дверь и впускает Бабу-ягу:

— Что тебе нужно, бабушка?

Но та без сознания.

Стюардесса достает из шкафчика нашатырный спирт. Баба-яга пришла в себя.

— Я умираю. И мне необходимо кому-нибудь передать свою должность. Мне нужна какая-нибудь злая девочка. Мир не может оставаться без зла.

К ее словам внимательно прислушивается собачка на коленях у спящего мальчика.

И как только самолет приземляется, она пулей вылетает из открытой двери.

Она мчится по аэродрому.

Она несется по шоссе.

Она встречает двух щенят:

— Умирает одна старая бабушка. И ей нужна злая девочка... За мной!

И вот уже три собаки мчатся по улицам города.

На немых кадрах мы видим, как к ним присоединяется еще множество собак.

Вывеска: «Питомник».

Собачий кортеж мгновенно останавливается перед забором.

— Эй вы, овчарки! — кричит собачка-зачинщица.— Мы ищем злую девочку. Вам легче найти: вы дрессированные!

Десятка два овчарок мгновенно выскакивают из-за забора.

Общий вид города, наполненного мчащимися собаками.

Очень усталый милиционер, весь в поту, присел на мостовую. Мимо него мчится легион собак. Он продолжает свистеть, хотя понимает, что это бесполезно.

Идет группа девочек. На их лицах — ужас. Собаки подбегают к ним и жадно обнюхивают.

— Какой кошмар! — говорит какой-то старый барбос.— Нам нужна злая девочка, а они все — добрые!

— Мы одни не справимся! — кричит собачка-зачинщик.— Бежим за помощью в зоопарк! — И побежала впереди всех.

Зоопарк.

Мирно ходят слоны, плавают птицы.

Две обезьяны целуются.

— Это неприлично,— говорит маленький обезьяныш,— на вас смотрят.

Мимо них проходит кенгуру. Она несет в своей природной сумке пачку газет. На переднем плане «Литературная газета».

— Что это ты несешь? — спрашивает обезьяныш.

— Я бездетная,— отвечает кенгуру.— А сумка есть. Надо же в ней что-нибудь носить!

Тихо и спокойно бродят звери.

И вдруг за забором дикий шум и громкий голос:

— Дорогие звери! Умирает одна старушка. Надо для нее найти очень злую девочку!

Секунда раздумья — и все мгновенно двинулись с места.

Слоны, шутя, опрокидывают забор, и все население зоопарка хлынуло в город.

В небе, высматривая злую девочку, летят орлы.

Медленно идет молодой бегемот. Он увидел какую-то старушку.

— Ты очень злая девочка? — спрашивает он.

Старушка испуганно крестится.

Слоненок открывает дверь игрушечного магазина и хоботом достает куклу.

— Наверно, это очень злая девочка,— говорит он стоящему позади отцу.

— Она не злая и не добрая,— солидно отвечает отец,— она — кукла!

Они топают дальше.

Девочка, шутя, шлепает своего младшего братца:

— Вот тебе! Вот тебе!

Но зверям издали не разобрать. Рев и лай перекрывают друг друга.

— Вот она — злая девочка!

Победно трубя, старый слон несет в хоботе девочку. Братец улыбается у нее на руках.

Институт Склифосовского.

Умирающая Баба-яга.

Звери тихо и торжественно заполняют палату. Но все не уместились.

Двор заполнен бесконечным количеством зверей. Через них упрямо пробирается серый волк:

— Мне необходимо ее видеть!

— А вы ей кто — родственник будете? — спрашивает медведь.

— Нет! Я ее ближайший сосед по сказке!

Все почтительно расступаются перед ним.

В палате.

— Вот тебе злая девочка! — говорит самая первая собачка.— Теперь ты можешь умереть спокойно.

Баба-яга ласково гладит девочку по голове:

— Это очень добрая девочка. И я сама никогда не была злой. Это меня такой люди придумали!

Она угасает и медленно преображается. Чем ближе к вечности, тем она становится прекрасней.

— Ты не умрешь! — в отчаянии кричит девочка.— Потому что люди без сказок не могут!

Но Баба-яга мертва.

Звери рыдают.

Звучит похоронный марш. И под эту музыку старый серый волк одиноко уходит в лес.

⟨*Конец 1950-х — нач. 1960-х годов*⟩

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТВОРЧЕСКОМ ВЕЧЕРЕ В ЦДЛ

Мы уже давно привыкли к той мысли, к той абсолютно точной формулировке, что свет проходит триста тысяч километров в секунду. И мы нисколько не удивляемся этому. Но мы очень удивляемся, когда нам самим неожиданно стукнет шестьдесят обыкновенных лет.

Я уже почти полгода удивляюсь этому событию. А скорость световых лет меня по-прежнему не удивляет. Потому что скорость световых лет — это не моя биография.

Моя биография — это люди, с которыми я встречался и с которыми я больше никогда не встречусь. Моя биография — это разрушающийся дом, на месте которого будет построен новый, с горячей водой и подъездами, где работают лифтерши, не замечающие поцелуев влюбленных. Моя биография — это кирпич, который не знает, какой новый следующий кирпич ляжет на него! Моя биография — это каменщик, который никогда не будет жить в доме, который он построил.

Я прожил шестьдесят лет,— это очень много. Что же я завоевал за эти годы? Я завоевал себе право не иметь права писать плохо. И я нисколько не завидую тем, кто завоевал себе право писать плохо. Насколько у меня хватит сил, я буду стараться не попасть в их обширное воинство.

Я долго думал: что мне запрещено в моей профессии? И я понял — мне разрешено все, за исключением одного совершенно точного правила: нельзя переходить грань искусства. Если тебе мала площадь искусства, передвинь эту грань на несколько метров или километров, но только не переходи ее! Иначе получится, как у Гоголя в его гениальном рассказе «Портрет». Портрет вылез из рамы, и никакая милиция с ним не справится.

Учитель — это не тот человек, который тебя чему-то учит. Это тот человек, который помогает тебе стать самим собой. Когда я говорю и думаю о молодежи, мне хочется посоветовать им только одно,— так когда-то советовала мне моя бабушка: ты обязательно точно застегни верхнюю пуговицу, потому что иначе нижнюю пуговицу некуда будет деть, и ты останешься человеком с лишней пуговицей.

И поэтому неталантливые молодые люди дико обрадовались появлению застежки «молния» — ничего ни застегивать, ни расстегивать не нужно.

Мы боремся с формализмом. Но мне кажется, что эта борьба ведется у нас абсолютно неправильно. Нельзя бороться со смешным врагом. Если враг делает гримасу, нельзя перенимать гримасу у врага. Вот, я помню, на американской выставке в Сокольниках мимо американских формалистских скульптур проходили советские люди. Эти скульптуры вызывали у нормальных людей только улыбку. Никакой нормальный советский человек не может быть подвержен формализму — климатические условия не те.

Формализм опасен только для молодежи. Когда человеку, особенно молодому, нечего сказать, он старается говорить иначе, но это иначе так похоже одно на другое, что банальность по сравнению с ними — оригинальность.

Сколько ко мне приходило молодых поэтов, и я им вдалбливал в их заранее опустошенные головы какие-то общеизвестные истины. И все равно в конце нашей беседы они говорили: я — это я, не понимая, что задача искусства: я — это мы! Нигде больше не выявляется местоимение «я», как в слове «мы». И поэтому, когда Пушкин писал: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»,— это значит не «я», а «мы».

Самое лучшее одиночество — это когда ты думаешь о том, как ты вел себя с людьми. Я говорю не о раскаянии, я говорю о неожиданности давно ожидаемых встреч.

Неожиданностей не бывает. Я так и живу для давно подготовленных мною неожиданностей. Мне не нужна никакая Золушка, мне нужен сказочник, который сочинил Золушку.

Что я оставляю после себя? Я пришел к такому выводу: никакого наследства оставлять не надо. Умным детям наследство не нужно, а глупые его только растранжирят.

Маяковский сказал:

Я подыму как большевистский партбилет
Все сто томов моих партийных книжек.

Я, очевидно, поступлю несколько иначе. Я оставлю вам в наследство сберегательные книжки моих стихотворений, на счету у которых не осталось ни копейки денег. Зато вам всегда будет что почитать на ночь.

1963

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ М. СВЕТЛОВА СО СТУДЕНТАМИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

— Убей меня бог, если я знаю, о чем мы будем беседовать... Но у трудящихся всегда найдется общий язык, и, я думаю, мы побеседуем так, что это пойдет на пользу и вам и мне.

Вас интересует многое, но на общие темы я не могу говорить, потому что и сам плохо в них разбираюсь. Например, я до сих пор не установил: зачем нужна поэзия? Знаю только, что она нужна, и в первую очередь мне, так как у меня нет никакой другой квалификации. А тут, как мне кажется, я приношу пользу.

Давайте начнем очень элементарно, специфически с того, что касается поэзии. С рифмы, например. Вам трудно рифмовать или легко? (*Голос с места*: *«Кому как!»)* Рифма вам помощник или враг? (*Голос с места*: *«Чаще мешает!»)* Это потому, что вы еще не умеете с ней обходиться. Я утверждаю, что рифма — первый помощник поэта. Сейчас попытаюсь на каком-нибудь примере это доказать.

Мне очень помогает рифма. Рифма помогает мне, как человек. Что же она делает? Она создает ассоциации, на первый взгляд нелепые — рифмуешь одно с совершенно противоположным и потому не сразу находишь соответствие. Мне вспоминается смешной случай с риф-

мами. У меня была записана рифма и лежала, забытая в столе: «*падишах*» и «*падежах*». Какая здесь ассоциация? *Падежах* — это что-то из грамматики, а *падишах* — из Турции. Но уже в самой этой рифме заключается юмор, и я написал стихотворение — объяснение в любви к девушке, где есть такие строчки (мне думается, они убедят вас в естественности соединения таких чуждых по значению слов, как *падишах* и *падежах)*:

Будь я не еврей, а падишах,
Мне б, наверно, делать было нечего,
Я бы упражнялся в падежах
Целый день —
С утра до вечера...

и т. д.

Это стихотворение малоизвестно, но, я надеюсь, вы прочитаете его и поймете, что, если бы не было рифмы «падежах» — «падишах», не было бы и этого стихотворения...

Есть натяжка? Нет натяжки. Рифма создает ассоциацию.

Белым стихом я не пишу. Переводить белым стихом обожаю. Собираюсь переводить Расула Гамзатова — он пишет белым стихом. Жуковский перевел «Ундину» белым стихом, но это не нарушает целостности поэмы... Гамзатов в переводе тоже не потерял, потому что его переводят хорошие поэты, и вообще искусство перевода у нас на большой высоте. Кстати сказать, на мой взгляд, не обязательно белый стих переводить белым.

Так что, когда вы говорите: мне трудно с рифмой,— это из тех трудностей, которые нужны больше, чем легкость.

Рифма, повторяю,— первая помощница ваша, не потому, что вы соединяете несоединимое, а потому, что без нее нельзя выразить то, что хочешь сказать в стихо-

творении. А без мысли о том, что ты хочешь написать, не может быть стихотворения.

Многие из молодых пишут сейчас так заковыристо, что не сразу разберешь, что к чему. В погоне за оригинальностью, в стремлении избежать банальностей они удивительно банальны. Им сейчас труднее написать «Дети, в школу собирайтесь», чем стихи вольным размером с необычными образами.

Главное, чтобы было что-то за душой. Вот Пикассо, например,— в лучшие свои полотна он вкладывает то, что у него лежит на душе. А когда у тебя за душой ничего нет и ты начинаешь выдрючиваться, чтобы показать какую-то оригинальность,— вот этого я не понимаю. И становлюсь похожим на петуха крыловского, который в куче навоза ищет жемчужное зерно. Но разница между мной и крыловским петухом такая: мне ясно, что навозом от кобылы можно удобрять поля, а навозом от искусственной кобылы поля удобрять нельзя. *(Смех.)*

Я говорю с вами импрессионистски, считая, что это лучше доклада или чтения воспоминаний. Чем хороша импрессионистская форма беседы? Когда редко встречаешься, всплывают разные вопросы, и на них надо дать ответы не исчерпывающие — вы сами их «дочерпаете»...

Может быть, мы возьмем у кого-нибудь из присутствующих здесь стихотворение и будем следить за его строками с точки зрения ювелира, не только того, который снабжает браслетами буржуазию, но и того, кто делает кольца для обручения пролетариата?

Итак, у кого-нибудь из вас, может быть, есть стихотворение, и мы, отталкиваясь от него, затронем различные темы. Это лучше всего. Сядем на определенном вокзале, еще не зная, куда поедем. Но предупреждаю; в оценке я буду, как палач на пенсии.

Ну вот, ко мне поступило стихотворение «Торгаш». На первый взгляд неплохое. Разбирать его буду не с точки зрения арифметики, а с точки зрения высшей математики. Среднее образование и даже профессорское звание, как вы знаете, не отличают человека, отличает его только то, что он внес в науку. Одно дело — никому, кроме студентов, не ведомый профессор, другое — профессор Эйнштейн... Ну, давайте разбирать.

...И борода твоя лохматая,
Как пес, свернется на мешке...

При чем тут мешок? Если бы не было мешка, пес мог бы свернуться еще на чем-то... Мешок — это не признак торговца. В мешке можно носить что угодно. Бедные люди таскают в мешке все, если у них нет денег на авоську.

Автор находился в плену рифмы «Ташкент» — «мешке», и в результате не он повел стихотворение, а стихотворение повело его. *(Голос с места: «А может быть, наоборот—он дорожил образом?»)*

В молодости мне безумно нравились такие мои строчки... Сейчас вы будете хохотать:

Отягченная горем земля
Ударяет вздохами по небу.
Сегодня, 22 февраля,
Я хочу написать что-нибудь.

Рифма «по небу» — «что-нибудь» мне очень нравилась, я дорожил ею. А дело не в том, чем человек дорожит, а в том, что действительно дорого. Мещанин, скажем, дорожит фикусом, но это ведь не значит, что фикус имеет особую ценность.

В стихотворении нет возраста человека, о котором пишет автор. Какой это человек? Если старый — мож-

но было бы написать: «ободранная борода», и это определение служило бы мыслью. А то, что борода лежит, как пес, меня не волнует. *(Голос с места: «Может быть, автор хотел сказать: как собака стережет?»)*

Когда я читаю «Брожу ли я вдоль улиц шумных», все для меня ясно. Здесь нет того, чтобы борода свернулась на мешке. Здесь нет ни одного образа. Об образе нам тоже надо поговорить, потому что образом часто служит самое обыкновенное прилагательное. И вдруг это необычно поставленное прилагательное начинает звучать: «Гордо реет Буревестник, черной молнии подобный...» «Черной» — обычное слово, а какой изумительный образ!

Дальше вы пишете:

И за киоском у обочины
Маячит сгорбленная тень,
И воровато, озабоченно
Бесследно канет в темноте.

Это мне мешает. Все четверостишие сделано ради рифмы «обочины» — «озабоченно». У вас получается человек с двумя спинами и одной ногой. Вы отступаете от главной мысли, динамика стиха пропадает.

А вот пример, когда простое прилагательное становится замечательным образом:

Вагоны шли привычной линией
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Через эти прилагательные — зеленые, синие и желтые — вы сразу видите социальную суть тогдашней России... Надо знать, что можно сравнивать, и нельзя сравнивать кобылу с архиереем.

В вашем стихотворении торговец кричит: «Берите пряное и острое...» Это можно услышать только в Литинституте. Продавец никогда не скажет «берите» — он скажет: «покупайте».

Дальше строка: «Какой наварится супец!» Кто же в Ташкенте скажет «супец»? Это скажут в Ярославле, а не в Ташкенте.

Не думайте, что я придираюсь к стиху,— нисколько! Я так же говорю и с любимым мною поэтом Смеляковым, он меня так же чешет, и большей частью правильно. Но нам легче понимать друг друга, потому что мы давно знакомы и наше творчество близко.

Читаем дальше:

Откуда ты, с какого острова,
Могильной гильдии купец?..

Почему острова, а не полуострова, не мыса? Почему купцы должны быть на острове? Они, наоборот, живут на континенте. Но у вас — остров. Почему? Острова бывают и обжитые, например, остров Манхеттен в Нью-Йорке. Вам остров нужен для рифмования со словом «острое». А если бы было слово «тупое», вы, наверное, рифмовали бы «с перепоя». *(Смех.)*

...Посторонись! Идут рабочие.
Дай честным гражданам пройти.

Это, знаете, примитивно звучит — плюс и минус, пролетариат и буржуазия. Пойдем дальше:

У тех, кто тяжести ворочает,
И так здоровый аппетит.

Вот это по-настоящему просто, хорошо.

С ответственностью за свои слова утверждаю: стихотворение талантливое. Почему же я так жестоко с

ним обошелся? После моего разбора вы первое время не будете знать, что вам делать, вас каждая строка будет смущать. Но это только первое время. Нужно немного помучиться, а потом все встанет на свое место.

Вот еще две строки из этого стихотворения:

И звонче, чем листы лавровые,
Шуршат за пазухой рубли.

Почему шуршат? Если шуршат — значит, не звенят, а у вас написано: «звонче»...

Вы недостаточно вжились в то, что изображаете, и находитесь немного в подчинении и у рифмы и у аллитерации.

Остановлюсь еще на одной строфе:

Проходит жизнь, и горькой истины
Ты не запрячешь в семерик.
А совесть продана по листику —
Теперь попробуй собери!

Слово «собери» здесь не то, а если вы употребили его, то совесть должна быть не продана, а разбросана по листикам. Точнее сказать, не совесть, а жизнь...

Я бы напечатал эти стихи, если бы чем-нибудь заведовал. *(Смех.)*

Поймите, мне хочется, чтобы вы были не только членами Союза писателей, о чем вы, конечно, мечтаете, а явлением в нашей поэзии. Таким явлением, как Леонид Мартынов. Я читаю его каждый раз с большим удовольствием. Вы заметили, как у него поставлены слова, мысли?! Это один из самых любимых моих современных поэтов.

Еще я очень люблю Смелякова. Но он менее строг, чем Мартынов, хотя и не менее талантлив. И вообще, у нас с поэзией обстоит дай бог, хотя современники всег-

да жалуются, что поэзия слаба, что раньше она была лучше. Даже тогда, когда Пушкин создал «Евгения Онегина», один из его современников, который не очень любил Пушкина, заявил: «Наш Сашка исписался». Прошло немного времени, и стало понятно, что «Евгений Онегин» — творение гения.

Поэтому когда начинают хаять нашу поэзию, этого не надо принимать всерьез. А хаять ее есть за что и будет за что даже при полном коммунизме.

Поэзия познается по тому положительному, что она дает. И если сделать сборник положительной нашей поэзии, то он будет весьма объемистым.

Верно, конечно, что мы выпускаем четверть настоящей поэзии и три четверти мусора. И все же, когда будем собирать все настоящее, мы увидим: наша эпоха отражена в поэзии гораздо больше, чем в прозе.

Недавно я прочел поэму чудесного поэта Василия Казина. По-моему, еще никто так не описывал, как он, первый ленинский субботник. Всем вам очень советую прочесть ее. Казин не пропустит безвольной строки — каждая строка у него, как солдат.

Я надеюсь, что вы меня не подведете и через года два услышите мой восторженный отзыв. Я никому не хочу причинять зла или показать, какой я умный. Просто говоря, тот этап, который вы еще переживаете, я уже пережил, потому и указываю вам на недостатки.

Чтобы вы не огорчались, что я вас избрал как жертву, разберу еще одно стихотворение, также, видимо, талантливого человека (говорю это пе в качестве комплимента). Вот его стихи:

Набегая под наклоном,
Ветер выл на голоса.
Между белым и зеленым —
Отчужденья полоса.

А грачи вовсю орали,
Гомонили до зари.
А сугробы догорали,
Приседая до земли.

Мысль правильная: между белым и зеленым — отчужденья полоса. Это начало весны. А «ветер выл на голоса» — сказано неточно. Если баба плачет, то в голос, а не на голоса.... Можно выть на разные голоса. А у вас получается, что где-то выли голоса, а ветер выл на них, так же как собаки воют на луну.

Я бы посоветовал начать стихотворение так:

Между белым и зеленым —
Отчужденья полоса...

Сразу видишь начало весны, сразу понятно, что происходит.

А грачи вовсю орали,
Гомонили до зари...

Гомонить и орать — разные понятия.

А сугробы догорали,
Приседая до земли...

Зачем вам «а»? Здесь ведь надо «и». Затем, почему они приседали до земли? Когда я сижу на стуле, я не говорю, что я сижу, приседая на стул. Если вы говорите про сугробы, что они догорали, «приседая до земли», значит, они были где-то сверху, а не на земле. Они просто все ближе принижались к земле.

Когда речь идет даже о неодушевленных предметах, делайте им человеческие судьбы. Тогда все будет выглядеть гораздо теплее, человечнее. Возьмите «Парус» Лермонтова. Разве это о парусе? Это же о человеке, о его судьбе. А когда вы говорите, что сугробы приседали

до земли, у меня создается комическое впечатление. По вашему мнению, это поэтический образ? А посмотрите, что с ним происходит. Этот образ похож на человека, не умеющего владеть биноклем. Он поворачивает бинокль в другую сторону, и все отдаляется от него... Так и вы: вместо того, чтобы приблизить предмет, отдаляете его...

Догорали и чернели,
Слякотя...

Нехорошее слово! Его мог бы употребить Маяковский там, где он издевался бы над чем-нибудь — над тем же торгашом, чтобы создать противное впечатление о нем. Это слово тогда подошло бы, но оно не для вашего стихотворения.

...И не пыля,
Тает снег.

Еще бы пыля!

Почерневши, кочсиели
Неодетые поля.

Я бы написал «полураздетые поля». Они не голые и еще не одетые. А неодетые поля — это же осень. А весной они в заплатах, полураздетые... Не думайте, что я придираюсь к строчкам. Я все время наталкиваю вашу мысль на точность показа.

Белый был уже несмелый,
А зеленый выжидал...

Понятно, что вы говорите о белом и зеленом цветах. Но у меня, который помнит гражданскую войну, это вызывает другие ассоциации: «Белый был уже не смелый» — это когда мы турнули его из Крыма, а «зеленый выжидал» — это когда он по хатам прятался. *(Смех.)*

Стихотворение должно быть написано для всех возрастов, даже детского.

Белый в черный то и дело
Погружаясь, пропадал.

«То и дело» здесь не нужно, к сути не относится. Ведь каждое стихотворение имеет свой словарь, и каждый поэт тоже имеет свой словарь...

Старайтесь, где только можно, держать в центре внимания человека, тогда все станет куда убедительнее...

Угловаты сучья клена...

Дело не в угловатости. Они и летом угловаты. Нам нужен признак весны. Ищите то, что бывает с кленом именно весной. Сучья клена всегда угловаты. Или надо быть мичуринцем, чтобы вырастить новый сорт клена. Заключаю разбор стихотворения: начало весны я вижу только в двух строках — «между белым и зеленым — отчужденья полоса». Так или не так? *(Голос с места: «Правильно».)*

Хочется, чтобы вы сами сознались в своем «преступлении», и тогда я смягчу вам «наказание».

Когда Лев Толстой описывал Бородинское сражение, оно происходило у него на письменном столе. Он видел все, каждого солдата. Когда я читаю ваше стихотворение, мне кажется, что вы плохо видите то, о чем пишете. Я всегда говорю молодым поэтам: «Ищите точности выражения для передачи читателям своего видения». Для этого не надо ничего необыкновенного...

В дни моей далекой юности я жил в Москве, на Покровке, в общежитии. Ко мне приехал отец, впервые очутившийся в нашей столице. Он сказал мне: «Какая замечательная церковь тут недалеко!» Я пошел, посмотрел — действительно замечательная церковь. Я каждый

день проходил мимо и не замечал ее, а он приехал и увидел ее свежими глазами.

Мы должны показывать читателю то, что он пропускает и не видит своими глазами. А когда мне подсовывают угловатые клены как признак весны — я не соглашаюсь...

Если вы устали от разбора стихов, мы можем поговорить с вами на любую другую тему. Задавайте мне коварные вопросы. Что вас волнует? Чувствуете ли вы недостаток сил, когда пишете, ощущаете ли вы, в чем этот недостаток?

...Постепенно все приходит. Придет и к вам знание и понимание точности стиха. Только сохраните все, что сейчас пишете, чтобы потом умиляться своей молодостью...

Очень важно понимать прозаизмы, их значение в стихе. Они действуют иногда сильнее поэтических образов. Я очень люблю слова-прозаизмы, а раньше пользовался ими неумело *(Голос с места: «Как вы думаете — верлибр привьется?»)*

Он может привиться, как в ботаническом саду прививаются тропические растения. Но даже Маяковский, ломая, революционизируя стих, пришел к ямбу Пушкина, хотя ямбы у них разные. Читая: «как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима», — сразу слышишь: это Маяковский. Пушкин не сказал бы «сработанный», но это слово прекрасно звучит у Маяковского...

Я от вас требую, как от мастеров, высшего качества, и если вы освоите хотя бы пятьдесят процентов моих требований, я посчитаю нашу беседу небесполезной.

Ко мне поступило еще одно стихотворение — в одну строку. Это тоже образец желания оригинальничать:

Пью пиво. Пена. Два проливных дождя. 73 копейки за все.

Какая мысль в этой строке? Вы хотите снижения цен на пиво? *(Смех.)*

При чем тут проливные дожди? Вы намекаете на то, что в пиво подливают воду?

У японцев есть трехстрочное стихотворение «хокку» и пятистрочное «танка» — это же богатейшая вещь! Но ведь у вас совсем не то. Я тоже могу написать: «Пью водку. Идет снег. Друг угощает. Ни копейки не стоит». Чем моя мысль хуже вашей? *(Смех. Голос с места: «Лучше».)*

Даже лучше. Потому что 73 копейки останутся при мне, а за разбираемое сейчас стихотворение я не заплатил бы ни копейки.

Предостерегаю вас: избегайте ложной мудрости! Она засасывает.

Пушкинское «Брожу ли я вдоль улиц шумных» написано о таких вещах, которые все знают: о жизни, о смерти. Но написано так, что никогда не забывается. Стихотворения же о пиве я тоже не забуду, но не забуду как анекдот...

Сейчас мне подбросили короткие басни:

Везде кричит башмак о том,
Что у него земля под каблуком...

Осел с волками дружбу свел,
На то он и осел.

С баснями — беда. В них нередко берется то, что лежит сверху. А то, что берут сверху и вставляют в басни, лишено мысли. Когда Михалков начинал писать басни, он делал это свежо — помните про лису?.. Он внес в басни советское качество, которого не было у Крылова, и басни Михалкова запоминались, приводились как цитаты... А так — я возьму любую пословицу и сделаю басню. К примеру, лечил меня один зубной

врач, много говорил, но зубы не вылечил. Мораль: не заговаривай зубы. Вот и басня, в которой подмечено все, что лежит сверху.

Мы будем с вами переходить от забавного к серьезному и наоборот — ведь беседа должна быть человечной. Вот еще басня:

Он на исходе долгой жизни
Делился опытом своим.
Когда работал под нажимом,
То сразу делался тупым.

Это немного лучше, но здесь тоже ближайшая ассоциация.

Вот еще одно стихотворение, в котором сказано: «Дождь прошлепал босыми ногами». Какие же ноги у дождя? У него нет ног. О дожде много и хорошо написано. Блок, например, писал о мертвом и тут же показал дождь, и его образ получил потрясающую силу. Простыми средствами, как я уже говорил, достигается необыкновенный эффект. Вот почему великих поэтов надо перечитывать. Вспомните, как Маяковский писал: «Мария — дай!» Благодаря ему было свергнуто царство искусственной поэзии. Роль Маяковского в этом поистине титаническая!..

Почитаем еще одно стихотворение:

Утро. Хата. Бабка. Печь.
Кашель деда. Скрип и речь.

Здесь скрип и речь сливаются — получается «скрипиречь». Дальше:

Почесал затылок дед,
— Ах,— сказал,— один ответ,
Быть по-твоему, старуха,

Непослушное ты ухо,
Так и быть уж — разбужу...
Гляко...

Что это? Народный говор? А почему я должен говорить, как говорят в деревне Малые Мочалки? Здесь утеряна русская сказка: нет ни ковра-самолета, ни ТУ-104... Снижена русская сказка, а она сама по себе великолепна.

Писать можно обо всем, лишь бы это обогащало читателя. Сразу, может быть, и не попадешь в мишень, но ты стреляй в нее.

Вот еще стихотворение, в котором каменная баба названа бабенкой. Это все равно что сказать, что я Юрий Власов. *(Смех.)*

Вы все время идете к цели и не доходите до конца. Вам кажется, вы наделили силой каменную глыбу. Почему вы обращаетесь к ней, как к скифке, а не как к каменному изображению? Представляю, какое впечатление произведет на нас ребенок, который назовет свою прабабку прабабенкой!

Не мудрите! Если аромат, то аромат, а не сложное соединение... А когда вы начинаете мудрить, то я, к несчастью, и сам умный...

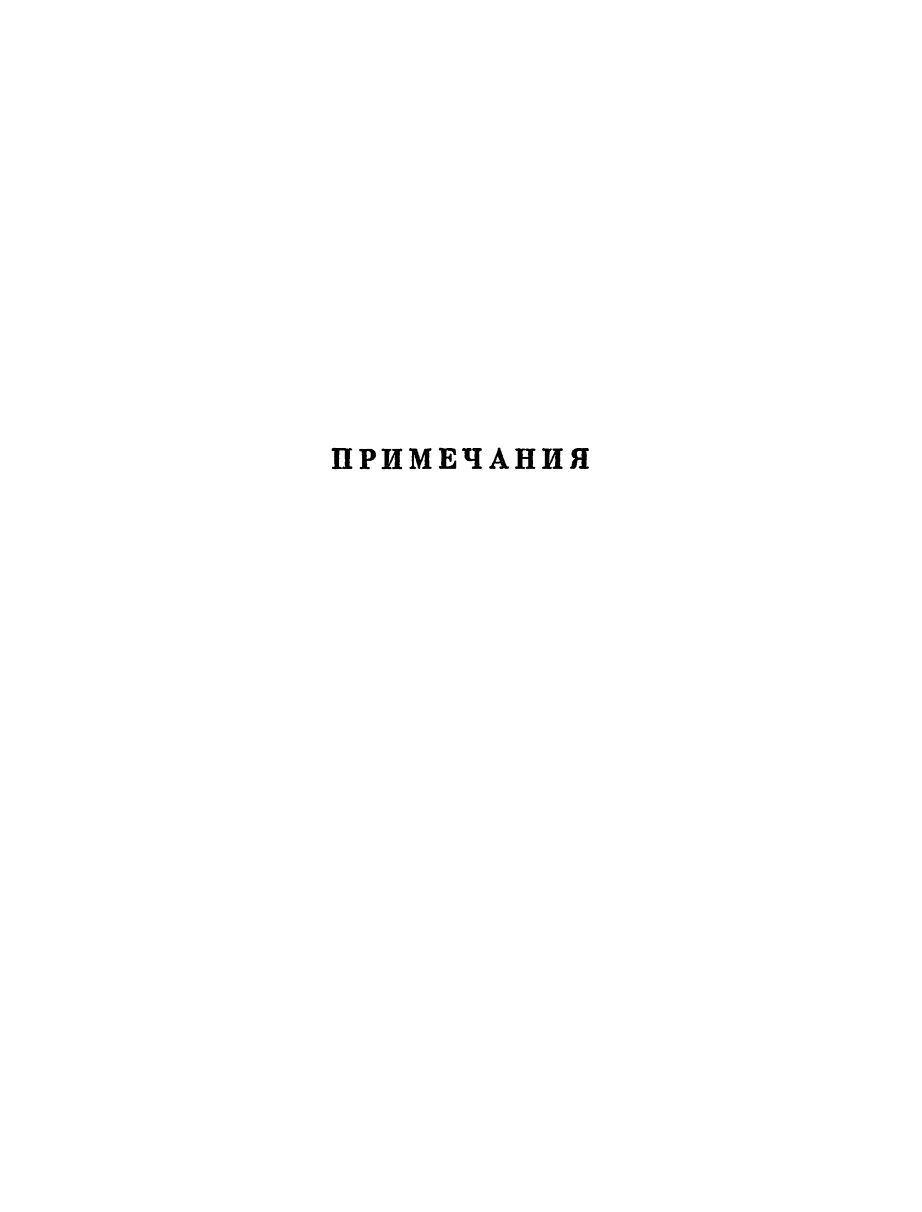
Я за то, чтобы искусство было беседой. Все искусство, даже пейзаж — беседа. Вспомните картину Левитана «Над вечным покоем» — это ведь беседа. Я смотрю на нее, и у меня рождаются какие-то мысли... А когда мне про каменную бабу говорят: «бабенка»,— я все равно ею не увлекусь... Брак не состоится, нет!

Я за оперативность лечения, а не за терапевтическое лечение. Боль — великая вещь. Если бы ее не было, людей умирало бы в десять раз больше. Боль предупреждает, что какой-то орган болен и что нужны или срочная операция, или быстрое терапевтическое лечение. Так

же и у вас: какое-то лечение вам нужно. Я никогда не стесняюсь огорчить молодого поэта. Это ему всегда полезно. А если я буду говорить вещи только приятные, то они ведь не нужны ни вам, ни мне. Я старался доставить вам минимум боли...

Может быть, мы с вами еще встретимся зимой. Летом вы окрепнете физически и поэтически. И тогда у меня будет меньше замечаний по вашим стихам... Всех вас благодарю за внимание!

1964

ПРИМЕЧАНИЯ

В третий том настоящего Собрания сочинений Михаила Светлова включены его статьи на литературные и общественно-политические темы, воспоминания, заметки автобиографического характера, рецензии на книги стихов советских и зарубежных поэтов, предисловия к поэтическим сборникам, «врезы» и «вступы» к публикациям стихов начинающих авторов, приветствия, речи, выступления. В особый отдел выделена художественная проза Светлова — начатые им в конце жизни и неоконченные своеобразные новеллы, которые писатель называл сказками для взрослых, и сценарий мультипликационного фильма.

Большая часть статей и рецензий Светлова была опубликована в периодической печати. Материалы, не опубликованные при жизни писателя, взяты из фонда М. А. Светлова в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, ф. 2286, опись 1).

Сам автор не готовил и не издавал сборников своих литературно-критических работ. После его смерти несколько статей и рецензий вошло в двухтомник избранных произведений Светлова (Михаил Светлов. Избранные произведения в 2-х томах. М., «Художественная литература», 1965), а затем было выпущено два сборника, посвященных всецело Светлову — критику и прозаику: «Беседует поэт» (М., «Советский писатель», 1968) и «Беседа» (М., «Молодая гвардия», 1969). В сборнике «Беседует поэт» впервые были собраны воедино статьи, рецензии, заметки, высказывания и выступления Светлова, разбросанные по различным изданиям или не публиковавшиеся вовсе. В этой книге также впервые появился текст вступления-пролога светловских сказок.

Содержащий не известные до той поры материалы и удачно композиционно построенный, этот сборник, безусловно, сыграл положительную роль в популяризации наследия Светлова-прозаика. Однако подготовке текстов здесь не всегда уделялось должное внимание, отбор основного источника, по которому публиковался материал, часто был произволен. «Беседа», не обладая достоинствами первого сборника, усугубила его недостатки. В этой книге — вольное обращение с авторским словом, контаминированные, то есть составленные из нескольких авторских источников, тексты, порой «отредактированные», сокращенные или разбитые на несколько самостоятельных частей, и тому подобный текстологический произвол привели к искажению подлинного светловского текста.

При подготовке настоящего издания, дающего наиболее полный свод литературно-критических суждений М. Светлова, все тексты проверены по имеющимся печатным и архивным источникам, определен и указан основной источник, по которому дается публикация.

Как правило, текст печатается по прижизненной публикации (в подавляющем большинстве случаев — единственной), а если таковой не было — по автографу или машинописной копии. Ряд выступлений Светлова дан по стенограммам, хранящимся в архивах. В отдельных случаях за основной источник принимается посмертная публикация, что особо оговаривается в примечаниях.

Светлов почти никогда не обозначал дат написания статей (эти немногие даты выделены **жирным шрифтом**), поэтому тексты датируются по времени их опубликования. Редакторская датировка неопубликованных материалов дается в угловых скобках.

В некоторых статьях и выступлениях, написанных или произнесенных в разное время, встречаются текстуальные совпадения. В ряде таких случаев редакция прибегла к сокращениям, обозначаемым отточием.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ, ВОСПОМИНАНИЯ И СТАТЬИ

Заметки о моей жизни (стр. 7).— «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. II. М., «Худож. лит.», 1959, с. 304. В ЦГАЛИ хранятся два машинописных варианта «Заметок», а также отдельные отрывки. Позднее под таким же названием была опубликована вступительная статья М. Светлова в сборнике его стихов «Я — за улыбку!» (М., изд-во «Правда», 1962. Библиотека «Крокодила»). Однако самостоятельного текстологического значения она не имеет, так как воспроизводит текст «Разговора с читателем» (см. ниже) и, частично, текст данной статьи.

Первая, сверхлаконичная, автобиография Светлова была написана им в 1927 году. Приводим ее полностью: «Я, Михаил Аркадьевич Светлов, родился в 1903 году, 4/17 июля. Отец — буржуа, мелкий, даже очень мелкий. Он собирал 10 знакомых евреев и создавал «Акционерное общество». Акционерное общество покупало пуд гнилых груш и распродавало его пофунтно. Разница между расходом и приходом шла на мое образование. Учился в высшем начальном училище. В комсомоле работаю с 1919 года. Сейчас — студент I МГУ. Стихи пишу с 1917 г.» (цит. по кн.: В. Вешнев. Взволнованная поэзия. М., «Мол. гвардия», 1928, с. 48).

Николай Коробков — друг детских и юношеских лет М. А. Светлова, журналист по профессии (см. его воспоминания о Светлове в сб.: «Ты помнишь, товарищ... Воспоминания о Михаиле Светлове». М., «Сов. писатель», 1973, с. 79).

«*Их расстреляли*» (1906) — стихотворение Д. М. Цензора.

«*Нива*» — иллюстрированный еженедельник, политически «благонамеренное», наиболее распространенное в дореволюционной России издание, где печатались писатели различных направлений.

Михаил Голодный (1903—1949) — советский поэт, входивший

в плеяду «комсомольских поэтов», автор популярных стихов, положенных на музыку,— «Песня о Щорсе», «Партизан-Железняк» и др.

Александр Ясный (1904—1945) — советский поэт, один из зачинателей рабочей комсомольской поэзии.

Сб. «*Рельсы*» М. Светлова вышел в 1923 году (Харьков, изд. ЦК КСМУ).

...*имажинисты*, «*фуисты*», «*ничевоки*» — литературные группировки формалистического характера, существовавшие в России в первые годы после Октябрьской революции.

Сб. «*Ночные встречи*» М. Светлова вышел в 1927 году (М., «Мол. гвардия»).

«*Пирушка*» (1927).— См. наст. изд., т. 1, с. 194.

В 30-е годы я выпустил...— См.: «Избранные стихи», М., «Федерация», 1932; «Избранные стихи», М., «Мол. гвардия», 1935; «Избранные стихи», М., ГИХЛ, 1935; «Корни», М., «Моск. рабочий», 1925; «Гренада», М., «Мол. гвардия», 1930.

...*на сценах московских театров*.— См. об этом в примеч. к т. 2 наст. изд.

...*более подробно расскажу об этом*.— Светлов не успел выполнить свое обещание. Это сделали его фронтовые друзья — см. кн.: Борис Бялик. Наедине с прошлым. М., «Сов. писатель», 1966; 2-е дополн. изд.— 1968; сб. «Ты помнишь, товарищ... Воспоминания о Михаиле Светлове».

«*Бранденбургские ворота*» (1945).— См. наст. изд., т. 2.

«*Итальянец*» (1943) — стихотворение; см. наст. изд., т. 1, с. 439. «*С новым счастьем*» (1956).— Под назв. «Молодое поколение» см. в наст. изд., т. 2.

...*в издательстве «Советский писатель»*.— Речь идет о сборнике стихов М. Светлова «Горизонт» (М., 1959).

Заметки (стр. 19).— «Октябрь», 1929, № 2, с. 218.

«*Записки писателя*» — постоянный отдел в журнале «Октябрь».

«Я в жизни ни разу не был в таверне...» (1926).— См. в т. 1 наст. изд., с. 159.

Теофиль Готье (1811—1872) — франц. писатель и критик, приверженец романтизма и теории «искусства для искусства».

Поль Верлен (1844—1896) — франц. поэт, один из основоположников символизма.

С. А. Кибальчич, «Порослъ», повесть. М.—Л., изд-во «Земля и фабрика», 1928, с. 208.

Эдуард Багрицкий (стр. 24).— «Огонек», 1949, № 7, с. 22.

Э. Г. Багрицкий умер 16 февраля 1934 года.

...носили странные названия.— В литературно-художественных альманахах модернистского толка, выходивших в Одессе,— «Авто в облаках» (1915), «Седьмое покрывало» (1916), «Серебряные трубы» (1915),— печатались поэты Э. Багрицкий, С. Третьяков, В. Шершеневич, А. Фиолетов и др.

Человеческая должность (стр. 28).— «Лит. газета», 1950, 31 мая, № 44.

Народ и его поэты (стр. 33).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 108). Датируется по содержанию.

...недавнюю поездку на Алтай.— 28 октября 1957 года Светлов сообщал в «Вечерней Москве» (№ 255): «Два года назад я вместе с режиссером театра имени Ермоловой С. Гушанским пробыл больше месяца на целинных землях. Эта поездка дала мне большой и интересный материал. Постепенно он выкристаллизовался в пьесу, которую я назвал «С новым счастьем». Пьеса была написана в прошлом году и опубликована в 12-м номере журнала «Октябрь». В ней рассказывается о молодежи, осваивающей целинные земли».

Несколько моих слов о Валентине Катаеве (стр. 37).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 109). Датируется предположительно. В 1957 году Валентину Петровичу Катаеву исполнилось 60 лет.

...рассказ «Ножи» — был опубликован в сб. В. Катаева «Новые рассказы» (М., «Гудок», 1926).

...своих Бачеев.— Бачеи — герои тетралогии Валентина Катаева «Волны Черного моря»; Петр Бачей — один из главных героев этих книг: «Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи», «Зимний ветер» и «За власть Советов».

Разговор с читателем (стр. 39).— М. Светлов. Яблочко-песня. Стихи. М., Детгиз, 1958, предисловие.

С. Я. Надсон (1862—1887) — русский поэт эпохи реакции 80-х годов, отразивший пессимистические настроения своего времени.

История одного стихотворения (стр. 42).— «Москва», 1957, № 12, с. 209.

Впервые о создании стихотворения «Гренада» (1926 г., см. наст. изд., т. 1, с. 155) Светлов пишет еще в 1929 году в «Заметках» (этот текст опущен нами в публикации «Заметок», так как в основном повторен здесь). В ЦГАЛИ имеются машинописные варианты статьи, включающие более широкий автобиографический материал, использованный затем писателем в «Заметках о моей жизни». В устных выступлениях Светлов также не раз касался истории возникновения самого популярного своего стихотворения (магнитофонную запись текста одного из таких выступлений по радио в 1958 году воспроизводит Лев Шилов в статье «Разговаривает Михаил Светлов» — см. сб. «Ты помнишь, товарищ...», с. 329).

«...Размозолев от брожения».— Вл. Маяковский писал в «Облаке в штанах»: «А оказывается — // прежде чем начнет петься,

// долго ходят, размозолев от брожения, // и тихо барахтается в тине сердца // глупая вобла воображения» (Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. I. М., Гослитиздат, 1955, с. 181).

...*Метод физического действия.*— Имеется в виду метод физических действий, входящий в систему К. С. Станиславского, в его теорию актерского мастерства; суть метода заключается в том, что правильно найденная логика физического поведения актера влечет за собой необходимую психическую реакцию.

«*Ангелы, придуманные мной, // Снова посетили шар земной*» — строки из стихотворения М. Светлова «Возвращение» (1945). См. наст. изд., т. 1, с. 455.

«*Красная новь*» — первый советский «толстый» литературно-художественный и общественно-политический журнал, издававшийся в Москве с 1921 по 1942 год.

...*Я застал Есенина и Багрицкого...*— Ошибка памяти Светлова: С. Есенин умер в декабре 1925 года.

Что меня побудило написать «Гренаду» (стр. 47).— «Смена», 1958, № 13, июль.

Литва — республика поэтов (стр. 49).— «Лит. газета», 1959, 12 дек., № 152.

...*впервые побывал в Литве.*— В начале декабря 1959 года в Литве проходила Неделя русской советской поэзии. В заключение «под председательством А. Венцловы состоялся большой литературный вечер в Государственной филармонии. Затаив дыхание, слушал зал «Гренаду» Михаила Светлова» («Лит. газета», 1959, 5 дек., № 149).

Короткие мысли (стр. 50).— «Лит. газета», 1959, 18 мая, № 59.

Статья напечатана в день открытия Третьего съезда писателей СССР, посвященного задачам советской литературы в деле

коммунистического строительства, вопросам об основных принципах социалистического реализма и о богатстве и разнообразии форм и стилей советской литературы.

«...как беспризорный в январскую ночь».— В рукописной заметке, близкой по содержанию данной статье, Светлов дополняет «мысль» о стихотворной строке размышлением «о подходе к стихотворению»: «Стихотворение — это женщина, с которой ты собираешься жить всю жизнь! Никаких пошлостей, одна строгость! (Умница Смеляков! Он назвал свою поэму «Строгая любовь») Во всем нужна точность. Нужно точно убивать врага, и нужно точно обнимать друга. (Как часто этого друзья не понимают!)» (ЦГАЛИ, указ. фонд., ед. хр. 116).

В первоначальном варианте статья заканчивалась суждением о положительном герое в нашей литературе: «Когда ты его представляешь своему читателю, ты не думай о том, положительный он или отрицательный, ты его видь. Когда ты пишешь, твой письменный стол должен стать плацдармом, на котором сражаются человеческие интересы. А как только ты начинаешь задумываться, как сделать своего героя на шестьдесят процентов положительным, а на сорок процентов несколько худшим, ты перестаешь быть близким своему читателю. В стихотворении ты не развешивающий продукцию продавец, ты — творец. Мы — не младенцы, мы не должны бояться удара по темечку, оно у нас уже давно заросло» (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 104).

...статья Ильи Сельвинского о тактовом стихе.— Речь идет о статье И. Сельвинского «Углубить консолидацию!», опубл. в «Литературной газете» 8 января 1959 года в порядке предсъездовской дискуссии по вопросам поэтического мастерства. Более подробно теорию тактового стиха Илья Сельвинский изложил в своей книге «Студия стиха» (М., «Сов. писатель», 1962).

Еще короткие мысли (стр. 53).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 133). Датируется предположительно.

Воспоминания, облеченные Светловым в полюбившуюся ему форму «коротких мыслей», не закончены. Они обрываются на фразе: «Мое знакомство с Маяковским состоялось следующим образом».

Иннокентий Анненский (1856—1909) — русский поэт-символист.

Каролина Павлова (1807—1893) — русская поэтесса, в ее ранних стихах отразилось увлечение Мицкевичем, позднее, по выражению Салтыкова-Щедрина, создавала «мотыльковую поэзию».

Воспоминания о Луговском (стр. 58).— Автограф (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 133). Датируется предположительно.

Ощущение дружбы (стр. 59).— «Лит. и жизнь», 1961, 3 сент., № 105.

Заметка Светлова помещена в общей подборке отзывов других участников «вдохновенной недели на белорусской земле» (А. Прокофьева, Ю. Друниной, Е. Поповкина, Я. Хелемского, Н. Грибачева), проходившей в августе 1961 года. Воспоминания об этой поездке и об участии в ней Светлова см. в статье Я. Хелемского: «Вечный подданный поэзии» (сб. «Ты помнишь, товарищ...», с. 41).

Сердце раскроется красоте (стр. 61).— «Комсомольская правда», 1961, 22 сент., № 225.

...моего друга—горьковеда Бориса Бялика.— См. главу «Жизнь и смерть Феди Чистякова» в книге Бялика «Наедине с прошлым» (впервые опубликовано под названием «Сердце, раскрытое настежь» — в журн. «Юность», 1962, № 4). Светлов посвятил Чистякову строфу в своей «Песне о дружбе» («Замолкли под вечер раскаты боев»), напечатанной в армейской газете: «И питерский слесарь — наш друг Чистяков // Прилег за «максимом» своим,

// И зарево новых победных боев // Уже полыхает над ним...» (цит. по назв. книге Б. Бялика, с. 136). Сохранилось воспоминание поэта о «влюбленном мальчике» («Я бывалый воин...» — см. «Еще короткие мысли»). О Чистякове была задумана и поэма, осуществленная только в набросках (под назв. «Поиски героя» и «Герой найден» опубл. в наст. изд., т. 1, с. 620, 622).

...случайной быть не может.— Эту же мысль высказывает Светлов в одной из своих заметок: «...Разве все дело в дне победы, неправда. Все дело в годах борьбы... Будни войны. В этом вся прелесть моих воспоминаний... Я никогда не забуду глубоких воронок на этих дорогах! Вот так и надо писать стихотворение. Радость не в конечной станции, радость в пути. Может создаться впечатление, что я только и думаю о войне... Это неверное впечатление. А наше колхозное строительство? Сколько там надо было преодолеть препятствий, чтобы победить в этом деле? А наша промышленность?..» (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 116).

Статья Светлова вызвала «ответную душевную волну»,— сообщает «Комсомольская правда»; редакция получила сотни писем от молодых читателей, горячо откликнувшихся на светловскую мысль о человеке-поэте (см. публикацию в номере от 8 дек. 1961 г.).

Москва предсъездовская (стр. 67).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ, фонд, ед. хр. 107). Датируется по содержанию.

Ее пульс звучит на весь мир (стр. 69).— «Веч. Москва», 1961, 18 нояб., № 273.

14 ноября 1961 года Анна Караваева выступила на страницах «Правды» со статьей «Создадим книгу о Москве». Ее инициативу поддержали в «Вечерней Москве», кроме Светлова, Б. Полевой, М. Матусовский, Лев Никулин, В. Герасимова и др.

Паспорт поколения (стр. 70).— «Смена», 1961, № 22, ноябрь, с. 2.

...слова Маркса о том...— К. Маркс писал в «Тезисах о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 4).

Чужой недостаток — не твое достоинство (стр. 77).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд., ед. хр. 115). Датируется по содержанию.

Я за улыбку! (стр. 80).— Михаил Светлов. Я — за улыбку! М., изд-во «Правда», 1962.

Спутники сердца (стр. 82).— «В мире книг», 1962, № 1, с. 45.

«Прорывая новые забои...» (1933) — Из одноименного стихотворения М. Светлова, см. наст. изд., т. 1, с. 348.

...что говорит Ленин? Вспомните...— Далее М. Светлов цитирует слова Ленина из его доклада на VIII Всероссийском съезде Советов, произнесенного 22 декабря 1920 года, в день открытия съезда (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 42. М., Госполитиздат, 1963, с. 161).

...план ГОЭЛРО — план государственной электрификации России, составленный по инициативе В. И. Ленина и принятый VIII Всероссийским съездом Советов.

«Ночь непрекращающихся взрывов...» — из «Вступления к поэме» (1938), см. наст. изд., т. 1, с. 389.

«Сердце идей вложено в цифру обычного ряда...» — Здесь и далее М. Светлов цитирует стихотв. А. Безыменского «Арифметика революции» (1930).

Г. Н. Потанин (1835—1920) — выдающийся русский путешественник, географ и этнограф.

Александр Гумбольдт (1769—1859) — выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник.

Мы, как знамя, поднимем песню (стр. 89).— «Комсомольская правда», 1962, 29 сент., № 228.

...нужна песня, в которой была бы Каховка и девушка.— Имеется в виду «Песня о Каховке» (1935) — см. наст. изд., т. 1, с. 368. Музыку к песне сочинил И. Дунаевский. В 1943 году, будучи на фронте, после освобождения города Каховки от гитлеровцев, М. Светлов написал новый вариант своей песни — см. наст. изд., т. 1, с. 448. О том, как возникла вторая «Каховка», вспоминает С. Савельев (сб. «Ты помнишь, товарищ...», с. 183).

...Давайте напишем песни... — Одним из последних стихотворений Светлова стала его «Комсомольская песня», написанная незадолго до смерти, 21 апреля 1964 года (см. наст. изд., т. 1, с. 675).

Чувство размаха (стр. 95).— «Лит. и жизнь», 1962, 17 окт., № 124.

Поэт-гражданин! (стр. 97).— «Комсомольская правда», 1962, 8 дек., № 284.

...юбиляр Корней Иванович Чуковский.— В 1962 году Чуковскому исполнилось 80 лет.

Потапенко И. Н. (1856—1929) — русский писатель, представитель либерально-народнической литературы.

...некогда знаменитая ода.— Речь идет об оде А. Н. Радищева «Вольность» (1783), первом революционном стихотворении в России.

...это гениальное стихотворение.—Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» было одним из любимейших стихотворений Светлова. К нему он не раз обращался в своих статьях и беседах о поэзии.

«шепотом» и *«а что потом»*.— Из стихотв. Е. Евтушенко «Любимая, спи».

...*Совещание молодых писателей* — состоялось в мае 1963 года.

Доверие к художественности (стр. 103).— «Искусство кино», 1964, № 5, с. 48.

...*не «отображающее зеркало, а увеличивающее стекло»* — слова В. Маяковского из «Лозунгов для спектакля «Баня» (1930).

[Обращение к молодежи] (стр. 107).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 107). Датируется предположительно.

...*один прекрасный рассказ Мопассана*.— Имеется в виду рассказ «Маска».

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Виссарион Саянов. Комсомольские стихи. М.—Л., «Моск. рабочий», 1928 (стр. 111).— «Октябрь», 1928, № 9—10, с. 259, рецензия.

«...Песню ведут запевалы...» — Из стихотв. «За «Тихорежицким валом».

«...Два года проходят...» и *«Ах, томик помятый...»*.— Из стихотв. «На подступах Азии».

«Малиновый сполох ложится неистов...» — Строки взяты из стихотв. «Путь на Сибирь».

«...ктó скачет, кто мчится...»— Светлов цитирует стихотв. В. А. Жуковского «Лесной царь (Из Гете)».

«И путиловский парень и пленник...» — Из стихотв. «Современники».

Предисловие [к сборнику «Двадцать стихотворений»], М., Профиздат, 1934 (стр. 115).

В книге напечатаны стихи молодых рабочих Москвы и Ленинграда. С первыми стихами здесь выступили ставшие потом известными поэтами Алексей Недогонов («Золотая Колыма») — в то время монтер на заводе, и Сергей Смирнов («Отцу», «У нас», «После работы») — тогда проходчик Метростроя; впервые опубликовал свои стихи помощник машиниста, а ныне ленинградский поэт Бронислав Кежун («Последний перегон», «Бюллетень»).

Живой голос поэта (стр. 117).— «Лит. газета», 1948, 24 апр., № 33.

Рецензия на книгу Константина Мурзиди «Избранные стихи». Свердловское обл. гос. изд., 1947.

От всего сердца (стр. 121).— «Комсомольская правда», 1948, 16 июня, № 141.

Рецензия на первую книгу стихов Алексея Недогонова «Простые люди», М., «Мол. гвардия», 1948.

«Когда ученик в «мессершмитте»...»— Из одноименного стихотворения.

«Только очень помнится...»— Из стихотв. «Я не помню детской колыбели...».

«Друзья мои, //поверьте мне...»— Из стихотв. «Я, гвардии сержант Петров».

[О фильме «Молодая гвардия»] (стр. 124).— Гранки статьи, без подписи автора (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 99; там же — машинопись с неск. поправками автора, являющаяся первым вариантом статьи). Датируется по содержанию. Фильм поставлен нар. арт. СССР Сергеем Герасимовым в 1948 году.

Поэма об Александре Чекалине (стр. 127).— «Комсомольская правда», 1949, 11 янв., № 8.

Рецензия на книгу Анисима Кронгауза «Александр Чекалин» Поэма. Тула. Обл. кн. изд., 1948.

...неплохим подарком комсомолу к его съезду.— С 29 марта по 8 апреля 1949 года проходил XI съезд ВЛКСМ.

Гордость румынского народа (стр. 129).— «Огонек», 1950, № 4, с. 13.

Иммануил Кант (1724—1804), *Артур Шопенгауэр* (1788—1860) — немецкие философы-идеалисты.

«Я нашел себе товарища...» — М. Светлов цитирует письмо М. Эминеску (1885), отправленное из Одессы, где румынский поэт лечился (частично воспроизведено в кн.: Михаил Эминеску. Стихи. Перевод с румынского. М., ГИХЛ, 1950).

Новая дорога (стр. 132).— «Дружба народов», 1951, № 2, с. 183. Рецензия на книгу Геворка Эмина «Новая дорога». Стихи. Авторизов. пер. с армянского. М., «Сов. писатель», 1950.

«Поэзия — вся! — езда в незнаемое».— Строки из стихотв. Вл. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926).

Путь к большой поэзии (стр. 137).— «Дружба народов», 1951, № 5, с. 186. Рецензия на книгу А. Кешокова «Стихи». Пер. с кабардинского. М., «Сов. писатель», 1951.

В рецензии на книгу А. Кешокова «Стихотворения и поэмы» (М., Гослитиздат, 1957) Светлов вновь высоко оценивает творчество поэта: «Алим Кешоков умеет видеть, организовывать увиденное в стихи и, главное, умеет любить. Поэт должен уметь любить. Просто любить для поэта недостаточно... Это очень существенно потому, что большая любовь состоит из многих весьма важных компонентов. Одним из этих компонентов является юмор. Например, добрый, мягкий чеховский юмор. Сколько же тепла в нем! И когда я прочел, скажем, стихотворение «В селе», я подумал о Чехове ...Алим Кешоков — поэт не «местного масштаба».

Он идет в одном ряду с нашими лучшими поэтами» («Мы все — его друзья».— «Лит. газета», 1957, 25 июня, № 76).

Первая книга поэта (стр. 143).— «Лит. газета», 1952, 8 июля, № 82. Рецензия на книгу Евгения Винокурова «Стихи о долге». М., «Сов. писатель», 1951.

...тепло встречена критикой...— См.: А. Марков. Выпускники. — «Лит. газета», 1951, 12 июля, № 82; А. Яшин. О стихах Евгения Винокурова.— «Смена», 1952, № 3; Н. Калитин. Мысль, чувство, мастерство.— «Знамя», 1952, № 5; В. Огнев. Тема и индивидуальность.— «Нов. мир», 1952, № 6, и др.

Письмо к другу (стр. 146).— «Лит. газета», 1953, 9 мая, № 55. Рецензия на книгу стихов Пимена Панченко «С тобою, отчизна!». Авторизов. пер. с белорусск. Минск, Гос. изд. БССР, 1952.

«*И таких певучих чистых речек...*» — Из стихотв. «Отчизна».

«*Есть еще следы тут папы!*» — Из стихотв. «Счастливый сентябрь».

Разговор с молодым поэтом (стр. 150).— «Лит. газета», 1953, 24 дек., № 152. Рецензия на сб. стихов Леонида Кривощекова «С открытым сердцем». Алма-Ата, Казахское кн. изд., 1953.

Светлов цитирует строки из следующих стихотворений: «В белом поле», «Мой товарищ», «Светлой памяти Вани Калгина», «Встреча на полустанке», «Алма-Ата», «Знакомый агроном».

Мало красок, мало взыскательности (стр. 153).— «Лит. газета», 1954, 25 февр., № 24. Рецензия на книгу Вациса Реймериса «Литовская весна». Стихи. Авторизов. пер. с литов. М., «Сов. писатель», 1952.

«*...Знайте, что препятствий непреодолимых...*» — Из стихотв. «Создание счастья».

Незнакомый друг (стр. 156).— «Лит. газета», 1954, 5 авг., № 93. Рецензия на сб. стихов И. С. Луговского «Мишуткин трудодень» (Красноярск, 1953).

Светлов цитирует стихи: «Едем в поле», «Ангара».

В поисках правды (стр. 159).— Авторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 103). Датируется по содержанию.

...нашего предстоящего съезда.— В декабре 1954 года собрался Второй всесоюзный съезд советских писателей, который подвел итоги развития советской многонациональной литературы за 20 лет.

...одноактную пьесу «Рыжик».— Имеется в виду повесть франц. писателя Жюля Ренара «Рыжик» (1894), им самим инсценированная.

Юбилей поэта (стр. 164).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 109). Датируется по содержанию. Пятидесятилетие М. Бажана было в 1954 году.

Горячие строки (стр. 167).— «Смена», 1955, № 5, с. 18. Рецензия на книгу Расула Гамзатова «Лирика». М., «Мол. гвардия», 1954.

Счастье нелегко нарисовать (стр. 170).— «Лит. газета», 1955, 13 авг., № 96. Рецензия на книгу Марка Лисянского «Стихи и песни». Ярославль, 1955.

[О Ксении Некрасовой] (стр. 173).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 275). Датируется предположительно. Рекомендация для вступления в члены ССП СССР.

К. А. Некрасова (1912—1958) — сов. поэтесса, первый сб. стихов «Ночь на баштане» вышел в 1955 году; посмертно опубликована вторая книга стихов «А земля наша прекрасна!» (1958).

С т и х и б о л г а р с к и х п о э т о в (стр. 175).— «Иностр. литература», 1956, № 5, с. 27. Вступ. статья к публикации стихов современных болгарских поэтов.

«Кто в грозной битве пал за свободу— не умирает!» — Из стихотв. Христо Ботева «Хаджи Димитр» (1873).

З а ч е т ы р е г о д а (стр. 177).— «Лит. газета», 1956, 22 мая, № 60. Рецензия на книги стихов Ф. Моргуна: «Славлю труд» (Алма-Ата, 1951) и «Радуга над степью» (Алма-Ата, 1955).

«...Взглянет девушка тайком...» — Из стихотв. «Ходит парень возле дома» («Радуга над степью»).

«...Липкая — срастается с сапогом...» — Из стихотв. «Дорога» («Радуга над степью»).

С т и х и И. Ф е ф е р а (стр. 180).— «Лит. газета», 1956, 28 июня, № 76.

...публикуемых здесь...— В этом же номере газеты были опубликованы стихи И. Фефера «Небо родины» (пер. Л. Мартынова), «Родное гнездо» (пер. Мих. Голодного), «Березовая семейка» (пер. В. Казина), «Заходит солнце» (пер. П. Карабана).

М у ж е с т в е н н ы й г о л о с (стр. 182).— «Красная звезда», 1956, 4 дек., № 281.

Статья написана к шестидесятилетию Н. С. Тихонова.

«Давайте бросим пеший быт...» — Из стихотв. одноименного названия (цикл «Горы», 1938—1940).

...его известные баллады — «Баллада о гвоздях» и «Баллада о синем пакете» (цикл «Брага», 1921—1924).

...Перелистайте стихи, рассказы, очерки Тихонова...— В период войны опубликованы: поэма «Киров с нами» (1941), книга стихов «Огненный год» (1942), очерки «Ленинград принимает бой» (1942) и др.

...В циклах стихов о зарубежных впечатлениях...— «Два

потока» (1951), «На Втором Всемирном конгрессе сторонников мира» (1953).

«*Тонким кружевом голубым...*»— Из стихотв. «Перекоп» (цикл «Брага»).

С огоньком (стр. 186).— «Искусство кино», 1957, № 3, с. 113. Рецензия на кинофильм «Поэт».

Спасибо поэту! (стр. 189).— «Москва», 1957, № 3, с. 190. Рецензия на книгу стихов Ярослава Смелякова «Строгая любовь» (М., «Сов. писатель», 1956).

К высотам (стр. 193).— «Смена», 1957, № 6, с. 17. Рецензия на первую книгу стихов Игоря Лашкова «Дорога на перевал» (М., Воениздат, 1956).

Светлов цитирует стихотв. «Дорога на перевал» и «У стен Сталинграда».

Стихи Павла Халова (стр. 195).— «Комсомольская правда», 1957, 24 авг., № 201.

Вступительная заметка к публикации стихов: «Сказка» и «По мосточкам города районного...»

Первая книга молодого поэта (стр. 196).— «Нов. мир», 1958, № 7, с. 260.

Рецензия на книгу стихов Валентина Берестова «Отплытие». М., «Сов. писатель», 1957. Выступая на вечере памяти Светлова, В. Берестов говорил, что эта рецензия стала для него «уроком на всю жизнь» (см. об этом в кн.: З. Паперный. Человек, похожий на самого себя. М., «Сов. писатель», 1967, с. 187).

М. Светлов цитирует стихотв. «Семена на снегу» и «Сердцевина».

О поэте и друге (стр. 200).— Иосиф Уткин. Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1958, предисловие.

Во вступительной заметке к публикации ранее не печатавшихся стихов Уткина Светлов писал: «Когда останавливается сердце друга, кажется, что и твое сердце вот-вот замрет. Это я остро почувствовал, когда пятнадцать лет назад вышел из госпиталя и узнал о смерти Иосифа Уткина. В чем была его прелесть? В том, что он мог... не уговаривать читателя, а убеждать его. Убеждать в том, что человечество обладает великим здоровьем, несмотря на временные болезни» («Лит. и жизнь», 1959, 13 нояб., № 135).

...Маяковского, восторженно принявшего «Повесть о рыжем Мотэле».— «.. первый человек, купивший книжку Уткина о Мотэле,— я», – говорил Маяковский на диспуте «Леф или блеф», защищая молодого поэта от несправедливых нападок (см.: Вл. Маяковский. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. 12, с. 338).

...жизни наши начались по-разному.— В короткой автобиографии, написанной в 20-х годах, Уткин сообщал о себе: «В 1903 году мать меня родила в Хингане, в Китае, где мои родители служили. С двух-трех лет я живу в Иркутске, где безвыездно просуществовал до шестнадцатилетнего возраста. Чем я занимался в течение этих лет? Очень многим: учился, выгонялся из училищ, был маркером, «мальчиком» на кожевенном заводе и просто бродягой...» (В. Вешнев. Взволнованная поэзия, с. 30).

О трех поэтах (стр. 203).— Правленая машинопись без подписи автора (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 101). Датируется предположительно. В статье идет речь о книгах: Михай Бенюк. Стихи. Переводы с рум. (М., Гослитиздат, 1958); Евгений Винокуров. Признанья (М., «Сов. писатель», 1958); Вадим Шефнер. Нежданный день (Л., «Сов. писатель», 1958).

В архиве Светлова сохранилась страница машинописи, не вошедшая в основной текст статьи и, вероятно, являющаяся вариантом начала: «Я удивительно не люблю быть назойливо афористичным, но в этой статье я таким буду. Мне так легче.

Что мне не нравится в современной поэтической молодежи? Это создавание искусственных солнц. А когда идешь в непогоду, далекая и не сразу доступная тебе русская печь светит ярче самого сильного солнца.

Здравствуй, русская печь моей советской поэзии! Когда ты со мной, на кой черт мне паровое отопление! Я обязательно должен быть почти замерзшим, прежде чем я дойду пусть до маленького, но все же удивительно теплого огонька искусства. Видите — афоризмы, как бешеные собаки, преследуют меня. И никакие пастеровские прививки мне не помогут. Пожалейте меня. И все равно я полон надежд. Я, маленький заяц советской поэзии, убежден в том, что никакие собаки меня не догонят. Я начал несколько необычно эту свою статью только потому, что я хочу привлечь ваше внимание к трем обнаруженным мной молодым талантам. А если я много говорю о себе, то это объясняется одним клиническим обстоятельством — я не могу допустить, чтобы какое-либо событие в мире происходило без моего участия» (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 101).

Михай Бенюк (р. в 1907 г.) — крупнейший современный румынский поэт, продолжатель революционных традиций румынской поэзии.

В статье М. Светлова о Бенюке, не опубликованной автором (неавторизованная машинопись без названия, нач.: «Хороший поэт — гордость нации...», ЦГАЛИ, там же), отмечаются другие черты румынского поэта, близкие самому Светлову: «...Самая главная черта в поэте — это непосредственность общения. Он разговаривает со мной... Михай Бенюк — это радостный человек, понимающий, что радость не бывает в чистом виде. Настоящая радость — это гибрид прошлого с настоящим. Ничего не пережив, нельзя радоваться... Скромность вовсе не заключается в том, что ты от чего-то отказываешься. Скромность — это прежде всего тактичность. Этой тактичностью в полной мере обладает Михай Бенюк... Это человек настоящего поэтического состояния. Он понимает великий закон

искусства — для того, чтобы все замечать, надо быть незаметным. А у хороших поэтов все получается наоборот — они стараются быть незаметными, а их все равно замечают».

...*чудесное стихотворение «Пионы».*— В этом стихотворении своеобразно передано новое мироощущение румынского крестьянина: «...посадил он в огороде репку, // А взошли пионы отчего-то...» (см. указ. сборник стихов М. Бенюка, с. 97).

...*пишет автор в своем предисловии.*— Михай Бенюк «К советским читателям» — указ. сборник стихов, с. 5.

Незабываемое... (стр. 208).— «Красная звезда», 1959, 17 янв., № 14.

7 января 1959 года в «Красной звезде» было опубликовано сообщение о том, что на территории бывшего фашистского лагеря Заксенхаузен найден блокнот, принадлежащий неизвестному советскому солдату. На обложке блокнота написано: «Незабываемое...», а все его страницы заполнены стихами. Часть этих стихов была напечатана в газете 17 января. О них и пишет М. Светлов.

Встреча с другом (стр. 210).— «Лит. и жизнь», 1959, 21 янв., № 9. Рецензия на кн. стихов Бориса Ручьева «Лирика» (Челябинск, 1958)

Выступая на собрании поэтической секции Московского отделения Союза писателей СССР, на обсуждении книги Ручьева при подготовке ее к печати, Светлов советовал автору не бояться сокращать стихи: «...Надо, чтобы вы нашли в себе силы выбрасывать даже хорошие строфы, если они мешают стройной композиции. У меня впечатление вообще, что стихи надо не писать, а лепить — один на другой. Это своеобразное крупноблочное строительство. А если лишняя строфа, как лишний кирпич, мешает — ее надо убрать» (стенограмма выступления (Центр. Архив ССП СССР), цит. по кн.: «Беседует поэт», с. 160).

Светлов цитирует стихотворения: «По слухам, поднимаясь из берлоги...», «На рассвете подходя к забою...», «У завода город, а меж ними речка...» (из цикла «Красное солнышко»).

В поисках и в находках (стр. 213).— «Лит. газета», 1959, 11 апр., № 44. Рецензия на кн. стихов Давида Кугультинова «Глазами сердца». Пер. с калмыцкого (М., «Сов. писатель», 1958).

Приглашение (стр. 215).— «Лит. и жизнь», 1959, 31 мая, № 65. О книге «Поэзия Чечено-Ингушетии» (М., Гослитиздат, 1959).

Вайнахи — самоназвание чеченцев и ингушей, одна из самых крупных народностей Северного Кавказа.

Стихи Ювапа Шесталова (стр. 217).— «Лит. газета», 1959, 16 июля, № 88. Вступительная заметка к публикации стихов молодого поэта.

«Сосен мерзлый звон над нами».— Из стихотв. «Песни мои».

Николай Дементьев (стр. 219).— Николай Дементьев. Стихотворения (М., ГИХЛ, 1959), предисловие.

[Об издании В. Брюсова в Болгарии] (стр. 222).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 105).

В открытое море! (стр. 223).— «Лит. газета», 1960, 9 июня, № 68. Рецензия на кн. стихов Марата Тарасова «Малая пристань» (М., «Сов. писатель», 1959).

М. В. Тарасов (р. в 1930 г.) — сов. поэт, запечатлел в своих стихах суровую природу и мужественных людей родного Карельского края.

В черновом варианте статьи — другое начало, зачеркнутое автором: «Пользуясь преимуществами своего возраста (в Одессе когда-то говорили: «напихан годами!»), я кладу руку на плечо Марата Тарасова и говорю ему от всей души: — Я абсолютно угадываю все ваши желания в поэзии. Мало того, у меня такие же желания. Я также добиваюсь у читателя чувства изумления. И тут я вам хочу помочь — какого изумления. От обычного или от необычного? Читатель может изумиться от необычного. Такого изумления легко добиться...» (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 101). С Маратом Тарасовым связан и еще один текст Светлова, сохранившийся в его архиве не полностью (одна, третья, страница неавторизованной машинописи): «...ежегодной эмиграции, не уверенные в том, пропишут ли их в прошлогоднем скворешнике.

— Зябко,— говорит Марат.

— Еще бы не зябко! — отвечаю я.— В нашем деле всегда зябко.

— Почему, Михаил Аркадьевич,— спрашивает Марат,— так получается?.. И пишу я как будто неплохо.

— Неплохо,— вставляю я реплику.

— И почему так получается? Не могу я стать читателю таким близким, как отец сыну, как брат брату, хотя бы как родственник родственнику?

И пока я думаю над ответом, соловьи заливаются. Они, соловьи, точно знают свою квалификацию и все время заливаются.

— А потому, что вы еще не промокли до ниточки,— отвечаю я.

— А как найти эту ниточку?

— Если бы я знал! — беспомощно развожу я руками.— Как часто в текстильном производстве нашей поэзии не хватает этой самой ниточки! Я сам мечтаю поймать ее за хвостик. И если я поймаю этот хвостик, я ни с кем не поделюсь. Я эгоист.

— Это заметно,— говорит Марат.

Мы идем молча. Какие-то иволги просят у председателя слова. Соловьи ушли в творческий отпуск. Я думаю, как мне сочи-

нить следующее стихотворение. И Марат тоже думает о своем будущем стихотворении.

— Не такой уж я эгоист,— говорю.— Как только я поймаю эту ниточку, я ею поделюсь с вами. Она достаточно длинная, и ее хватит на всю нашу советскую поэзию. Хорошо писать многие могут, но редко кто может писать необыкновенно хорошо.

Я собираюсь развить свои интересные мысли, но в это время почтальонша вручает мне повестку: «Собрание бюро секции поэтов состоится такого-то числа, в такое-то время».

— А для чего вы собираетесь? — спрашивает Марат.

— А для того, чтобы найти эту самую ниточку,— отвечаю я.

Заря превращается в утро. Рано просыпающиеся люди уже творят свое дело. Проснувшиеся соловьи продолжают свое замечательное, но однообразное пение. Мы с Маратом прощаемся друзьями. Каждый думает о своем» (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 101).

«Вон там стоит домишко, скособочась...» — Из стихотв. «Бакенщик».

«В твоих садах на юных кленах...» — Из стихотв. «Петрозаводск».

К читателю (стр. 227).— Жак Превер. Стихи. Перевод с франц. М. Кудинова. М., Изд-во иностр. лит., 1960, предисловие.

Жак Превер (р. в 1900 г.) — франц. поэт, снискал популярность на родине и за рубежом своими остросовременными шуточными или сатирическими стихами, написанными в форме философской притчи, и сказками.

Франсуа Вийон — франц. поэт середины XV века.

Артюр Рембо (1854—1891) — франц. поэт-символист.

Им помогут найти свою дорогу (стр. 229).— «Веч. Москва», 1961, 7 янв., № 6. Рецензия на пьесу А. Вейцлера и А. Мишарина «Гамлет из квартиры № 13».

С т и х и В л а д и м и р а Л ь в о в а (стр. 232).— «Труд», 1961, 25 марта, № 72.

В. Ю. Львов (1926—1961) — сов. поэт, переводчик, литературовед. «Без отдыха» (М., «Сов. писатель», 1957) — первая книжка поэта; «С начала жизни до конца» (М., «Сов. писатель», 1963) — сборник стихов, изданный посмертно, в который вошли цитируемые Светловым стихи.

«Ж и з н ь в д в и ж е н ь е в с е г д а» (стр. 234).— «Огонек», 1961, № 19, с. 26. Вступительная заметка к публикации стихов Р. Тагора в переводе А. Горбовского.

В заглавие вынесена строка из четверостишия Тагора, открывающего публикацию:

Жизнь в движенье всегда — и ногам и уму
Одинаково свойственно это:
Когда мысли бегут, то у них на ногах
Мелодично звенят браслеты.

В 1961 году по предложению Всемирного Совета Мира отмечалось столетие со дня рождения Р. Тагора.

Е щ е о д и н о г о н е к (стр. 235).— «Дружба народов», 1961, № 5, с. 244. Рецензия на стихи грузинского поэта Тамаза Чиладзе из книги «Сети звезд», опубликованные в журн. «Литературная Грузия», Тбилиси, 1960, № 11, с. 58.

С т и х и Г е н н а д и я А й г и (стр. 238).— «Лит. газета», 1961, 26 сент., № 115. Вступит. заметка к публикации стихов Айги.

Шарль Бодлер (1821—1867) — известный франц. поэт, один из зачинателей западноевропейского модернизма.

П и с ь м о в м е с т о р е ц е н з и и (стр. 240).— «Лит. газета», 1961, 24 окт., № 127.

В статье о Бровке, написанной в связи с присуждением ему

Ленинской премии, Светлов развивает мысль о народности поэта: «Писать для народа научишься не сразу. Нужно с ним побольше пообщаться, вникнуть в его нужды... просто сказать — я сейчас напишу стихи для народа. В таком случае получатся много раз уже кем-то написанные трафаретные стихи. Мы так и писали вначале, подчиняясь трафарету. Не было ни жизненного, ни поэтического опыта. Мы были слишком молоды. Но прошло время, и отношение к жизни, к народу и к своей профессии стало серьезнее, мудрее. Теперь ни я, ни сам Петрусь Бровка, ни широкий его читатель просто не можем представить себе, чтобы Бровка написал какое-нибудь произведение не для народа. Даже если захотел бы, не смог бы. И может быть, в этом и заключается самое большое счастье поэта. Мы с Бровкой недавно совершили путешествие по Беларуси. И я обнаружил в нем качество, которое сам мечтаю обрести. Он растворяется в народе. С колхозниками — он колхозник, с городскими жителями — общительный интеллигент, со слесарями— слесарь, со студентами — студент, с любой матерью-белорускої — любящий и любимый сын. Нет, по-моему, в Беларуси ни одного уголка, где бы не знали и не любили Петруся Бровку. Никакой преграды между ним и читателем. Ни одна возвышенность, ни одна река не разделяет их. Они плыли вместе и против течения, и по более спокойным водам... Присуждение ему Ленинской премии за книгу стихов «А дни идут...» абсолютно справедливо. Бровка заслужил ее. Уверен, что он не остановится на достигнутом. Это совсем не свойственно вечно беспокойному, жаждущему общения с человечеством, очень нам всем нужному белорусскому поэту» (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 109).

М. Светлов цитирует стихотв. «Если спросишь об этом...», «Начало», «Дней осенних краса...».

Дружеская рука на плече (стр. 243).— «Лит. газета», 1961, 2 дек., № 143. Рецензия на кн. Льва Озерова «Светотень». М., «Сов. писатель», 1961.

В черновых заметках Светлова есть записи, реализованные в данной статье: «У нас думают, что лирика — это дневник. А это — драма», «Лирика — не изложение чувств. Противоречивость не обязательно должна быть наглядной», «конфликт — не только между людьми, но и между твоим утренним состоянием и вечерним» (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 133).

Мир, открытый поэту (стр. 246).— «Огонек», 1961, № 50, с. 20. Рецензия на кн. стихов М. Квливидзе «Надпись на камне». М., Гослитиздат, 1961.

Драгоценный сплав (стр. 248).— «Пионерская правда», 1961, 22 дек., № 102.

[О стихах Юнны Мориц] (стр. 249).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 101). Датируется предположительно.

Речь идет о первой книге стихов Ю. Мориц «Мыс желания» (М., «Сов. писатель», 1961). М. Светлов цитирует стихотв. «Карское море» и «Полярная зима».

[О книге Э. Межелайтиса «Человек»] Вильнюс, 1961 (стр. 251).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 101). Датируется предположительно.

М. Светлов цитирует стихи «Лира» (пер. А. Межирова) и «Океан» (пер. Б. Слуцкого).

С дальним прицелом (стр. 253).— «Лит. и жизнь», 1961, 5 июля, № 79. Рецензия на книгу стихов Евгения Винокурова «Лицо человеческое». М., «Сов. писатель», 1960.

Лирика Евгения Винокурова (стр. 257).— «В мире книг», 1962, № 6, с. 34. Рецензия на книгу Евгения Винокурова «Лирика». М., Гослитиздат, 1962.

«...о его книге «Синева».— М. Светлов имеет в виду свою рецензию на сборник стихов Винокурова «Лицо человеческое».

...не собираюсь обманывать.— Далее цитируются строфы из след. стихотв.: «Я знал его. Огнем одним...», «Жена», «Когда мне будет плохо...», «Простота», «Стихам своим служу...».

Мои мысли о Пушкине (стр. 261).— «Неделя», 1962, 4—10 февр., № 6, с. 8; неавториз. машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 117).

Пародии Александра Архангельского (стр. 263).— «Вопр. литературы», 1962, № 2,с. 240.

А. Я. Закушняк (1879—1930) — артист эстрады, чтец, создатель жанра «вечеров рассказа».

Лирическая погода (стр. 265).— «Лит. и жизнь», 1962, 5 окт., № 119. Рецензия на книгу Марка Шехтера, название которой вынесено Светловым в заголовок статьи (М., «Сов. писатель», 1962).

«*Как в позавчерашнем столетье...*» — Из стихотв. «Тюльпан».

«*Пойте, трубы Брянского завода...*» — Из стихотв. «Встреча с Днепропетровском».

Поздравление (стр. 267).— Авторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 109). Датируется по содержанию. И. Семперу исполнилось 70 лет в 1962 году.

«*Чей запах вдаль зовет теперь?*» — Из стихотв. «Из гавани».

«*Мужики огромны, словно горы...*» — Из стихотв. «Разочарование».

...на его новую книгу стихов.— Речь идет о книге: Иоханнес Семпер. Стихотворения. Пер. с эстонского (М., Гослитиздат, 1962), стихи из которой цитирует Светлов.

[О первой книге Беллы Ахмадулиной] (стр. 269).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 101). Датируется предположительно.

Первая книга стихов Беллы Ахмадулиной «Струна» вышла в 1962 г. (М., «Сов. писатель»).

М. Светлов цитирует стихи «Ты говоришь — не надо плакать...» и «Живут на улице песчаной...», упоминает стихотворение «Королева».

...Маяковский в стихотворении о лошади...— Имеется в виду стихотв. «Хорошее отношение к лошадям» (1918).

«*...И зверье, как братьев наших меньших...*» — Из стихотв. Сергея Есенина «Мы теперь уходим понемногу...» (1924).

Старости нет! (стр. 272).— «Лит. газета», 1963, 8 янв., № 4.

Маяковское путешествие (стр. 273).— «Лит. газета», 1963, 9 июля, № 82.

З. Паперный в своей книге о М. Светлове вспоминает «творческую историю» этой статьи: «Летом 1963 года, накануне семидесятилетия Маяковского, я обратился в редакцию «Литературной газеты» с предложением напечатать серию статей и очерков разных авторов о поэте под названием «Маяковское путешествие», рассказать о его пути, о нем — вчерашнем, сегодняшнем, завтрашнем... Начать «Маяковское путешествие» решили просить Михаила Светлова. Его небольшая заметка оказалась потом самой живой и талантливой» («Человек, похожий на самого себя», с. 217).

...в книге Василия Каменского...— Василий Каменский. Юность Маяковского. Тифлис, Заккнига, 1931, с. 54.

[Об Ирине Ракше] (стр. 276).— «Мол. гвардия», 1963, № 10, с. 234. Вступит. слово к публикации рассказов «Марьин цвет» и «Письмо». Цитаты взяты Светловым из рассказа «Марьин цвет».

[Сказки Жака Превера] (стр. 278).— «Огонек», 1963, № 47, с. 30. Вступительная заметка к публикации сказок под назв. «Для непослушных детей»; ЦГАЛИ, ед. хр. 112.

Великий почин (стр. 279).— «День поэзии», М., «Сов. писатель», 1963, с. 133. О поэме Василия Казина одноименного названия (М., Гослитиздат, 1963).

...литературного объединения «Кузница».— Объединение возникло в Москве в 1920 году. Основано группой поэтов, отошедших от Пролеткульта.

...от первой книги «Рабочий май».— Книга вышла в Петрограде в 1922 году.

В ночь под пятьдесят (стр. 281).— «День поэзии», М., «Сов. писатель», 1963, с. 190.

...приближается моя ночь под шестьдесят.— В июне 1963 года М. А. Светлову исполнилось 60 лет.

Беседа с хорошим человеком (стр. 283).— «Лит. газета», 1964, 7 янв., № 3. Рецензия на сб. стихов Б. Котлярова «Вовка «Дон-Жуан» (М., 1964).

[О Всеволоде Багрицком] (стр. 285).— Вс. Багрицкий. Дневники. Письма. Стихи. М., «Сов. писатель», 1964, предисловие.

В. Э. Багрицкий (1922—1942) — учился в Литературном институте, ушел добровольцем на фронт, работал в армейской газете «Отвага».

М. Светлов цитирует отрывки из писем Вс. Багрицкого, опубликованных в книге.

Верность теме (стр. 287).— Борис Дубровин. Сердца, неведомые миру. М., Воениздат, 1964, предисловие.

С небольшим сокращением этот же текст напечатан в журн. «В мире книг», 1964, № 4.

Цитаты приведены из стихотворений «Небесная лаборатория» и «Испытатель».

Поэт-песенник (стр. 288).— Мих. Матусовский. Не забывай. Песни. М., Воениздат, 1964, предисловие.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Выступление на конференции, посвященной работе писателей в газете (стр. 291).— Правленая стенограмма (ЦГАЛИ). Датируется по содержанию.

Конференция была организована ССП СССР, с докладами выступили А. М. Арго, Е. А. Долматовский и др. Светлов принял участие в прениях.

Выступление перед комсомольцами Краснопресненского района г. Москвы (стр. 294).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 100). Датируется по содержанию.

Выступление на вечере памяти Джека Алтаузена (стр. 297).— Правленая стенограмма (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. № 119). Датируется предположительно.

...жизнелюбивого человека.— Алтаузен погиб на фронте в 1942 году.

...родился в Лондоне.— Ошибка памяти Светлова, Алтаузен родился в 1907 году в Китае, куда нелегкая судьба занесла его отца, рабочего с Ленских приисков. Работая «боем» на пароходной линии Шанхай — Гонконг, мальчик превратился из Якова в Джека. Четырнадцатилетним юношей Алтаузену удалось возвратиться в Россию (см. об этом в кн.: Джек Алтаузен. Стихи. М., «Худож. литература», 1971).

С л о в о п о э т а (стр. 298).— «Московский литератор», 1957, 15 февр., № 3. Выступление Светлова на третьем Пленуме правления МОСП, состоявшемся 23 января 1957 года и посвященном вопросам поэзии.

В ы с т у п л е н и е п о л е н и н г р а д с к о м у т е л е в и д е н и ю (стр. 301).— Авторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 121).

...комсомольской газеты «Смена» — орган ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ, издается с 1919 года.

«Двадцать лет спустя».— Пьеса впервые в Ленинграде была поставлена в 1941 году (см. наст. изд., т. 2).

Пражская конференция — конференция РСДРП, состоявшаяся в Праге в январе 1912 года и проходившая под руководством В. И. Ленина. На конференции было положено начало окончательному оформлению большевиков в самостоятельную партию.

П р и в е т с т в и е Л. С. С о б о л е в у (стр. 306).— Авторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 120). Датируется по содержанию. Шестидесятилетие Л. С. Соболева отмечалось в 1958 году.

В ы с т у п л е н и е н а с е к ц и и п о э т о в Московского отделения Союза писателей СССР (стр. 308).— Авторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 123). Датируется предположительно.

В ы с т у п л е н и е н а о б с у ж д е н и и т в о р ч е с т в а м о л о д ы х с и б и р с к и х п о э т о в (стр. 312).— Автограф (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 125).

П р и в е т с т в и е Б. М. Ф и л и п п о в у (стр. 314).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 120). Датируется по содержанию. Шестидесятилетие Б. М. Филиппова,

сов. писателя, заслуженного деятеля искусств РСФСР, отмечалось в 1963 году. *ЦДЛ* — Центральный дом литераторов; *ЦДРИ* — Центральный дом работников искусств.

Неделя детской книги! (стр. 316).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 124). Датируется предположительно.

Выступление по московскому радио (стр. 318).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 124). Датируется предположительно.

Это выступление во время передачи было записано на магнитофонную ленту художником И. Игиным (см. кн.: «Ты помнишь, товарищ...», с. 332; текст записи несколько отличается от машинописного текста, хранящегося в ЦГАЛИ).

Выступление на юбилейном вечере по случаю своего 60-летия (стр. 320).— Неправленая стенограмма (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 126). Вечер состоялся 24 июня 1963 года в Центральном доме литераторов им. А. А. Фадеева.

Открывая вечер, председательствующий Ярослав Смеляков сказал в своем вступительном слове: «...Главное в Светлове — верность. Верность чему? Верность идеям народа и партии. Он ни разу не споткнулся с 1917 года, в то время, когда были разные модные течения. Он ни разу не оступился». Леонид Соболев подчеркнул, что «60 светловских лет — это 60 лет чистейшей коммунистической поэзии...». В. Каверин написал в своем поздравительном адресе: «Поэзия для Вас — не способ существования, а единственный и самый надежный способ убедить человека в том, что он добр и мудр...» (цит. по указ. стенограмме).

...я вам прочту... стихи...— Светлов читал стихотворения «Негодяй» (1962) и «Охотничий домик» (1962) — см. наст. изд., т. 1, с. 642, 632.

Тезисы выступления на юбилейном вечере (стр. 321).— Неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 126). Датируется по содержанию.

СКАЗКИ

Повзрослевшие сказки (стр. 325).— Авторизованная машинопись (архив Н. А. Федосюк). Датируется на основании сообщений автора. 20 апреля 1961 года Светлов писал М. Алигер: «...Мне работа сначала давалась с трудом. Но сейчас я уже привык к новому жанру — прозе и написал две сказки. Но ведь их должно быть десять!» (цит. по кн.: «Ты помнишь, товарищ...», с. 202). Осенью этого же года он упоминал о своей «книге новелл», над которой работает и думает опубликовать ее под названием «Сказки для взрослых» (см.: «Московская правда», 1961, 7 окт.).

Л. Либединская пишет: «В конце пятидесятых годов Светлов задумал написать сказки. В прозе... Замысел очень увлекал Светлова, и он часто и много рассказывал о своих сказках друзьям. Весной 1961 года, находясь в Ялте, он написал «Пролог» и первую сказку из десяти, сказку про Девочку-Копеечку» (цит. по кн.: «Ты помнишь, товарищ...», с. 212).

Более ранний, черновой вариант «пролога» в рукописи назывался «Историей одного самоубийства» (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 95), в беловом автографе возникло общее название «Ялтинские сказки», затем зачеркнутое и переделанное на «Взрослые сказки» (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 96). И наконец, появилось название: «Повзрослевшие сказки». В одной из автобиографических заметок, сохранившихся в архиве писателя, читаем: «Мальчик бегал в Английском саду. Этот Английский сад находился на Украине, в городе Екатеринославе. Время действия — 1913 год. Мальчик катил большое деревянное колесо. Он был очень счастлив. В течение нескольких недель он собирал

десять копеек. Билет в Английский сад стоил десять копеек. Этот мальчик еще не подозревал, что он когда-нибудь станет старым человеком и напишет «Повзрослевшие сказки» и что то обстоятельство, что вход в Английский сад на Украине стоил один гривенник, послужит ему темой для одной из сказок...» (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 133).

...Я написал стихотворение «Голоса» (1961).— См. наст. изд., т. 1, с. 608.

«Средь шумного бала, случайно...» (1851) — строка из одноименного стихотворения Алексея Толстого.

Кавалер де Гриё, Манон Леско — герои романа франц. писателя Антуана Прево «История кавалера Де Гриё и Манон Леско» (1733).

Варианты, фрагменты, наброски (стр. 357).— Неавторизованная машинопись и автограф (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 94 и 133). Датируется предположительно.

А. И. Желябов (1851—1881) и *С. Л. Перовская* (1853—1881) — русские революционеры, видные деятели «Народной воли», активные участники подготовки покушения на Александра II 1 марта 1881 года. Казнены 3 апреля 1881 года.

...Герцен и Огарев клянутся на Воробьевых горах...— В 1827 году на Воробьевых горах друзья принесли клятву пожертвовать жизнью для борьбы за освобождение русского народа.

«...Еще в начале этой сказки...» (стр. 369).— Автограф (архив Н. А. Федосюк), отрывок. Датируется предположительно.

Ольга Мифузорина — так звали и героиню юношеского «романа» Светлова, о котором он вспоминает в «Заметках о моей жизни» (см. наст. том, с. 7).

Луиза Мишель (1830—1905) — видная французская революционерка, участница Парижской коммуны, писательница.

Сказка пьяного человека (стр. 373).— Автограф (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 93). Датируется предположительно. Не закончено.

Смерть Бабы-Яги (стр. 376).— Автограф и неавторизованная машинопись (ЦГАЛИ, указ. фонд, ед. хр. 92). Датируется предположительно. Литературный сценарий мультипликационного фильма.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Выступление на творческом вечере в ЦДЛ (стр. 385).— Сб. «Ты помнишь, товарищ...», с. 222. Вечер состоялся 27 октября 1963 года.

Этот текст сохранился в записи, сделанной Л. Либединской под диктовку М. Светлова (см. об этом в воспоминаниях Л. Либединской «Трудно ли быть молодым?», опубликованных в названном сборнике).

...Маяковский сказал...— Далее Светлов приводит слова из поэмы Вл. Маяковского «Во весь голос» (1929).

Запись беседы М. Светлова со студентами Литературного института имени А. М. Горького (стр. 388).— «Литературная Россия», 1964, 13 нояб., № 46 (под назв. «Беседует поэт»).

М. А. Светлов вел постоянный семинар по поэзии в Литературном институте ССП СССР. 26 мая 1964 года был последний разговор поэта со студентами. Текст сохранился в записи Ф. Матросова и был им опубликован в «Литературной России» после смерти Светлова.

«Будь я не еврей, а падишах...» — Из стихотв. «Письмо» (1929), см. наст. изд., т. 1, с. 292.

...Жуковский перевел «Ундину» (1837).— «Ундина» — повесть немецкого писателя-романтика Фридриха до ла Мотт Фуке (1777—1843).

«Вагоны шли привычной линией...» — Из стихотв. Александра Блока «На железной дороге» (1910).

...поэму чудесного поэта Василия Казина.— Речь идет о поэме «Великий почин», см. о ней высказывание М. Светлова в наст. томе, с. 279.

Верлибр, или свободный стих.—Этим термином объединяется широкий круг явлений в стихосложении XX века, основным признаком которых является интонационная, ритмико-звуковая соотнесенность строк.

«...как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима».— Из поэмы Вл. Маяковского «Во весь голос».

«Мария — дай!» — Из поэмы Вл. Маяковского «Облако в штанах» (1914—1915).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ М. СВЕТЛОВА

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ, ВОСПОМИНАНИЯ И СТАТЬИ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

ВЫСТУПЛЕНИЯ

СКАЗКИ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Светлов М.

С24 Собрание сочинений. В 3-х томах. Т. 3. Статьи. Воспоминания. Выступления. Сказки. Сост., подготовка текста и примеч. А. А. Тарасовой. Оформл. худ. Ю. Алексеевой. М., «Худож. лит.», 1975.

480 с.

В третий том вошли литературно-критические статьи М. Светлова, его рецензии на книги многих поэтов, автобиографические заметки и воспоминания. Особый раздел составляют своеобразные новеллы, которые писатель называл сказками для взрослых или «Повзрослевшими сказками».

С $\frac{70402\text{-}344}{028\ (01)\text{-}75}$ подписное. **Р 2**

МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ
СВЕТЛОВ

Собрание сочинений
том 3

Редактор *Л. Полосина*

Художественный редактор
А. Виноградов

Технический редактор
С. Ефимова

Корректор *Т. Кузина*

Сдано в набор 28/II 1975 г. Подписано к печати А02160 от 8/VIII 1975 г. Бумага типограф. № 1. Формат $70 \times 108^{1}/_{32}$. 15 печ. л. 21 усл. печ. л. 16,824+1 вкл.=16,874 уч.-изд. л. Заказ 2487. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 80 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

1р. 80 к.